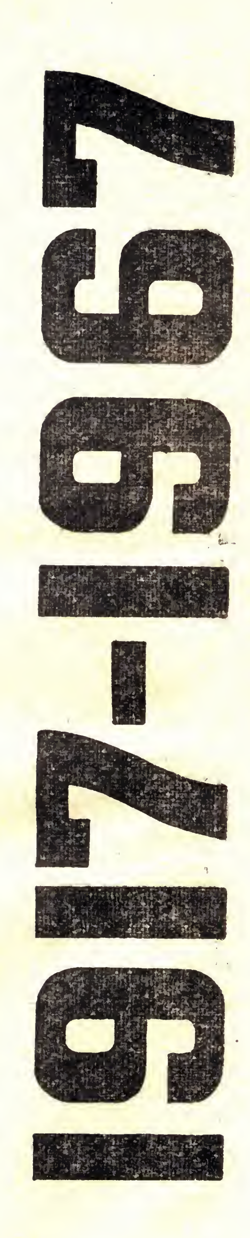

НЕЗРИМЫЙ ФРОНТ
1917-1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН»

НЕЗРИМЫЙ ФРОНТ

АЛМА-АТА — 1967

Каз 2+32 С 9
Н 44

Темной ночью летом 1944 года фашистский самолет прорвался через линию фронта. Над глухим лесом с борта самолета спрыгнул парашютист — агент фашистской разведки. Ему довольно долго удавалось уходить от неизбежного конца. Но сколько веревочке ни виться... Шпион был пойман в Алма-Ате.

О том, как проводилась операция по разоблачению этого матерого лазутчика, о чекистах, которые в своей работе опираются на широкую поддержку народа, повествует один из очерков книги «Незримый фронт».

Сборник подготовлен с участием офицеров запаса и в отставке КГБ при Совете Министров Казахской ССР. Эти люди посвятили свою жизнь службе в рядах чекистов, самоотверженной борьбе с врагами социалистической Родины.

Книгу о чекистах Казахстана с интересом прочтут самые широкие круги читателей.

СОСТАВИТЕЛЬ

КОНОВАЛОВ С. А.

7—3—2
5—6—ТП—67

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга о советских чекистах — людях трудной, мужественной и благородной профессии. Пятьдесят лет советский народ вдохновенно строит первое в мире самое справедливое на земле общество. Разными были эти годы: тревожными и радостными, тяжелыми и победными. В дни острого накала классовой борьбы, суровых испытаний гражданской и Отечественной войн наши чекисты под руководством Коммунистической партии и при поддержке всего советского народа прошли славный путь борьбы с внешними и внутренними врагами Советского государства.

Сборник преследует скромные цели — показать отдельные эпизоды работы чекистов Казахстана в трудные, героические годы жизни нашей Родины.

Книгу писали в основном чекисты-ветераны, непосредственные участники событий. Сюжеты очерков и рассказов опираются на точные исторические факты и интересны не только своей занимательностью, но и с познавательной стороны.

Чекисты свято хранят традиции верности партии, преданности делу коммунизма, той основе, которая была заложена В. И. Лениным и Ф. Э. Дзержинским при создании органов ЧК. Поэтому сборник открывается очерками-воспоминаниями о Ф. Э. Дзержинском: Н. Мельникова — «Дорогие реликвии», Н. Жаркова — «Благодарность Дзержинского», В. Ришта — «Незабываемые встречи», В. Брузгулиса — «Школа железного Феликса».

В них любовно описаны известные им события, связанные с Феликсом Эдмундовичем.

Есть в книге очерк и о В. Р. Менжинском — ближайшем соратнике Ф. Э. Дзержинского, последовательно проводившем линию партии, намеченную В. И. Лениным после перестройки ЧК в 1921—1922 годах.

Большой раздел книги посвящен борьбе чекистов Казахстана с контрреволюционными кулацко-эсеровскими элементами, с различного рода вдохновителями мятежей и восстаний, с вооруженными бандитскими выступлениями против молодой Советской власти. В двадцатых годах в Казахстане, особенно в пограничных районах, обстановка была сложной. Окопавшиеся в Синьцзяне остатки разгромленных белых банд и бежавшие от справедливого народного гнева буржуи, кулаки и баи никак не хотели смириться с потерей своего господства. С помощью разведок иностранных держав они сколачивали бандитские шайки, перебрасывали через границу шпионов и провокаторов.

Подрывная работа против Советского Казахстана особенно активизировалась в начальный период коллективизации сельского хозяйства. Баи, кулаки, их прислужники всячески противились мероприятиям Советской власти, организовывали заговоры, заставляли бедноту резать скот и распродавать имущество, сманивали за границу обманутых ими земляков.

В этих условиях партия и правительство республики ставили перед чекистами задачу разгромить просачивающиеся через границу банды, обезвредить шпионов, лазутчиков вражеских разведок, а также другие контрреволюционные элементы.

Совместно с частями особого назначения и коммунистическими отрядами чекисты организовывали охрану границы, вылавливали бандитов и шпионов, поддерживали порядок в пограничных районах. Борьба была суровой и беспощадной. Чекисты теряли порою своих лучших бойцов. Но мало было разгромить в открытом бою вооруженных врагов. Самое трудное — открыть глаза обманутым контрреволюционной агитацией людям, помочь им найти правильный путь в жизни. Под руководством партии и вместе со всем народом чекисты справились и с этой важной задачей.

Великая Отечественная война поставила перед чекистами много новых сложных задач, от правильного и четкого решения которых зачастую зависело очень

многое. Вражеские разведчики и диверсанты во время войны появлялись даже в самом глубоком нашем тылу. История сохранила свидетельства жарких схваток с фашистскими разведчиками в районе Уральска и в других местах Казахстана. Советские разведчики, постоянно рискуя своей жизнью, обезвреживали фашистскую агентуру, работали в тылу врага на временно оккупированной гитлеровцами территории. Чекисты-казахстанцы сражались с врагом в специальных фронтовых частях, в партизанских отрядах.

Бойцы незримого фронта самоотверженно боролись с врагами Родины. Многие из них, выполняя священный долг, погибли.

В годы становления Советской власти в Казахстане в борьбе с классовыми врагами погибли чекисты Сакен Нургалиев, Николай Прокофьевич Тяжев, Кадыр Насырович Фаизов, Михаил Филиппович Перепоров; на полях сражений с фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны пали смертью храбрых казахстанские чекисты Абдулла Уразбаевич Дыканбаев, Сергей Андреевич Лукьянов, Азиз Мирсадыков, Дмитрий Михайлович Сладков, Койшибай Шукенов, Тимофей Аркадьевич Горлов, Шакир Мендыбаевич Арсланов, Павел Иванович Бочкарев, Галауадин Акашев, Умирбек Омарбеков, Нургали Карабалин, Николай Архипович Новиков, Иван Михайлович Зыков и многие другие.

Светлая память о павших героях-чекистах навечно останется в сердцах советских людей. Большинство из них посмертно награждены орденами и медалями, другие занесены в Книги почета, именами наиболее отличившихся героев названы улицы и переулки в некоторых городах Казахстана. Один из заливов на Каспийском море и улица в городе Гурьеве названы именем Александра Ильича Фетисова — отважного чекиста, отдавшего жизнь при подавлении байско-повстанческого выступления в Гурьевской области в 1931 году.

Вместе со всем советским народом сотрудники Комитета государственной безопасности при Совете Министров Казахской ССР и его органов в областях республики, готовясь к встрече пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции и выполняя

решения XXIII съезда КПСС, усиливают свою чекистскую бдительность и главное внимание обращают на активизацию борьбы с подрывной деятельностью империалистических разведок против Советского государства.

Воспоминания и рассказы чекистов, собранные в этой книге, показывают лишь небольшую часть той огромной работы, которую под руководством партии, опираясь на самые широкие слои трудящихся, проводили и проводят сотрудники органов государственной безопасности. Труд их очень важен и нужен народу. Показать сложную и кропотливую работу чекистов, их беззаветное служение советскому народу — такой была задача авторов данного сборника.

Генерал-майор
А. ТЛЕУЛИЕВ

Н. МЕЛЬНИКОВ

ДОРОГИЕ РЕЛИКВИИ

Я смотрю на женщину преклонных лет, и что-то знакомое, родное угадывается в чертах ее лица. Где-то я уже видел этот острый, пронзительный взгляд живых искристых глаз.

— Познакомься,— говорит мне Виктор Захарович Лебедев.— Это Альдона Эдмундовна, сестра Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Так вот почему облик этой женщины — гостьи Чрезвычайного и Полномочного посла СССР в Польше Виктора Захаровича Лебедева — показался мне где-то виденным. Брат и сестра поразительно похожи друг на друга. Кажется, я узнал бы ее на улице среди прохожих, даже в большой толпе.

— Альдона Эдмундовна здесь ненадолго,— обратился ко мне посол.— Постарайся воспользоваться ее любезной помощью в предстоящей тебе работе.

Виктор Захарович объяснил мне, что Центральный Комитет нашей партии и Советское правительство дали задание организовать поиски и сбор материалов и фотодокументов, касающихся деятельности Феликса Эдмундовича в Польше. Альдона Эдмундовна обещала оказать в этом важном деле всяческое содействие. Поскольку сестра Дзержинского проживала не в Варша-

ве, а в Лодзи посол предложил мне немедленно выехать с ней на место. Виктор Захарович предоставил для этой цели свою машину, и в этот же день мы выехали из Варшавы.

Было это в 1948 году. Польша только начинала оправляться от тяжких ран минувшей войны. Следы боев и варварских фашистских разрушений еще встречались на каждом шагу. Всю дорогу до Лодзи Альдона Эдмундовна охотно отвечала на мои вопросы. Казалось, она не чувствовала усталости, хотя ей было в ту пору уже семьдесят восемь лет. Единственное, что она попросила сделать для удобства путешествия,— это включить в машине отопление.

— Я мерзлячка,— пошутила Альдона Эдмундовна.

Коротая время за приятной беседой, мы и не заметили, как доехали до Лодзи.

В квартире Альдоны Эдмундовны нас никто не встретил. Ее дочь Мария была еще на работе, а больше в доме никого не было.

Альдона Эдмундовна оказалась доброй и гостеприимной хозяйкой. Накрывая на стол и хлопоча по хозяйству, она все время говорила со мной, вспоминала брата, рассказывала о своей жизни.

Во время нашествия фашистов она с мужем и дочерью находилась в Вильнюсе. Голод и нужда в конце концов погнали их из города в небольшой поселок Дзержинск. Тут тоже было трудно. Люди опухали от недоедания. Кое-как они с дочерью выжили, а муж умер.

К их счастью, люди в поселке оказались порядочными и немцам никого из семьи не выдали. Можно представить, что было бы с родными прославленного революционера, окажись они в руках фашистов.

Когда Советская Армия освободила Вильнюс, а затем Варшаву и другие города, Альдона Эдмундовна с дочерью Марией выехала на жительство в Лодзь.

Время за разговором летело незаметно. Вернулась с работы Мария, Альдона Эдмундовна познакомила меня с ней и объяснила ей цель моего приезда из Варшавы. Мария оказалась простой и обходительной женщиной и тоже очень похожей на Феликса Эдмундовича.

С разрешения хозяйки и ее дочери я сфотографировал их. Фотоснимки получились хорошие, и я вручил их родным Феликса Эдмундовича, когда посетил их во второй раз.

После чаепития Альдона Эдмундовна извлекла из своих тайников дорогие ей реликвии, заботливо упрятанные в черной тисненой папке, перетянутой голубой лентой. Фотокарточки в папке тоже были тщательно завернуты в бумагу.

Феликс Эдмундович Дзержинский с женой и сыном.

Положив передо мной на стол бесценные для истории документы, Альдона Эдмундовна сказала:

— Вот фотоснимки и письма Феликса Эдмундовича. Посмотрите их, и что вам нужно — используйте. Не спешите, можете заночевать у нас, а завтра еще поработаем.

С чрезвычайным волнением я взялся изучать содержимое заветной папки. Фотоснимки в большинстве были сделаны в Швейцарии, в городе Цюрихе. Вот Феликс Эдмундович со своей женой Софьей Сигизмундовной и сыном. А вот он в арестантской робе: этот снимок сделан в Орловской тюрьме в октябре 1914 года, куда он был брошен царским правительством в первый год империалистической войны.

Интересной оказалась переписка Феликса Эдмундовича с сестрой Альдоной Эдмундовной и с близкими друзьями. Письма более чем тридцатилетней давности. Просматриваю одно письмо, другое, третье. На письмах и открытках из тюрьмы — черный жирный штамп цензуры: «Проверено». Феликс Эдмундович очень осторожен, пишет намеками. Но как он досадует, что в это сложное время он не на свободе, не среди своих верных друзей, не может вместе с ними бороться против самодержавия.

Жадно вчитываюсь в дорогие документы и вскоре убеждаюсь, что все они представляют большую ценность. Но мне ясно и другое: даже для беглого ознакомления с ними мне потребуется уйма времени. Как же быть? Ведь не могу я злоупотреблять гостеприимством хозяев. Решаюсь обратиться к Альдоне Эдмундовне с просьбой дать мне документы в Варшаву для тщательной и обстоятельной обработки. Разумеется, с гарантией, что все будет возвращено в целости и сохранности.

Альдона Эдмундовна немного поколебалась, затем сказала:

— Я очень любила Феликса. Все, что сейчас перед вами,— самое дорогое, самое ценное для меня. Ну что ж, берите документы с собой. Понимаю, что они нужны не только мне.

Я горячо поблагодарил Альдону Эдмундовну. В Варшаве письма, фотоснимки, открытки — всего около двухсот документов — еще раз прошли через мои руки. Мы сделали фотокопии и отправили их в Москву. А через несколько дней я отвез Альдоне Эдмундовне папку с документами.

Сестра Феликса Эдмундовича попросила меня по возможности чаще посещать ее. Такой случай мне вскоре представился. В конце декабря 1948 года мне посчастливилось повидаться с женой Феликса Эдмундовича Софьей Сигизмундовной и ее сыном, которому в ту пору было уже 38 лет. Мать и сын прибыли в Варшаву в составе делегации Советского Союза на Международный конгресс ученых — сторонников мира. Виктор Захарович Лебедев рассказал Софье Сигизмундовне о моих встречах с Альдоной Эдмундовной, и жена Дзержинского попросила посла познакомить меня с нею. Софья Сигизмундовна подробно расспросила меня о своей родственнице, с которой она по ряду причин не виделась тридцать лет.

— Как быстро летит время,— сказала Софья Сигизмундовна,— мне уже шестьдесят пять лет, а ей — под восемьдесят. Годы немалые.

По просьбе Софьи Сигизмундовны я поехал к Альдоне Эдмундовне, чтобы пригласить ее в Варшаву: шел конгресс и Софья Сигизмундовна не могла тогда отлучиться из Варшавы. Альдона Эдмундовна с радостью и

волнением выслушала вести о Софье Сигизмундовне и племяннике.

...Со дня незабываемых встреч в Варшаве и Лодзи прошло уже около двух десятков лет, но я до сих пор помню все до мельчайшей черточки. Такое не забывается.

Документы, которые предоставила в распоряжение Советского правительства Альдона Эдмундовна, позволили нам еще лучше и полнее узнать Феликса Эдмундовича Дзержинского — славного рыцаря революции.

В. РИШТ

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

На юге страны гражданская война шла на убыль. Деникин был разгромлен, и в январе 1920 года части Красной Армии освободили от белогвардейцев Ростов-на-Дону. Вскоре в Почепскую уездную чрезвычайную комиссию, где я тогда служил, пришла телеграмма от Феликса Эдмундовича Дзержинского. Он предлагал немедленно откомандировать в Москву, в распоряжение ВЧК, трех чекистов-коммунистов. Штат уездной ЧК небольшой, и оторвать трех человек было не так-то просто. Но приказ есть приказ. В Москву направили двух моих товарищей — Козина и Салаева — и меня, в то время члена уездной ЧК.

Дорога оказалась трудной. Да это и понятно: транспорт был разрушен, поезда ходили редко. Кое-как втиснулись в вагон. Ехать пришлось стоя. Только перед самой Москвой вагон немного разгрузился. Прямо с вокзала, в помятых дорожных бекешах и шапках, с чемоданами двинулись на Лубянку, где помещалась ВЧК. Идем усталые, голодные. В карманах у нас только по куску камфары да нафталина — широко распространенные профилактические средства того времени.

На Лубянке нас долго не задержали: обстановка не благоприятствовала заседаниям и совещаниям. Уже

Феликс Эдмундович Дзержинский в рабочем кабинете.

через час мы вместе с другими приглашенными были в кабинете Дзержинского. По рассказам товарищей, бывавших у Феликса Эдмундовича, я примерно представлял, как выглядит знаменитый кабинет председателя ЧК. А знаменит он был своей необыкновенной простотой. В комнате ничего лишнего: стол, стулья, в углу за ширмой — железная солдатская кровать. Здесь Феликс Эдмундович работал и здесь же в редкие свободные часы отдыхал. Позже, когда мне становилось особенно трудно, когда до предела изматывался на работе, я всегда вспоминал этот кабинет Дзержинского. Вспоминал и думал: «А разве ему легче? Разве он жалуется на усталость?»

Феликс Эдмундович вошел в кабинет и сразу, без предисловий, заговорил о деле, ради которого нас вызвал. Говорил он ясно, твердо, уверенно. Ростов освобожден Красной Армией. Но этот город еще далеко не советский. В Ростове собрались сливки российской контрреволюции, буржуи и помещики, не успевшие бежать с белыми. Феликс Эдмундович подчеркнул, что именно нам, чекистам, предстоит наладить мирную жизнь в городе. Надо быстро очистить Ростов, близлежащие поселки и станицы от контрреволюционеров и

заговорщиков, от мятежников, бандитов, налетчиков, спекулянтов. Работа предстоит серьезная, напряженная и ответственная. Для этого организуется новая Донская ЧК.

— Понятна ли задача? — спросил Дзержинский.

Все было, конечно, понятно. Феликс Эдмундович не стал нас задерживать. Он вызвал коменданта, приказал ему обеспечить нас всем необходимым для поездки в Ростов, и мы в этот же день покинули Москву.

Ростов бурлил и волновался. Уже в первые дни работы в Донской ЧК мы убедились, как прав был Феликс Эдмундович, предупреждая нас о чрезвычайно сложной обстановке в городе. Один за другим раскрывались и обезвреживались заговоры, шла жестокая борьба с крупными бандами, со шпионами и предателями. Буржуи и их прихлебатели всеми способами срывали начинания молодой Советской власти, устраивали саботажи, дезорганизовывали работу предприятий и транспорта. Чекистам приходилось работать днем и ночью.

Враг был хитер, но и мы не дремали. Как-то у одного арестованного офицера было обнаружено письмо, в котором он предупреждал своего друга полковника, окопавшегося в штабе Северо-Западного фронта, о грозящей ему опасности. Этим письмом и решила воспользоваться ЧК, чтобы обезвредить опасного заговорщика. Поздней ночью я подъехал на извозчичьей пролетке к полковнику. Вместо кучера на козлах сидел переодетый чекист.

— Господин полковник,— сказал я заговорщику, когда он прочел письмо и принял меня за «своего».— Вас подстерегает большая опасность. Следует как можно быстрее оставить место работы и сменить квартиру.

— Что же вы мне посоветуете?— с тревогой спросил полковник и начал торопливо одеваться.

— У ворот стоит экипаж,— сказал я.— Мне поручено доставить вас в надежное место.

Ничего не подозревающий полковник сел в пролетку и вскоре оказался в «безопасном месте» — в камере ДонЧК. Потрясение было так сильно, что полковник долго не мог вымолвить слова. Все, однако, окончилось благополучно, и на другой день заговорщик вполне нормально разговаривал с работниками ЧК.

Приходилось нам в то время изымать золото, бриллианты и другие ценности, похищенные из сейфов государственных банков и награбленные другими путями. Чекисты громили бандитов и спекулянтов, решительно пресекали малейшие контрреволюционные выступления. Работали мы энергично, и к августу 1920 года задание Дзержинского по Ростову было в основном выполнено. К этому времени пришел приказ: всем полякам-коммунистам прибыть в распоряжение Польского ревкома к товарищу Дзержинскому. Я снова оказался в дороге.

На этот раз путь от Ростова до Харькова был много лучше, чем от Почепа до Москвы. Обстановка на транспорте явно улучшалась. Я очень хорошо отдохнул в дороге и готов был к новой работе. В Харькове, однако, нас ждало разочарование. Председатель Чрезвычайной комиссии Украины товарищ Манцев объявил полякам-чекистам, что направить нас по назначению не может. Оказывается, Красная Армия покидает территорию Польши, и как дальше будет обстоять дело с Польским ревкомом, пока неизвестно. В конце концов решено было откомандировать нас в Москву в распоряжение ВЧК.

Что представляет собой Временный Польский революционный комитет, под руководством которого мы должны были работать, и для чего он был создан, я узнал позже, уже в Москве. После Второго конгресса Коммунистического Интернационала, обратившегося с призывом к рабочим всего мира встать на защиту революции в России, Польское бюро агитпропа ЦК РКП(б) вошло с ходатайством в ЦК РКП(б) объявить мобилизацию коммунистов-поляков на польский фронт. Центральный Комитет эту просьбу удовлетворил, объявил мобилизацию и создал Польское бюро ЦК РКП(б) во главе с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским для практического руководства деятельностью мобилизуемых коммунистов. В бюро вошли также Юлиан Мархлевский, Феликс Кон, Эдвард Прухняк и Юзеф Уншлихт.

Этим событиям предшествовали большие изменения на польском фронте. Отражая натиск войск Пилсудского, Красная Армия 14 мая 1920 года перешла в контрнаступление и заняла города Борисов, Жи-

томир, Киев. 4 июля началось общее наступление наших войск, они быстро продвигались вперед.

30 июля в городе Белостоке был образован Временный Революционный Комитет Польши (Польревком). Юлиан Мархлевский стал его председателем, а Феликс Дзержинский, Феликс Кон, Эдвард Прухняк и Юзеф Уншлихт — его членами.

Первое в истории Польши рабоче-крестьянское правительство развернуло кипучую деятельность на освобожденных территориях. Душой его был Дзержинский. В этих условиях преданные и знающие люди были крайне нужны для большой агитационной, разъяснительной, организаторской работы не только Польревкому, но и всем армиям польского фронта.

Но, как я уже говорил, обстановка на фронте изменилась, и вместо Польревкома мы снова оказались в Москве, у Феликса Эдмундовича Дзержинского. И в этот раз Дзержинский принял нас в своем кабинете на Лубянке. Кроме Феликса Эдмундовича за его рабочим столом сидели Менжинский и, кажется, Ксенофонтов.

— Вот и собрались рыцари Польского ревкома,— шутя сказал Феликс Эдмундович.— Хотели поработать для Польши, но не пришлось. Что ж, ничего не поделаешь... Вам придется разъехаться по чрезвычайным комиссиям страны и работать там.

Я получил назначение в город Уральск, в незнакомый мне до этого край.

Председателем ЧК Уральской губернии был тогда Долгирев. Он тут же приказал зачислить меня в штат, а в ноябре этого же, 1920 года послал на укрепление Гурьевской уездной ЧК уполномоченным. Положение в Гурьеве в те годы было напряженным. В апреле 1921 года вспыхнуло восстание русских казаков. Оно сразу приняло большой размах. В нем оказались замешанными комендантская рота, начальник милиции Яшков и его помощник Толстов.

Главари заговора были известны нам еще до начала восстания, и я даже предложил проект плана ареста руководящего центра — Ефремова, Яшкова и Толстова. Намечалось арестовать их одновременно. Но председатель ЧК Кубасов изменил план, арестовав сначала Яшкова и Толстова, и только позже решил взять Ефремова. Это было ошибкой. Арест двух участников

заговора сразу же стал известен Ефремову: повстанцы вели неослабное наблюдение за УЧК.

В канун намечавшегося восстания для ареста Ефремова были посланы помощник уполномоченного Миридонов, оперативный комиссар Пантелеймонов и два бойца. Мне поручили провести операцию по другой группе. Когда Миридонов стал отпирать калитку ворот, охрана главаря повстанцев схватила его.

Миридонова закололи штыком. Поднялась стрельба, послужившая сигналом к началу восстания. Повстанцы хотели сначала захватить и разгромить ЧК. Они наступали со всех сторон. Но к зданию ЧК стекались коммунисты города и брались за оружие. Хорошо сражался с повстанцами батальон военизированной охраны под командованием Яковлева. Геройски действовал пулеметчик Толмачев. Его пулемет был установлен на автомашине. Весь уездный отдел ЧК также активно участвовал в подавлении восстания. Это было моим первым боевым крещением в Казахстане.

Через пятнадцать-двадцать дней из Астрахани в Гурьев по распоряжению ВЧК пришел 125-й стрелковый полк, который и завершил ликвидацию восстания.

Чекист Миридонов с воинскими почестями похоронен на площади Гурьева, там же, где похоронены организаторы Советов, погибшие от пуль белогвардейцев.

До 1935 года я работал в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД, участвовал во многих операциях, а затем был откомандирован на работу в Казахский Совнарком.

Много лет прошло с тех пор. Но я и сейчас с волнением вспоминаю годы, отданные революции, нашей Родине и незабываемые встречи с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским.

В Дзержинском меня больше всего поразили его глаза — светлые, веселые, доброжелательные. Еще при первой встрече он сразу же расположил нас к себе. Говорил мало, только по делу, а обаятельный образ его остался в наших сердцах на долгие годы.

Н. ЖАРКОВ

БЛАГОДАРНОСТЬ ДЗЕРЖИНСКОГО

1921 год. Голодный, тяжелый год. По железным дорогам и водным путям хлынула в Сибирь и Казахстан масса людей. По трактам и проселкам брели они в поисках куска хлеба. Истощенные, больные, с потухшим взором. Среди них — дети. Страшно было смотреть на них. Сердце обливалось кровью...

В Акмолинской губернии, где я работал в те годы в ЧК, хлеба было много, но взять его не всегда удавалось. Только что отшумело вооруженное восстание кулачества. Белогвардейцы разгромили партийные и комсомольские организации в Петропавловском и Кокчетавском уездах. В одном только Петропавловске в братскую могилу легли сто десять коммунистов. При защите города погибли и многие чекисты. В уездах бродили отдельные вооруженные бандитские группы. Они запугивали крестьян и не давали вывозить хлеб из глубинных сел и деревень.

В Акмолинске была выявлена крупная повстанческая организация, которой руководили эсер Благовещенский и офицер царской армии Ванин. Оба бежали из Уфы после разгрома колчаковцев.

В организацию, называвшуюся «Штаб действия и исполнения», Благовещенский и Ванин вовлекли не

только антисоветски настроенных горожан, но создали многочисленные подпольные группы из кулаков в селах, установили связи с соседними уездами и Омском. Кулацкие группы усиленно изыскивали и приобретали оружие, боеприпасы, поддерживали тесные связи с бандами, снабжали их всем необходимым, требуя взамен только одного: истреблять коммунистов и не давать вывозить хлеб.

К тому времени я был уже не новичок на чекистской работе. Впервые сотрудником Омской комендатуры ЧК я стал еще в конце декабря 1917 года. Рекомендовал меня на эту работу полковой комитет 37-го Сибирского стрелкового полка.

При комендатуре, кроме двадцати оперативных работников, имелись кавалерийский отряд в пятьдесят человек и образцовая рота в двести пятьдесят бойцов. С утра до вечера оперативные работники были на ногах, выполняя задания председателя Омского Совета и окружного Военно-Революционного комитета Косарева, председателя Омского комитета большевиков Лобкова и коменданта Шебалдина.

Больше всего нас тревожили эсеры и белогвардейцы-офицеры. Они организовывали митинги, выступали с клеветой на большевиков и с призывами не признавать Советскую власть, устраивали саботаж в учреждениях, банках, почтово-телеграфных конторах.

Всех их надо было приводить к порядку, а самых вредных и непримиримых арестовывать. Участвовали мы и в национализации банков, сборе контрибуции, в конфискации товаров у торгашей. Эта работа была важной, нужной. Но облегчалась она тем, что почти все антисоветские проявления носили тогда открытый характер.

Совсем иное дело было в 1921—1922 годах. Враги стали действовать скрытно, в глубоком подполье, пытались наносить удары в спину. Такой была и акмолинская повстанческая организация. Для ее ликвидации надо было сначала вскрыть подполье. Это было под силу только Чрезвычайной комиссии. У нас была квалифицированная разведка, и мы знали все о делах заговорщиков.

И вот в это сложное время меня вызвали в губотдел и засадили за изучение приказов о борьбе с беспризор-

Феликс Эдмундович Дзержинский во время поездки в Сибирь (1922 год).

ностью. Дали прочесть очень важное письмо-призыв к чекистам Феликса Эдмундовича Дзержинского. В нем говорилось о тяжелом положении детей, лишившихся родителей в результате империалистической, гражданской войн и бедствий, связанных с ними, и о необходимости принять все меры для улучшения жизни детей и спасения их от голода. Письмо заканчивалось словами: «Забота о детях — лучшее средство истребления контрреволюции».

Уже при первом взгляде на письмо и подпись Дзержинского от моей досады, что зря оторвали от дела, ничего не осталось. А когда прочел последние слова, в голове начали складываться практические планы. Феликс Эдмундович по-новому заставил отнестись к борьбе с детской бедой и взяться за дело сейчас же, немедленно.

Письмо-призыв было воспринято как боевой приказ. Никто из чекистов не остался к нему равнодушным. Многих детей спасли тогда чекисты от верной смерти, собирая их по вокзалам, пристаням, дорогам и чердакам домов. Работники Акмолинской губернской ЧК зимой 1921 года организовали детский дом. Ребятишек кормили, отрывая продовольствие от пайков сотрудников ЧК.

Заботу о детском доме мы возложили на коменданта ЧК Филиппа Ивановича Калюту, доброго, отзывчивого человека. И он хорошо справился с этой важной работой.

В феврале 1922 года нашего председателя Акмолинской губЧК товарища Бокшу вызвал в Омск с докладом Феликс Эдмундович Дзержинский. Он в тот год

по решению Политбюро ЦК контролировал отгрузку хлеба из Сибири в промышленные центры страны.

Поинтересовавшись работой ЧК, Дзержинский сказал:

— Надеюсь, что условия для вывозки хлеба вы в ближайшее время создадите, кулацко-эсеровские помехи устраните, а вот как у вас обстоят дела с беспризорностью?

— Налаживается борьба и с этим злом,— ответил товарищ Бокша и рассказал Дзержинскому о детском доме, содержавшемся за счет сотрудников, о большой душевной теплоте, которую проявляют работники и их семьи к попавшим в беду детям.

— Передайте мою благодарность петропавловским чекистам за их заботу о детях,— сказал Феликс Эдмундович.— Это большое дело.

Благодарность Дзержинского, объявленная нам на собрании коллектива товарищем Бокшей, воодушевила нас.

Вскоре организация эсера Благовещенского и белого офицера Ванина была полностью разгромлена, бандитские группы, связанные с ними, выловлены. Благовещенский и начальник его штаба Ванин арестованы, а все собранное ими оружие изъято.

Вывозка хлеба из глубинок после этого пошла полным ходом.

...Недавно я прочел воспоминания Г. М. Кржижановского. В них меня поразили вот эти строки. «В один из голодных кризисов лютой зимы надо было вывезти из необъятной Сибири несколько десятков миллионов пудов хлеба. То была последняя надежда для голодающего центра. Приказами действовать уже нельзя было. Вначале должно было стоять дело, а не слово. Надо было с бешеной энергией сбить маршруты из всего действующего состава железных дорог, поставить во главе их отважного человека и бросить в ледяные поля Сибири. Маршалом всего этого «хлебного корпуса», решившим его судьбы, был назначен Феликс Эдмундович. И с горстью отважных он реализовал это чудо — сибирский хлеб спас нас от трагической развязки»[1].

---

[1] *Г. М. Кржижановский.* Соч., т. 3, стр. 146.

Я сразу вспомнил собрание сотрудников Акмолинской губЧК, доклад Бокши о разговоре с Феликсом Эдмундовичем в Омске. Вспомнил и еще раз удивился необыкновенной энергии Феликса Эдмундовича: при такой ответственности перед страной он не забыл о беде маленьких советских граждан. Звал, не медля ни часа, вмешиваться в их судьбы. И как он был прав. В таких делах нельзя запаздывать...

И чекисты, следуя указаниям посланца партии и Ленина, не только устранили «помехи» контрреволюции, обеспечили нормальные условия для вывозки хлеба и семян, но и были застрельщиками в спасении детей. Все находившиеся под нашей опекой дети оправились от болезней и голода и весной 1923 года были переданы органам народного образования.

Из доклада Бокши мне запомнилось сообщение о том, как Феликс Эдмундович порадовался, узнав, что чекисты Акмолинского края не очерствели и в нужный момент проявили сердечную заботу о детях.

В. БРУЗГУЛИС

ШКОЛА ЖЕЛЕЗНОГО ФЕЛИКСА

«Как вы стали чекистом? Как и у кого учились? Как обходились без специальных школ, без курсов?» Эти вопросы неизменно задают мне молодые чекисты.

В двадцатых годах вроде так и было: никто нас не учил по той простой причине, что не было у чекистов ни времени, ни школ, ни преподавателей, ни ранее накопленного опыта. Набирались умения и мастерства непосредственно в борьбе с врагами.

Любознательных такой ответ, однако, не удовлетворяет.

— А как же все-таки было?.. В жизни? — допытываются они. Вот я и решил здесь рассказать, как все это было.

После возвращения с фронта в 1917 году я работал в паровозном депо на станции Баскунчак Астраханского отделения железной дороги подручным котельщика. Летом 1918 года вступил в группу сочувствующих, а уже в октябре был принят в Коммунистическую партию.

Партийная организация депо и станции была самой крупной в отделении. Возглавлял ее плотник дистанции пути Будников. Большой души человек и прекрасный организатор, он пользовался у рабочих непрере-

каемым авторитетом. В те бурные годы контрреволюция то и дело поднимала голову. Нам, коммунистам, приходилось выезжать на ликвидацию кулацких восстаний и выступлений отдельных банд. Водил коммунистов на боевые дела председатель коммунистической ячейки Будников.

Когда деникинская армия стала подходить к Ахтубе, на станции Баскунчак была создана коммунистическая дружина. В нее вошли и передовые рабочие. Отдельный домик партийной организации в две больших комнаты и одну маленькую, отведенную под склад оружия, стал штабом обороны. Я был старшим по складу оружия и почти постоянно находился при штабе. Разумеется, выезжал на операции; ни одну из них не пропустил.

В августе 1919 года на станцию Баскунчак приехал председатель Астраханской транспортной ЧК Евлампиев. Сделав доклад на партийном собрании о текущем моменте, положении на фронтах, рассказав о вылазках внутренней контрреволюции, он стал говорить о больших задачах ЧК, о необходимости укрепления ее кадрами из коммунистов. Собрание тут же решило выделить для работы в ЧК шесть человек. В их числе оказался и я.

Страшновато было первое время. Огромная ответственность и дело совсем незнакомое. Я было начал отказываться от поездки в Астрахань. Убедил меня все тот же Будников.

— Ну чего ты боишься?— говорил он.— С врагами бороться умеешь, не раз сходился с ними в открытом бою. Чего еще?

— Так тут же не только повстанцы и бандиты... Найти их надо, врагов, да чтобы не ошибиться,— возражал я.

— И опять ничего страшного. Железнодорожное дело знаешь? Знаешь. Вынужденно задерживается воинский эшелон или по злому умыслу — отличить можешь? Можешь. А мешочники и саботажники и так видны, от тебя не уйдут.

— А если заговорщик? Тогда как?

— С этим, конечно, посложнее. Но свет-то не без добрых людей... Помогут, подучат.

— Не решаюсь. Дело сложное, а у меня три класса образования.

— А ты слышал такие слова: всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться?

Я об этом ничего не знал.

— Не слышал? Ленин говорил. Вот и рассуди: пока мы будем подыскивать знающих да умеющих, обучать их, враг наступит нам на горло. А мы и защищаться не сможем. Некому! Не нашли, мол, таких людей! Образования не дали!..— Будников даже расстроился, пораженный моим упрямством.— Вот что. Знаем, что ты для этого дела подойдешь: тверд, решителен, коммунист. Это главное, и этого пока достаточно. А остальное приобретешь.

Возражать мне было нечего. Вшестером мы выехали в Астрахань, явились прямо к председателю ЧК и предъявили направления ячейки. Евлампиев с улыбкой поздоровался со всеми, вызвал секретаря и велел дать новичкам дело с приказами и указаниями.

— Прочитайте,— сказал он.— Здесь все, что надо знать работнику транспортной ЧК. После побеседуем.

Молодые чекисты, по правде говоря, побаивались предстоящей беседы с председателем. Прочитали все, что было в папках, добросовестно, обменялись мнениями и кое-что записали в тетрадях. Я и сейчас помню некоторые из этих записей:

«Быстро и решительно ликвидировать всякие заговоры, не давать им разрастаться».

«Воинские эшелоны и грузы ни при каких обстоятельствах не задерживать. Помнить, что от этого зависит наша победа. Отвечать за них головой». «Быть самим честными и правдивыми». «Прислушиваться к голосу рабочих. Правильно оценивать их заявления и действовать. Рабочих за антисоветские высказывания не арестовывать, чаще всего так говорят не они, а их темнота».

И вот беседа с председателем.

— Прочитали?— спросил Евлампиев.

— Прочитали,— ответили мы.

— Ясно теперь?

— Вроде ясно.

— Ничего непонятного нет?

— Пока нет.

— Ну и хорошо. Сейчас вам заготовят мандаты, и вы поедете на самостоятельную работу.

...С тех пор мне пришлось поработать на станциях Ашулук, Баскунчак, в Астраханской транспортной ЧК, в Калмыкии, начальником окружного отдела ОГПУ в Камышине; и везде в трудную минуту выручали советы товарищей, внимание и забота о нас со стороны партийных организаций. Я приходил в ячейку к Будникову, и не было случая, чтобы он не помог мне. В других местах, работая в ЧК, затем в ОГПУ, я постоянно встречался с руководителями партийных комитетов. Они интересовались, что делают, чем живут чекисты, удовлетворяет ли их работа. Особо следили за тем, не поразила ли кого из чекистов язва карьеризма, не проникли ли к нам случайные люди? Чистота чекистских рядов, преданность делу Ленина высоко ценились и неуклонно контролировались партией.

В 1930 году меня послали в Казахстан.

Вот так я и стал чекистом. Меня сделала им своеобразная школа Дзержинского: его жизнь, его кипучая деятельность были для нас примером.

Почти у каждого чекиста в ту пору была заветная тетрадочка, куда он заносил все, что касалось его работы. Мысли о Владимире Ильиче Ленине и Феликсе Эдмундовиче Дзержинском занимали в ней самое первое место. Вот эта, например, запись осталась в моей памяти навсегда:

«ВЧК родилась по инициативе Владимира Ильича Ленина. Выросла и окрепла под водительством Феликса Эдмундовича Дзержинского. Ленин и Дзержинский выпестовали и отточили этот меч пролетарской революции для защиты Советской республики от посягательств внутренней и внешней контрреволюции. Они утвердили основной принцип ВЧК — ОГПУ: беспощадно разить действительных, неисправимых врагов, поднявших сознательно, злостно руку на пролетарскую революцию, и бережно, внимательно относиться к тем, кто по темноте своей и недомыслию оказался игрушкой в руках непримиримых врагов Советской власти».

Ленин не отделял органы ЧК от партии. «Хороший коммунист,— говорил он,— в то же время хороший чекист».

В феврале 1919 года ЦК нашей партии разъяснил:

«Чрезвычайные комиссии созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии по ее директивам и под ее руководством».

Раскрывая это положение и указывая на беды, которые грозят ЧК в случае отхода от этого принципа, Дзержинский говорил:

«ЧК должна быть органом ЦК партии, иначе она вредна, тогда она выродится в охранку».

Помню и выдержки из инструкции о производстве обысков и дознаний:

«Все, кому поручено произвести обыск и арест, должны бережно относиться к людям, обыскиваемым. С ними надо быть гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что тот, кто производит обыск,— представитель Советской власти и что всякий окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть.

Обращение с арестованными, подследственными и их семьями должно быть самое вежливое, никакие нравоучения и окрики недопустимы.

Виновные в нарушении инструкции подвергаются аресту до трех месяцев, удалению из комиссии и высылке из Москвы».

Конечно, мало было только записать хорошие мысли в тетрадь, надо было еще твердо и неуклонно следовать им в своей повседневной работе. Этому мы и учились упорно, постоянно. Это и была для нас большая жизненная школа Дзержинского.

И. КОСТИН

БОЕВАЯ ЮНОСТЬ

Москва спит, на улицах покой и тишина. Но тишина эта обманчива, тревожна. На перекрестках, у ворот нарядных особняков нэпманов, бывших крупных купцов и дворян неслышно собираются группами курсанты центральной школы ОГПУ. Сегодня опять облава, налет на тайные гнезда контрреволюционеров. Курсанты выводят из подвалов гостиниц и особняков эсеров-заговорщиков, собравшихся под покровом ночи для разработки своих вероломных планов.

— Господин Петров, сдайте оружие,— приказываю я видному эсеру, задержанному в эту ночь на нелегальной квартире.

— У меня нет оружия,— спокойно отвечает он и даже удивляется, что чекисты потревожили «мирного» человека.

Начинается тщательный обыск. Наконец обнаруживаем в стене искусно оклеенную обоями нишу. В ней целый склад секретных документов, связанных с повстанческой организацией, оружие. Эсер Петров бледнеет. Заговорщиков постиг полный провал.

Школа ОГПУ имени Дзержинского, в которую я поступил учиться в 1924 году и которую впоследствии успешно закончил, была практически боевым опера-

тивным подразделением. Курсанты не только учились, но и участвовали в операциях по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом в Москве и других городах страны. В связи с напряженной обстановкой весь личный состав школы постоянно находился в боевой готовности. Дежурные роты в ночное время не раздевались. В любую минуту мог поступить боевой приказ выйти на очередную операцию.

Осенью 1924 года курсанты срочно выехали на помощь Ленинграду. Нева вышла из берегов и разлилась по городу. В воде оказались нижние этажи домов, склады с продовольствием. Была разрушена энергетическая сеть, и город погрузился во мрак. Сильно пострадал Невский проспект. Морской порт из-за повреждения железнодорожного полотна был отрезан от города, в результате прекратился подвоз продовольствия. Холод, дожди, сырой пронизывающий ветер усугубляли страдания ленинградцев. А тут еще, воспользовавшись этой бедой, активизировались грабители и бандиты.

Но ленинградцы не пали духом. Вместе с курсантами на восстановлении разрушенного железнодорожного полотна работали тысячи и тысячи жителей. Курсантами командовал заместитель начальника школы товарищ Кишкин, волевой, мужественный человек. Железная дорога начала действовать на три дня раньше установленного правительством срока. Курсанты загружали и разгружали вагоны, оказывали всяческую помощь пострадавшим от наводнения.

Но не только в этом состояла наша задача в Ленинграде. Школа совместно с городскими административными органами приступила к очистке города от уголовников. В ночное время устраивались облавы на преступников. Бандиты и грабители задерживались и передавались в руки судебных властей.

Вскоре в Ленинграде был восстановлен надлежащий порядок и город зажил нормальной жизнью. А мы вернулись в Москву.

Вот еще воспоминание, относящееся к поре моего обучения в школе ОГПУ.

Украина в то время была наводнена остатками антисоветских банд. Эти банды зачастую останавливали и грабили пассажирские поезда. Чтобы обезопасить

пассажиров, нашей школе было поручено охранять поезда, идущие по маршрутам Москва — Севастополь, Москва — Одесса, Москва — Сочи и другие города юга страны. Вооруженная группа курсантов школы от начала и до конца следования поезда сопровождала его. Это обеспечивало безопасность железнодорожного движения.

...Чем только не приходилось заниматься чекистам. Поступая в школу, я мечтал о романтике, о том, как буду ловить шпионов, сражаться с тайными агентами и заговорщиками. Но я быстро понял, что главное в работе чекиста — труд и постоянная готовность выполнить любое задание. Потому что чекист — это солдат Родины, до конца преданный партии и народу, и его долг — быть всегда на страже интересов своей страны.

В. ИСМАМБЕТОВ

ВСТРЕЧИ С НАРКОМОМ МЕНЖИНСКИМ

Зима в тот год была особенно холодная. Но мне она представляется самым теплым и лучшим временем в жизни. Я тогда учился в Москве. В последующие годы мне не раз доводилось бывать там, но первые впечатления остались в памяти навсегда. Именно в те далекие дни я многое увидел и понял.

Самым ярким воспоминанием для меня являются две встречи с Вячеславом Рудольфовичем Менжинским. Являясь ближайшим и верным помощником выдающегося деятеля партии и государства Ф. Э. Дзержинского, он после его смерти возглавил коллектив чекистов и руководил им до мая 1934 года, до последнего дня своей жизни.

Удивительный это был человек. Он обладал незаурядным умом, огромной силой воли и личным обаянием, был прост в обращении с людьми. Проницательный взгляд его не был холодным и как-то сразу располагал к себе.

В те дни, хотя обучение в центральной школе ОГПУ, где я учился с марта 1930 года, и подходило к концу, познания мои в контрразведывательной работе были посредственны. Не очень много я знал и о самом Менжинском. Лишь позже я уразумел, что Мен-

жинский был одним из образованнейших и видных большевиков-подпольщиков, которого именно за эти качества по предложению В. И. Ленина ЦК нашей партии направил в органы ВЧК. Уже на практической работе я осознал, как твердо Менжинский проводил линию партии, внедрял принципы, заложенные Лениным и Дзержинским в строительство органов ВЧК — ОГПУ. Он не переставал повторять слова Дзержинского: «Тот, кто стал черствым, не годится больше для работы в ЧК».

В тот холодный январский день курсанты находились в Подмосковье, близ Мытищ, на практических военных занятиях. Я и мои товарищи, оживленно разговаривая, быстро шагали к мишеням, когда справа от нас, по дороге вдоль опушки леса показались легковые машины. Мы толпились у мишеней и не заметили, как к нам подошли Вячеслав Рудольфович, сопровождавшие его начальник школы и сотрудники центрального аппарата. «Нарком!»— сказал кто-то вполголоса, и все мы сразу, без команды повернулись к подошедшим и застыли по стойке «смирно!». Менжинский это заметил и улыбнулся. Поздоровался с нами, а потом сказал:

— А ну, давайте посмотрим, кто сколько выбил.

Он был одет в гражданское черное пальто с черным меховым воротником и этого же меха шапку. Осматривая мишени, Вячеслав Рудольфович тут же знакомился с каждым из нас. Внимательно расспрашивал об учебе, интересовался, откуда родом, нашими семьями. В числе лучших стрелков оказался и я. Он взглянул на меня и мягко улыбнулся. «Молодец»,— сказал он и похлопал меня по плечу. А когда узнал, что я провел свое детство и юность в Степном крае (тогда это старое название Казахстана нередко употреблялось), оживился и стал расспрашивать, как идет коллективизация в наших краях. В конце разговора Вячеслав Рудольфович сказал, что ему памятны события в Северном Казахстане, когда в 1921 году кулачество, спровоцированное бывшими колчаковцами и эсерами, подняло восстание и пыталось захватить власть в крае...

Вячеслав Рудольфович еще долго беседовал с другими курсантами. И все это время много шутил и смеялся. День клонился к закату, когда он и сопровождающие его товарищи уехали. Вскоре и мы собра-

лись. Ехали на грузовых машинах и всю дорогу пели песни.

Весь февраль бушевали метели. До поздней ночи засиживались курсанты, готовясь к экзаменам. Однажды в столовой за завтраком вновь вспыхнули разговоры о Вячеславе Рудольфовиче: стало известно, что он тяжело заболел. Мы и не подозревали, что перед тем как приехать к нам на стрельбы, он долгое время был прикован к постели.

...Экзамены шли к концу. Все чаще мы думали о встрече с родными, ходили в свободное время по магазинам за подарками.

Активно готовились к выпускному вечеру. Накануне мы узнали, что, возможно, на вечере будет нарком, если позволит ему состояние здоровья.

В клубе собрались не только курсанты, но и многие сотрудники центрального аппарата, преподаватели и руководящие работники школы. В зале стоял шум: все мы были в веселом настроении, шутили и смеялись...

И вот на сцене появилась группа руководящих работников центрального аппарата и начальник школы. Одновременно показалась двухколесная тележка, в которой сидел нарком. В зале воцарилась тишина: все были поражены. Тележку подкатили к краю стола. С кратким докладом выступил начальник школы, а затем слово было предоставлено Вячеславу Рудольфовичу. С помощью товарищей из президиума он встал, держась за край стола. Он говорил недолго, но ярко и убедительно. «Сегодня для меня радостный день,— говорил Вячеслав Рудольфович.— Если первоначально ЦК нашей партии, организуя ЧК, направил для работы в ней всего шестнадцать коммунистов, то теперь, в этом зале, их целая армия. При правильной, партийной, организации дела нам не страшны будут никакие враги».

Он был большим мастером слова. Как теперь, помню, слушая его, ни один из нас не шелохнулся. Но вдруг Вячеслав Рудольфович покачнулся, схватился за стол обеими руками. Все, кто были близко к нему, мгновенно вскочили, но уже было поздно — он упал на край стола. Его подняли, уложили в тележку и отвезли...

Правда, вечер продолжался, но радостного настроения как не бывало. Подавленные случившимся, мы долго не могли успокоиться.

Встречи с Вячеславом Рудольфовичем Менжинским и особенно его речь на выпускном вечере я бережно храню в памяти. А сам он на всю жизнь стал для меня ярким примером беззаветной преданности делу Ленина, настоящим борцом-коммунистом, каким он был до последнего часа своей жизни.

Н. МИЛОВАНОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРНЕНСКОЙ ЧК

Зима. Но в Джаркентском уезде, как всегда, снегу мало. Расположенный вдоль южных склонов Джунгарского Алатау, он заметно отличался от остальной части Семиречья большим числом погожих дней и относительным безветрием.

Николай Семенович Попенко с группой товарищей выехал из Джаркента ранним утром. Легкая пыль поднималась за ними, утренняя свежесть бодрила тело, а мысли были уже далеко... Попенко ехал в Верный на Второй съезд Советов как делегат Джаркентского уезда и местного гарнизона Красной Армии.

Николай Семенович ехал по знакомым местам, которые прошел, казалось, совсем недавно с боями от Верного. Там в марте 1918 года он участвовал в свержении Временного правительства и формировании красногвардейского отряда Беленко, а потом преследовал отступавшие части казачьего войска. Отходя все дальше к китайской границе, обозленные неудачами белоказаки тщетно искали поддержки у местного населения. Но кругом встречали молчаливый отпор, а порой и открытое сопротивление. Не выдержав натиска красногвардейцев, они бежали, надеясь на приют в Китае. Земля горела под их ногами. Та самая земля, на

которой они еще вчера были господами, поддержкой монархии, а затем и Временного правительства.

Все это вновь и вновь вспоминалось Николаю Семеновичу на долгом пути в Верный.

Вправо от тракта высились над степью отроги Джунгарского Алатау, а налево, за рекой Или, покрытый дымкой, виднелся Заилийский Алатау, у подножия которого раскинулся родной Николаю Семеновичу город. Там прошло его трудное детство. Он рано оставил дом отца и долгие годы работал сначала на табачной фабрике Гаврилова, а потом на мельнице кулака Назаренко. Сердце щемило от воспоминаний о перенесенных в те годы обидах и страданиях. Тогда он был слишком молод и еще не знал, кто его истинные друзья, а кто враги, безропотно гнул спину на хозяев. Стал понимать это уже будучи ополченцем Верненской дружины царской армии, когда в 1915 году за участие в бунте солдаток, добивавшихся увеличения пайка, был арестован и заключен в одиночную камеру. Именно тогда и зародились у него мысли о необходимости бороться с несправедливостями, с унизительным бесправием и бедностью.

Из задумчивости Николая Семеновича вывели радостные возгласы товарищей. Оказывается, подъехали уже к переправе через реку Или. Дальнейший путь пролегал Кульджинским трактом. Поздним вечером добрались до села Чарын, населенного уйгурами, и остановились на ночлег в одном из караван-сараев.

Ранним утром делегаты отправились дальше. Солнце клонилось к западу, когда они спешились у ревкома.

Командира взвода первого рабоче-крестьянского полка Красной Армии Николая Семеновича Попенко знали многие... Весть о прибытии джаркентцев быстро собрала вокруг них людей. Встречали их шумно и радостно. Многим верненцам был известен этот высокий плечистый человек, смельчак, отчаянный рубака и разведчик, человек умный и добрый, а главное — преданный делу революции.

Только когда зажгли старую медную лампу и отворили дверь в коридор, чтобы выветрить из комнаты табачный дым, уставший за этот длинный день Николай Семенович собрался домой, к семье.

Он зашагал по вечерним улицам Верного, жадно всматриваясь в запорошенные снегом деревья и дома, взволнованно думая о том, как обрадуется неожиданной встрече жена, как он обнимет и расцелует родившуюся в его отсутствие дочь Аннушку.

Попенко Николай Семенович.

А утром съезд тепло приветствовал его и других фронтовиков и избрал в конце своей работы членом исполкома и председателем первой Верненской уездной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией.

Уездной ЧК не было, ее нужно было создать. Политическая обстановка требовала немедленных действий, пресечения вражеских замыслов свергнутой в городе буржуазии и лезших к власти эсеров. Зажиточное и середняцкое русское казачество Семиречья, в большинстве своем стоявшее на стороне Временного правительства, не признавало Советской власти. Многие из них, бежав в свои станицы, унесли с собою оружие. Крупные предприниматели и торговцы, имущество которых было национализировано, кулаки и баи, духовенство вели злостную, наполненную всякого рода измышлениями антисоветскую агитацию, стремясь подорвать авторитет власти рабочих и крестьян среди населения.

Ползли, как змеи, слухи о скором приходе в Верный войск атамана Анненкова, направленного правительством Колчака на образовавшийся к этому времени в Северном Семиречье фронт.

Созданные в Верном и других местах Семиречья уездные, а затем и областная ЧК, членом коллегии которой был и товарищ Попенко, немедленно включились в борьбу с контрреволюцией.

Вскоре стало известно, что слухи о приходе в Верный войск атамана Анненкова распространяли засылаемые его контрразведкой агенты, которым было дано задание выявить численность частей Красной Армии, их дислокацию, вооружение и прочее.

Николай Семенович внимательно слушал сидящего перед ним на стуле некоего Нестерова Павла...

— В ту мартовскую ночь 1919 года,— рассказывал Нестеров,— мы вместе с офицером контрразведки вышли из штаба Анненкова, сели на лошадей и выехали из села Уч-Арал. Было темно. Дул известный в этих местах «евгей». К счастью, он уже не был холодным...

— Вы поменьше говорите о погоде, переходите к делу,— заметил Николай Семенович.

— Мы ехали до города Капала, где стоял сильный гарнизон анненковских войск. По дороге я выполнял обусловленную между нами роль коновода и денщика.

— А дальше что?— спросил Николай Семенович.

— В ту же ночь,— ответил Нестеров,— он провел меня через последние сторожевые посты и я ушел.

На вопрос следователя, что конкретно сделал для разведки белых, Нестеров долго не отвечал...

— Ну что ж, долго еще будем ждать?— спросил Николай Семенович.

— Я собирал сведения о руководящих партийных и советских работниках,— нехотя ответил Нестеров и снова замолк. Он то краснел, то бледнел. Глаза его беспокойно бегали. Потом он вдруг весь обмяк и... заплакал.

— Для чего вам нужны были эти сведения?

— Руководители восстания, которое здесь готовится, должны были убрать с пути этих людей в первую очередь,— прерывающимся голосом ответил Нестеров.

— Кого вы знаете из руководителей восстания? К кому вы шли? Кто должен был получить у вас собранные сведения?— один за другим задавал вопросы Николай Семенович.

Опять наступило молчание. Наконец задержанный с трудом выдавил из себя:

— Полковник Бойко. К нему шел.

Возвратясь с допроса в камеру, Нестеров долго еще ворочался на жестком матраце и думал. Ему не спалось. Да и было от чего. А ну как узнают чекисты, что

он много раз принимал участие в грабежах мирного населения и насилиях.

В кабинете Николая Семеновича керосиновая лампа погасла только с рассветом. Он и другие члены коллегии почти не покидали здания ЧК. Проводилась операция по ликвидации заговорщической повстанческой организации полковника Бойко.

Этот вояка возвратился в Верный в начале 1918 года из Персии, где командовал казачьей сотней экспедиционного полка. Он быстро сориентировался в обстановке и, забыв, что совсем недавно каялся перед Советской властью, пошел вместе с местным контрреволюционным казачеством, а затем, спасая жизнь, бежал к Анненкову. Смышленого и изворотливого сотника там быстро заметили и стали отправлять в карательные экспедиции. Налеты на безоружных крестьян, осада Черкасской обороны вывели его, как он сам любил говорить, «в люди». Грозный атаман доверил ему первый приилийский кавалерийский полк, а когда с участием этого полка белые взяли город Капал, Бойко стал командовать здесь гарнизоном. Однако не удержал Капала. Все воинские части этого городка вынуждены были сдаться красным.

Попал в плен и Бойко. Его могли расстрелять. Он перетрусил. Но ему повезло: подоспела амнистия и Бойко уже второй раз получил свободу из рук Советской власти.

Посредничая при увольнении военнопленных, Бойко старательно выполнял распоряжения облвоенкомата, стремясь хоть немного обелить себя в глазах большевиков. Бывшие анненковские офицеры капитан Александров, поручики Покровский и Сергейчук помогли Бойко остаться на работе в военкомате. Там же пристроились и их дружки капитаны Кувшинов и Воронов.

После проверки показаний Нестерова Бойко был арестован.

— К этому времени,— рассказывал он на первом же допросе,— Александров, Покровский, Сергейчук сговорились между собой создать повстанческую организацию. Я работал вместе с ними. Мы часто собирались и, естественно, каждый раз обсуждали нововведения Советской власти. В один из таких вечеров капи-

тан Александров и посвятил меня в задуманное ими дело...

Бойко, хорошо знавший семиреченское казачество и пользовавшийся авторитетом, встал во главе заговора.

Были образованы тайные повстанческие группы, объединившие хорошо вооруженных казаков Малой Алма-Атинской, Талгарской, Иссыкской, Тургенской, Джаланашской и других станиц Верненского и Джаркентского уездов.

— Время не ждало,— рассказывал Бойко.— Одного гонца за другим мы направляли к Дутову, а надежного контакта с ним все еще не было. Тогда я решил направить к Дутову недавно вовлеченного в организацию учителя Елисея Есютина, ехавшего в Джаркент по делам статистики.

— Ты,— говорил я ему,— доложи подробно о нашем деле. Расскажи, что на первое время мы имеем верных четыре сотни, а в нужный момент будет до двух тысяч сабель. Мне поручено Советами формирование казачьего полка. Думаю сделать его своим, решающей силой для главного удара...

Ликвидация вооруженных банд, созданных организацией Бойко, была поручена дунганскому полку.

Командир полка Масанчи только что вернулся из Москвы с Конгресса Коминтерна. Подтянутый, стройный, быстрый в движениях, он зашел в областную ЧК и сразу обратил на себя всеобщее внимание. Раньше он работал в особом отделе и знал почти всех чекистов.

Друзья Магаза, обступив его, с любопытством спрашивали, где он достал необычное обмундирование, в котором появился из Москвы.

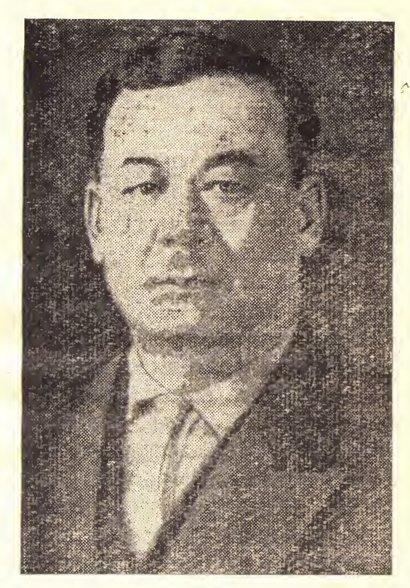
— В Москве,— отвечал Магаз.— И не только для себя, а и для всех своих ребят.

— Когда же это ты успел?— удивлялись чекисты.

— Сам бы я не смог достать на весь полк такое великолепное обмундирование. Владимир Ильич Ленин и Михаил Васильевич Фрунзе помогли.

— Неужели? Расскажи, Магаз, как это было.

— А вот так. На Конгрессе Коминтерна меня встретил Михаил Васильевич и повел к Владимиру Ильичу. Представил, как положено. Я, конечно (это слово Магаз выговорил как-то по-особенному: у него получи-

Масанчи Магаз.

лось что-то вроде «конечшно»), сильно волновался, но потом все прошло. Владимир Ильич усадил меня, и я стал рассказывать ему о нашем крае, о Семиречье. Он не перебивал, внимательно слушал, а потом спросил, как идет у нас организация национальных частей и как относится местное население к Советской власти. Я ответил, что народ относится к Советской власти хорошо, полк сформирован, а когда рассказал, что в нашем полку около трехсот коммунистов, Ильич улыбнулся. Потом спросил, нуждается ли в чем полк. «У нас все есть,— ответил я,— только людей одеть не во что». «Вы ему помогите»,— сказал Владимир Ильич, обращаясь к Фрунзе. Простившись со мной, Ильич ушел вместе с Михаилом Васильевичем. А на другой день я получил наряд на буденовки, кавалерийские шинели, сапоги, сумки походные и целую гору вот таких, как на мне, малиновых брюк...

Довольный произведенным впечатлением, Магаз радостно засмеялся.

...Сведения о ходе операции от командира полка Магаза Масанчи поступали непрерывно, но были крайне лаконичны. Операция развивалась успешно, была закончена быстро и удачно. Ожидали возвращения полка. И вот он вступил в Верный с песнями, а за ним тянулся большой обоз с трофеями. Это было оружие разбитых во многих сражениях повстанцев.

Вернувшись с операции, Магаз снова зашел в областную ЧК к председателю, а потом к члену коллегии Попенко, возглавлявшему после упразднения уездной ЧК следственную часть областной ЧК.

— Магаз, расскажи, пожалуйста, подробнее об операции,— попросил Попенко,— а то все твои донесения похожи одно на другое: «Разбили беляков там-то». Нового в них только место боя да количество трофеев.

— Хорошо, Николай. Помнишь, какую перед нами поставили задачу? Учитывая обстановку, мы разбили полк на несколько отрядов и двинули их на указанные нам станицы.

Магаз встал, взял со стола Попенко линейку и, подойдя к карте, показал пути, которыми продвигался каждый из отрядов полка и где они вступили в боевые действия с белоказачьими бандами.

— Сам я возглавлял эскадрон и поскакал Кульджинским трактом в Чилик. Бандитов мы застали врасплох. Беспорядочно отстреливаясь, они побежали в Тау-Чиликские горы. А мы стали преследовать их. Было несколько стычек. Только жалким остаткам банд удалось скрыться в горах. Всего в этих боях мы захватили до трех тысяч винтовок, столько же клинков, много гранат, несколько пулеметов, военное снаряжение.

— А как вы попали в Джаркентский уезд?— спросил Николай Семенович.

— Не по своей воле,— ответил Магаз.— Нам сообщили пастухи, что банда Сидорова перешла границу и продвигается в глубь уезда. Мне стало ясно, что шли они на помощь повстанцам. Я знаю, что сидоровцы любят пограбить, но когда бьют их собратьев, ввязываются в драку. Сам понимаешь, раздумывать мне было некогда. Я поднял бойцов, уже устроившихся на ночлег. Двести всадников поскакали в обход банде, а с остальными я двинулся прямо на сидоровцев. Встретили мы их лобовым огнем. От неожиданности бандиты растерялись и повернули назад. Тогда мы и взяли их в клинки. В это время вынырнул из-за скалы отряд, который я направил в обход банде. Разгромили сидоровцев полностью. За остатками банды гнались до рассвета, пока не загнали их в Китай. Вот и все.

...Поздним майским вечером 1920 года Николай Семенович возвращался с областной профсоюзной конференции. С гор тянуло прохладой, шумели молодыми листьями тополя. Он вошел в свой кабинет. Свет зажи-

гать не стал. Открыл окно, выходившее во двор, сел на подоконник, закурил. В памяти отчетливо возникло выступление Дмитрия Фурманова: «Анненков бежал, а его дружок Дутов, обещавший Колчаку в три месяца пройти от Капала до Ташкента, обивает теперь пороги у китайских губернаторов... Впереди у нас новые важные дела. Надо восстановить разрушенное войной народное хозяйство...»

— Да-а-а,— неожиданно для себя заговорил Николай Семенович вслух, хотя был совсем один. Он облегченно вздохнул.— Может, и нам, чекистам, теперь будет полегче.

Но предстояло вынести еще немало разных испытаний. И первому председателю Верненской ЧК пришлось много потрудиться на своем боевом посту.

Н. МИЛОВАНОВ

КАСЫМХАН ЧАНЫШЕВ

В первой половине марта перевал Кара-Сарык еще покрыт снегом. Переход через него в эту пору таит много опасных неожиданностей. Однако другого выхода у дутовцев не оставалось. Первыми у подножия Кара-Сарыка появились Дутов и семиреченский атаман Щербаков.

Отвергнутые народом и теснимые частями Красной Армии, дутовцы на время нашли приют у атамана Анненкова. После падения Капала в Лепсинск к Дутову поспешно отступил Щербаков. Но и отсюда надо было скорее уходить, и путь один — через перевал.

В этом переходе Дутова и Щербакова сопровождала сотня личной охраны генерала и отряд особого назначения в триста пятьдесят сабель.

Озябшие и голодные, неизвестно куда и зачем ведомые казаки были подавлены и растеряны. Их лошади, уставшие и обессиленные многодневным переходом по горам, с трудом передвигали ноги. Жадно хватали они изредка попадавшиеся на их пути былинки курая.

На шестой день беспорядочно двигавшаяся толпа изнуренных людей добралась до первых калмыцких зимовок племени чахар, кочевья которого стояли по берегам реки Бороталы. Изумленные неожиданным появлением полураздетых русских, калмыки встретили «гостей» сдержанно. Вопреки исконному гостеприимству они отказали в продовольствии до приезда амбаня

(главного начальника племени). Лишь обменивая необходимые самим вещи, русские смогли добыть питание на несколько дней.

Здесь некогда гордому атаману пришлось сдать прибывшему отряду китайской армии все оружие. Оставили ему всего пятнадцать винтовок для конвоя.

Самого Дутова и Щербакова китайцы перевели в деревню Джампань, а казаков расположили по берегу Боротальі. Предоставленные самим себе, они промышляли кто чем мог, добывая скудное пропитание.

Забыты были даже прежде обязательные утренние молитвы, а иеромонах Иона подолгу засиживался у Дутова.

В середине апреля в Джампань пришел первый оренбургский полк полковника Завершинского, атаман заметно повеселел. К концу весны он нашел прибежище в крепости Суйдун, что неподалеку от города Кульджи. Небольшой уйгурский городок с его узкими улочками, высокими глинобитными заборами и повернувшимися спиной к улицам домами был глухим захолустьем.

Занятый хлопотами по устройству отряда, Дутов редко выезжал из своей штаб-квартиры. Тревожно прислушивался он к мелодичным уйгурским песням, пристально присматривался к окружающим его людям.

В большинстве казарм крепости были расквартированы солдаты местного китайского гарнизона, здесь же поселились казаки-семиреки, остатки былого войска полковника Сидорова. Так что только счастливчики из дутовцев получили кров в казармах. Полк Завершинского был расквартирован в деревне Мазаре. Казаки его с первого же дня пошли на заработки к местным богатеям.

Китайцы по-прежнему выдавали на душу интернированного полтора фунта муки в сутки и немного угля для отопления помещений.

С каждым днем падала дисциплина казаков. Дутов образовал штаб отряда во главе с бароном полковником Попенгутом и строго взыскивал с провинившихся, но это помогало мало.

Казалось, не падал духом только один иеромонах Иона. Вскоре он переехал в Кульджу и поселился там

в здании старого российского консульства. Теперь его многие видели то едущим из Кульджи в Суйдун, то обратно в Кульджу, то в окрестных поселках. Образованный, умный, и расчетливый, Иона сумел создать Дутову большой авторитет и установить связь с находившимся в то время на Востоке Китая бывшим членом войскового правительства Оренбургского казачьего войска полковником Анисимовым, денежные переводы которого серьезно поправили положение дутовцев. Казаков и офицеров приодели и на довольствие стали покупать мясо.

Иона был связан не только с Анисимовым, но являлся фактическим организатором и деятельным участником многих предприятий Дутова, и в частности русского коммерческого общества «Шанхоя». Разъезжая по окрестным поселкам, Иона крестил, венчал, отпевал и заводил все новых и новых знакомых среди русских эмигрантов, многие из которых, в прошлом богатые, а теперь оставшиеся без средств, шли на любую работу ради куска хлеба. К ним-то и присматривался священник. Не веря в долговечность победы большевиков, Дутов и Иона с первых же дней прибрали к рукам таких людей, надеясь создать в будущем достаточные по численности воинские части для похода против Советов. А пока что они наскоро сколачивали мелкие бандитские отряды и делали набеги на советские пограничные села. Особенно часто направляли в такие экспедиции сидоровцев.

Жадно выслушивал атаман рассказы беженцев из Семиречья. Среди них были и специально прибывшие к нему люди от полковника Бойко и агенты, ходившие в Семиречье по заданиям его самого.

Одним из них был бывший анненковец урядник Сергей Дмитриев. Второй раз он удачно сходил в Семиречье и теперь подробно докладывал Дутову о новостях в Верном.

— С полковником Бойко я не успел встретиться,— говорил он.— Его самого и дружков, что были у него по всем большим станицам, в одну ночь смели чекисты. Дунганский полк разгромил все его отряды. Сам видел обоз с трофейным оружием. Верные нам казаки рассказывали, что тогда же досталось и полковнику Сидорову.

...В один из вечеров октября 1920 года жители пограничных сел Джаркентского уезда видели всадника, скакавшего к границе. Многие узнавали в нем начальника уездной милиции Касымхана Чанышева. Он прославил себя борьбой с конокрадами и бандитами. Смелый и сильный, Касымхан не уклонялся от прямых стычек с уголовниками и, появляясь внезапно, обращал не раз их в паническое бегство. Вот и теперь те, кто видел Чанышева, думали, что где-то снова несчастье и на помощь пострадавшим спешит этот отважный, уважаемый человек... Но иные мысли занимали самого Касымхана. Перед ним ЧК поставила очень нелегкую задачу...

— Начните с бывшего джаркентского головы Миловского и полковника Аблайханова,— наставлял его ответственный работник Джаркентской ЧК Давыдов.— По нашим данным, они очень близки к атаману, особенно Аблайханов...

Вы же когда-то дружили с ними... Не сомневаюсь, что они дадут положительный отзыв о вас атаману и, не подозревая того сами, помогут выполнить первую часть поставленной перед вами задачи — установить знакомство с Дутовым.

— Пожалуй, вы правы, но как быть с делами последних лет? Ведь я начальник уездной советской милиции...

— Ничего,— ответил Давыдов.— Пусть это вас не волнует. Дутов и те, кто его окружает, после отзыва Аблайханова и Миловского не поверят, чтобы такой человек, как вы, честно служил большевикам. Они же знают, что Касымхан был крупным купцом, известным всему Синьцзяну. Насколько мне известно, никто из вас, Чанышевых, не опровергал в Кульдже слухи, что вы отпрыск какого-то хана... Полезны были эти слухи вам в торговых делах, полезны будут и сейчас. Тем более, что и Миловский и Аблайханов, да и сам Дутов страстно хотят, чтобы вы были на их стороне.

У самой границы к Чанышеву присоединился его товарищ Ходжамьяров Махмуд, с которым они вместе должны выполнять поручение.

На рассвете в глухом переулке Кульджи они остановились у ворот небольшого домика. Спешились, тихо открыли ворота, ввели взмыленных и уставших лоша-

дей во двор, привязали их к сараю, и только потом Касымхан постучал в окно. Здесь жили его дальние родственники...

Наскоро закусив, они легли в приготовленные хозяйкой постели и быстро уснули... С восходом солнца встали. Короткий, но глубокий сон восстановил их силы. Хозяина уже не было, он уехал за сеном. Его жена, угощая гостей чаем, охотно рассказывала кульджинские новости. Касымхан внимательно слушал и изредка переспрашивал ее, уточняя некоторые сведения. Узнал он все, что нужно, и о Миловском.

В тот же день Касымхан пошел в город и встретил Миловского, бежавшего в Китай после осуждения за активную контрреволюционную деятельность на стороне полковника Сидорова. Отошли с дороги в сторону. Разговорились. Миловский клял на все лады Советы и большевиков.

— Скоро,— говорил он,— мы покажем где раки зимуют всем этим оборванцам. Вот увидишь...

Миловский, видать, и на самом деле не верил, что Касымхан Чанышев — потомок ханского рода, в недалеком прошлом крупный купец, ведший оживленную торговлю с Кульджой и другими городами Синьцзяна, человек с большими связями — может верно служить Советам. Это просто не укладывалось у него в голове.

Такое доверие Миловского в Джаркенте прозвучало бы оскорблением, а здесь было уместно. Чанышев поддержал его, сделал вид, что тоже обижен Советами и что он не один...

— Да у меня, знаешь,— заметил он как бы между прочим,— уже есть верные люди, готовые в любое время пойти за мной. Но сам понимаешь, без поддержки трудно что-либо сделать.

Миловский обрадовался этому сообщению.

— А что если я познакомлю тебя с самим атаманом?— спросил он.

— С каким?— спросил Касымхан.— Здесь их много.

— С Дутовым, конечно,— ответил Миловский.— Думаю, он благосклонно отнесется к тебе и, может быть, даже поможет кое в чем.

— Да,— ответил Касымхан,— пожалуй, неплохо было бы посоветоваться с таким знающим и опытным

человеком. Но как это сделать: ведь он живет в крепости.

— Ну, это не сложно,— ответил Миловский.— Я познакомлю тебя с Ионой, а уж он устроит тебе свидание с атаманом.

Условившись о скорой встрече, Касымхан пошел домой. Надо было хорошенько все обдумать: шаг-то рискованный, как бы в ловушку самому не угодить.

До самого вечера, когда Миловский вместе с Ионой пришли к нему, он не мог успокоиться.

Войдя в комнату, отец Иона снял шляпу, широко перекрестился и, поставив в угол комнаты трость, уселся на стоявший у стола стул.

За чаем Иона обстоятельно расспрашивал о делах в России и Степном крае, присматривался к Касымхану, изучал... Иона много ел, похваливая острые уйгурские блюда, пил и тянул время в ничего не значащем разговоре.

«Хитрит попик»,— думал Касымхан. Не выдавая своего волнения, он поддерживал беседу и любезно угощал гостей.

Наконец Иона повел разговор о деле.

— Я,— начал он,— узнаю человека по глазам. Вы наш, и вам необходимо познакомиться с атаманом.

Перечислил все заслуги атамана перед царем и перенесенные им страдания. А потом решительно сказал Касымхану:

— Будете работать с ним — не прогадаете. Кстати,— продолжал он,— я завтра поеду в Суйдун, а вы к вечеру тоже приезжайте туда, заходите в казарму и там спросите меня. Часовой пропустит вас ко мне, и мы переговорим...

Долго не мог уснуть в эту ночь Касымхан. Тревожно прислушивался к звукам, доносившимся изредка с улицы, и уже который раз возвращался к тому, что было сказано иеромонахом и им самим. Проснулся рано. Голова была ясной, думалось легко. И пришло решение: поедет в Суйдун не вечером, а на следующее утро и попытается, минуя Иону, встретиться с самим Дутовым в его особняке. Пусть-ка поволнуется Иона. Доложил же, конечно, Дутову о договоренности со мной... «Встречусь еще с Аблайхановым и, если все будет хорошо, сам явлюсь к атаману: поймет попик,

что не особенно нуждаюсь в его посредничестве. Так-то лучше будет, а то начнет, чего доброго, еще проверять и не скоро допустит к атаману».

В назначенное утро, напившись чаю, Касымхан собрался в путь. Его сопровождал Ходжамьяров...

Вот и Суйдун. Оставив Ходжамьярова с лошадьми в караван-сарае, Касымхан направился на базар. Был полдень, и он решил потолкаться среди людей, послушать, что говорят. Потом зашел в лучшую харчевню и уселся за стол в дальнем углу, откуда, не мозоля никому глаза, можно было наблюдать.

Вдруг он услышал свое имя: к нему от двери шел с детства знакомый Аблайханов. Расчет оправдался. Куда же зайти Аблайханову в таком маленьком городишке пообедать, как не в эту харчевню? Обменялись крепкими рукопожатиями и обнялись. Аблайханов с первых дней революции стал на сторону белых и выслужился до чина полковника. Довольный встречей полковник смеялся, хлопал Касымхана по плечу. Потом по-хозяйски уселся за стол и вызвал официанта.

По тому, как быстро был подан обед, и по той предупредительной учтивости, с которой официант относился к полковнику, Касымхан понял, что здесь Аблайханов пользуется влиянием.

Коротко рассказав о том, что приехал в городок только что из Кульджи, Касымхан спросил «приятеля», чем тот промышляет сейчас. Узнав, что полковник является переводчиком у атамана Дутова, подумал: «Везет ли мне или этим я «обязан» пронырливому попу?» Но, как вскоре выяснилось, Аблайханов ничего не знал о его встрече с Ионой и Миловским. «Это хорошо»,— подумал Чанышев, успокаиваясь.

Сколько помнил Касымхан, Аблайханов всегда был подхалимом и лицемером. Полковник был ласков с «другом детства» и безудержно хвастал своей близостью с атаманом, пересыпая свою речь уйгурскими, русскими, казахскими или родными Касымхану татарскими словами.

— Какие-нибудь важные дела привели тебя сюда, Касымхан?— наконец спросил Аблайханов.

— От тебя не скрою — важные. Хотел бы встретиться с Дутовым. Думаю, понимаешь, что у меня другого выхода, как поближе стать к своим, нет.

— Я так и подумал, друг. Не раз о тебе говорили с Дутовым, лихом начальнике уездной милиции. Ты бы не пришел к нам — я сам пришел бы в Джаркент.

— Если так, доложи о моем приезде.

Аблайханов на минуту задумался, потом решительно встал и, бросив вполголоса: «Жди меня здесь», быстро вышел из чайханы.

Прошло немало времени, и Касымхан начал беспокоиться... Пришел Ходжамьяров. Они и чаю успели напиться, а Аблайханова все нет...

Но вот, наконец, и он. По выражению лица полковника Касымхан догадался, что дело идет неплохо.

Дутов принял Касымхана одного. С первых слов стало понятно, что он хорошо осведомлен о нем и его знатных родителях. «Видно, не без участия Ионы собрал он эти сведения,— подумал Касымхан.— А впрочем, тут ведь меня многие знают».

Дутов долго и подробно расспрашивал о делах Советов, а когда Касымхан сообщил о неурожае и грозящем населению Семиречья голоде, атаман, самодовольно ухмыляясь, сказал:

— Ничего, не долго им осталось господствовать...

Дутов делал многозначительные намеки на силы, какие за ним стоят тут, высказывал уверенность в том, что стоит ему перейти советскую границу, и русский народ поддержит его.

— Мне дорога помощь в начале дела, дорога верность таких людей, как вы,— говорил Дутов.

Разговор затянулся. Но Чанышев не спешил, не опровергал доводов Дутова, не выражал сомнения. Сам говорил неопределенно, но давал понять, что готов поддержать атамана.

— Поймите вы меня и мое положение, Александр Ильич,— говорил Касымхан,— я держусь на волоске, любой неосторожный или опрометчивый шаг может привести к провалу... Добиваясь встречи с вами, я коечто сказал о себе Ионе и Аблайханову, вашим приближенным. Но полностью я бы им не доверился. На мой взгляд, мы с вами должны сохранять строжайшую конспирацию. И я бы не хотел иметь никаких посредников между вами и мною.

— Что же,— ответил атаман,— я с вами вполне согласен. Однако хочу вас предупредить: не пытайтесь

обмануть меня. Если я замечу двойную игру, страшитесь, Чанышев,— месть моя будет скорой и неотвратимой...

Касымхан изобразил на лице глубокую обиду при этих словах.

— Ну-ну, молодой человек, не надо обижаться. Мы ведь не в куклы играть с вами собираемся. Сами должны понимать...

Наконец деловой разговор был окончен. Договорились, что после первой информации Чанышева (из Джаркента) атаман пришлет ему одного помощника.

Потом было чаепитие и легкий светский разговор. Все это должно было означать доверие и душевное расположение хозяина к гостю на основе взаимного понимания.

Был уже поздний вечер, когда Касымхан, уставший от напряжения, которого стоила ему эта первая встреча, покинул атамана и направился в караван-сарай. Там ждал его Махмуд. С рассветом они отправились в Кульджу, а следующей ночью возвратились в Джаркент.

— Вы не спешите с письмом к атаману,— сказал Чанышеву Давыдов.— Мы напишем его вместе.

Спустя неделю Давыдов зашел к Чанышеву в кабинет и они написали письмо, обещанное атаману. В нем излагались сведения о якобы проделанной Чанышевым работе по организации восстания в Семиречье. Письмо Дутову доставил Ходжамьяров. Возвратившись из Суйдуна, Махмуд доложил:

— Атаман ваше письмо читал при мне. А потом стал расспрашивать меня, чем я занимаюсь да как живу. Я сказал, как вы советовали, что, мол, я друг Чанышева, а живу тем, что понемногу торгую опием. Сказал, что ты, Касымхан, очень беспокоился за меня и судьбу этого пакета.

— «Ничего, я понимаю: путь опасный,— ответил мне Дутов.— Но ты не бойся. А другу своему скажи, что сейчас ответа я дать не могу, а в скором времени пришлю с надежным человеком...»

Давыдов и Чанышев были удовлетворены сообщением Ходжамьярова. Значит, все идет как надо: скоро явится агент атамана. Кто он такой и с каким заданием явится? Малейшая неосторожность — и... Наконец

было решено, что Чанышев встретит агента, как дорогого гостя, и на первое время устроит у себя в доме...

Шли дни, а посланец Дутова не приезжал. Давыдов каждое утро встречал Чанышева вопросительным взглядом, а тот только разводил руками: мол, сам не понимаю, в чем дело.

...Была поздняя ночь, когда Касымхан возвращался домой с работы. Хотя дел оставалось много, но он страшно устал за эти дни и так хотелось выспаться. У ворот дома стоял какой-то человек. Чанышев невольно замедлил шаг.

— Не бойтесь,— тихо сказал незнакомец,— я к вам по делу.

Он подошел к Касымхану и подал руку:

— Здравствуйте.

Чанышев ответил на приветствие и пригласил незнакомца в дом.

— Нет,— ответил тот.— Сначала поговорим здесь.

— Кто вы такой и откуда?— строго спросил Чанышев.

— Едва нашел ваш дом, господин Чанышев. От Или я шел левым берегом Усека и с трудом добрался до дороги из Коктала в Джаркент, а древнюю вашу мечеть, что построил китайский архитектор, не мог найти, пока людей не спросил...

Чанышев понял, кто перед ним, но продолжал слушать, ожидая подтверждения своей догадки.

— Вам письмо от Александра Ильича.— Незнакомец вынул из кармана пакет и подал Чанышеву.

— А,— будто только что догадавшись, в чем дело, сказал Касымхан,— так вот вы кто. Как вас зовут?

— Меня-то?— переспросил он и, немного помедлив, ответил:— Нехорошко я, Дмитрий Иванович.

— Ну, кто я, вам должно быть известно.

— Я узнал вас сразу,— сказал Нехорошко, пожимая протянутую руку.— После вашего посещения атамана на другой день рано утром вас и вашего таранчу мне показали в караван-сарае.

— Ах, вот как,— промолвил Касымхан, всем тоном своим выражая и легкую обиду и понимание необходимости такой предосторожности со стороны атамана.— Ну что ж,— как бы спохватившись, продолжал Чанышев,— идемте в дом. Переночуете у меня, а там

решите сами, как вам удобнее. Для домашних — вы мой гость, давний знакомый.

Дома Чанышев прочитал письмо атамана. В нем содержалась просьба устроить Нехорошко и как можно скорее информировать об этом.

Спустя несколько дней Нехорошко был зачислен делопроизводителем в Угормилицию. Чанышев помог ему устроиться с квартирой.

— Ну,— сказал Чанышев в один из первых дней после этого, обращаясь к Нехорошко,— пора нам подумать и об атамане, он, небось, заждался ответа...

И на этот раз обмен письмами между Касымханом и атаманом прошел удачно. Дутов писал Чанышеву, что очень доволен и вторым его курьером Ушурбакиевым Азисом, просил постоянно держать его в курсе дела.

Чанышев пошел к Давыдову. Тот был в кабинете не один: за приставным столиком сидел председатель уездной ЧК Суворов. Чанышев хотел было уйти, но Давыдов задержал его и спокойно спросил:

— Как идут дела с атаманом?

— Неплохо,— ответил Чанышев,— вот вернулся от него Азис с письмом. Читайте.

Письмо Дутова прочитал и Суворов.

— Как видно, атаман считает большой удачей, что Нехорошко устроился на работу в Угормилицию,— высказал Чанышев свое удовлетворение ходом дела.— Думаю, это повышает наши шансы.

— Так-то оно так,— раздумчиво сказал Суворов.— Но теперь у атамана здесь свой глаз есть. И очевидно, он не один в Семиречье. Это надо учитывать и быть очень осмотрительным. Надо полагать, в недалеком будущем этот Нехорошко потребует ввести его в курс дела, ну и, естественно, знакомств с другими участниками организации, помимо вас, Чанышев.

— Это верно,— ответил Чанышев.— Мы с товарищем Давыдовым уже познакомили его с двумя «участниками».

— С кем?— спросил Суворов.

— Со связными Ходжамьяровым Махмудом и Ушурбакиевым Азисом,— ответил Касымхан.— Махмуда он знает еще со времени нашей первой поездки к Дутову.

— Это хорошо,— одобрил Суворов,— но этого мало. Надо показать ему хотя бы еще трех-четырех человек...

Долго они в этот день обсуждали меры, которые надо было осуществить, чтобы добиться полного расположения и доверия Дутова к Чанышеву.

— Только так,— подводя итог разговору, сказал Суворов,— мы сможем выполнить решение коллегии Семиреченской облЧК: выманить кровавого атамана из его логова и предать его в руки советского правосудия.

В одном из последующих писем к атаману, выполняя указания Давыдова и Суворова, Чанышев писал, что для поднятия духа участников создаваемой по его заданию организации надо бы начать переброску оружия, в частности пулеметов, так необходимых для успеха дела...

Дутов долгое время отмалчивался, а затем в конце ответного письма как бы между прочим приписал: «Там от вас неподалеку в Чимпандзе стоит мой полковник Янчис, не сможете ли вы подбросить ему две винтовки и револьвер системы «наган»...

«Однако, хитрая лиса этот атаман»,— подумал Чанышев и пошел к Давыдову.

Давыдов, прочитав письмо и выслушав мнение Чанышева, долго молчал.

— Придется посылать, а?— обратился он наконец к Чанышеву.— Но непременно возьмите с Янчиса расписку за оружие.

Вопрос о времени поездки Чанышева к Янчису Давыдов оставил открытым. Дело связано с большим риском и надо было посоветоваться с Суворовым. И как только ушел Чанышев, он позвонил Суворову. Ответил секретарь: Суворов выехал в Коктал и пробудет там до завтра.

— Жаль,— сказал Давыдов и положил трубку.

Давыдов встретился с Суворовым спустя двое суток. Пригласили Чанышева и втроем подробно обсудили детали предстоящего дела.

— Ехать лучше вам самому, Чанышев,— сказал Суворов.— Но будьте осторожны: не попасть бы в ловушку...

— В Чимпандзе у меня есть надежные люди,—

сказал Касымхан,— и прежде чем встречусь с Янчисом, я буду знать о нем все.

В ночь на другой день Чанышев уехал. С полковником Янчисом он встретился только следующей ночью. Он не пошел на квартиру к полковнику, а пригласил его в туземную избушку, что стояла у дороги на Кульджу.

— Большой привет вам, господин полковник, от Александра Ильича,— сказал Касымхан, здороваясь с Янчисом. Усадил гостя на почетное место, предложил чаю.

Янчис держался настороженно, смотрел по сторонам. Потом спросил:

— Вы и есть тот самый хан Касым, о котором мне говорил генерал? Однако, какой вы расторопный. Атаман еще совсем недавно говорил мне о возможной встрече с вами и вот...

— Просто удачно сложились обстоятельства,— подавая гостю пиалу с чаем, сказал Касымхан,— не всегда так бывает. Подарочек для вас, господин полковник, я взял из уже готового запаса...

Пока они беседовали, пили чай, хозяин избушки погрузил коржуны с разобранными винтовками и револьвером на лошадь полковника Янчиса. Получив расписку от полковника, Чанышев той же ночью отправился домой. Сразу же зашел к Суворову доложить о выполнении операции.

— Поздравляю,— сказал Суворов, выслушав Чанышева.— А вы не очень спешите?

— Я еще не был в отделе,— ответил Касымхан.— А в чем дело?

— Да тут в Лесновке задержали баскунчинского казака Павла Мясоедова. Он, по показаниям свидетелей, ездил в Кульджу за закупленной еще царским правительством пшеницей, а вернувшись, рассказывает интересные вещи. Давайте послушаем его, а?

— С удовольствием,— согласился Касымхан.— А он не с тем ли обозом приехал, что мне встретился, когда ехал к Янчису?

— Возможно,— ответил Суворов.— Его задержали только вчера.

Суворов вызвал секретаря и велел привести задержанного.

— Садитесь,— сказал Суворов Мясоедову,— и рассказывайте, чем занимались в Кульдже.

— Да пропади она пропадом, эта Кульджа, чем я там мог заниматься?— затараторил Мясоедов скороговоркой, характерной для многих семиреченских казаков.— Пашаницу погрузили — и домой, всего и ночевали-то там одну ночь...— Мясоедов долго еще уклонялся от правдивых ответов, но когда ему зачитали показания нескольких свидетелей, рассказал, как дутовцы обрабатывали обозников на измену Родине.

— А полковник Зибиров больше всех старался склонить меня на свою сторону,— рассказывал Мясоедов.— Говорил, что привезли новые орудия и они скоро будут наступать на Россию, чтобы установить в России казачью власть...

Чанышев ушел от Суворова к вечеру. Уставший, но возбужденный рассказами Мясоедова, он отправился к себе в отдел...

Не меньше его был озадачен полученными сведениями и Суворов.

«Что это?— думал Суворов.— Хорошо продуманная провокация или атаман на самом деле получил подкрепление вооружением?»

Суворов знал, что Дутов, периодически получая деньги с Востока Китая через Анисимова, значительную часть их, если не основную, выделял на приобретение оружия.

Агентура Ионы по всему Синьцзяну скупала оружие.

«Как бы атаман не опередил нас,— размышлял Суворов.— Надо как можно скорее проверить показания Мясоедова. А вообще-то, пожалуй, назревает нужная нам ситуация. Атаман подымется, наконец, с насиженного места и пожелает своими глазами посмотреть прилегающие к границе территории... Письма Чанышева и Нехорошко атаману тоже должны сыграть свою роль. Особенно Нехорошко: ему-то он верит — вместе воевали против Красной Армии под Оренбургом, жили в Троицке, а потом бежали с остатками разбитых войск по северу Казахстана через Каркаралинск и Сергиополь в Лепсинск, под опеку Анненкова».

Суворов вспомнил и о недавнем разговоре с Давыдовым: Нехорошко пишет Дутову, что организация Чанышева имеет уже две пушки...

«Все это в нашу пользу, но надо обязательно проверить, насколько дутовцы готовы к нападению на нас,— решил Суворов.— А кого же пошлем? Никто лучше Чанышева не справится с этой задачей... С другой стороны, частые появления за кордоном начальника советской уездной милиции могут вызвать подозрения со стороны властей, да и сам атаман, чего доброго, может посмотреть на это косо... И все-таки другого выхода нет».

На следующий день, посоветовавшись с вернувшимся из командировки Давыдовым, Суворов объявил о своем решении Чанышеву.

— Но прежде чем встретитесь с атаманом,— инструктировал Суворов,— надо через близких вам людей распространить в Кульдже слухи о наступившей для вас опасности в связи с арестами бойковцев Семиреченской ЧК.

— Это подходящий предлог для моего появления у Дутова,— согласился Чанышев,— но для дела, пожалуй, будет лучше, если население не будет знать о моем пребывании в Кульдже.

— Верно,— сказал Давыдов.

— Думаю, что вы оба правы,— ответил Суворов.— Дутов несомненно уже знает о провале заговора Бойко и при встрече с вами будет выяснять действительные размеры этой операции ЧК. В этом случае ваша негласная поездка как нельзя лучше будет способствовать осуществлению поставленной задачи по выяснению готовности отряда атамана к боевым действиям против нас...

В этот же день Чанышев сообщил Нехорошко:

— Очень опасаюсь провала. Не съездить ли потихоньку, под предлогом командировки по уезду, к Александру Ильичу, посоветоваться? Как смотришь?

— Что же, мысль правильная,— ответил Нехорошко.— На этот раз я не буду писать атаману: вы ведь сами едете. Вот все ему и расскажите. Передайте ему, моему благодетелю, мой казацкий поклон.

Дутов встретил Чанышева радостно. Расспрашивал о здоровье и семье. Чанышев выглядел похудевшим и

переутомленным. Все это Дутов отнес за счет переживаемых трудностей его работы в подполье.

— Верно, верно, дорогой, моя агентура уже донесла мне не только об этом, но и о намерении большевиков арестовать вас.

— Такое могло и еще может случиться, поэтому-то я и прибыл сюда.

— Ну что же,— сказал Дутов,— переждем все это. Оставайтесь пока у меня...

— Нет, что вы, я не могу вас стеснять,— вежливо отклонил Касымхан предложение атамана.— Я поселюсь у родственников в Кульдже. Это рядом, и вы в любое время сможете меня вызвать.

Пропустив ответ Чанышева мимо ушей, Дутов стал расспрашивать о положении в Семиречье. Из его вопросов было ясно, что он неплохо обо всем осведомлен, и Чанышеву беседа далась нелегко. Это был уже не тот Дутов, с которым Чанышев беседовал при первой встрече...

Касымхан просидел у атамана почти весь день. С большим трудом он согласился, чтобы Чанышев жил в Кульдже.

— Хорошо,— сказал он,— я дам вам визитную карточку к отцу Ионе.

Открыв стол, атаман достал карточку, на которой что-то было написано по-китайски, взял карандаш и приписал внизу: «Отец Иона! Предъявитель сего из Джаркента — наш человек, которому помогите во всех делах».

«Как это понимать?— подумал Чанышев.— Ведь он же знает, что я знаком с Ионой...» Заподозрив недоброе, Касымхан, не подавая, однако, виду, поблагодарил атамана и тепло распрощался с ним.

По приезде в Кульджу Чанышев в особняк к Ионе не пошел, а спустя несколько дней, когда собрал все нужные по заданию Суворова сведения, послал к Ионе с визитной карточкой своего знакомого Турсуна: велел попросить денег и сказать, что сам Чанышев заболел и потому не пришел сразу по прибытии в Кульджу...

Иона повертел в руках визитную карточку и сказал посланному:

— Если ему деньги нужны, пусть сам явится ночью ко мне на квартиру...

«Ясно,— подумал Касымхан, когда ему рассказал об этом Турсун.— Мне готовят ловушку. Но в чем дело?» Однако на раздумья времени не оставалось. Он поручил Турсуну сходить утром к Ионе и сообщить о выезде Чанышева в Джаркент по экстренному вызову. С наступлением темноты Касымхан покинул Кульджу. За городом, в небольшом кишлаке, ожидал его верный Махмуд.

В день приезда Чанышев увиделся с Суворовым и рассказал о случившемся.

— Как видно,— сказал Суворов,— он в чем-то не доверяет вам или сомневается в правильности сообщенных ему вами сведений и, возможно, хотел, чтобы вас послушал еще Иона. Лучшего человека, чем вы, он не имеет здесь, и пока что терять вас ему невыгодно. Ваш поспешный отъезд, конечно, насторожит его. Надо поскорее рассеять его сомнения.

— Но как? Говорите, я готов выполнить ваши указания,— сказал Касымхан.

— Давайте используем Нехорошко. Вы расскажите ему, что вас вызвали в Джаркент специальным письмом ввиду возникшей опасности ареста ваших родственников, якобы заподозренных в контрабанде. Но приехав и разобравшись в слухах, вы пришли к выводу, что все это чепуха, и по-прежнему боитесь лишь одного: чтобы ЧК не узнала о деле, которое создали и ведете по заданию атамана...

Касымхан, вернувшись к себе в отдел, вызвал Нехорошко. Тот, обычно поддакивающий Касымхану во всем, вдруг стал расспрашивать его о родственниках, а узнав, что их у Чанышева только в Джаркентском уезде свыше трех десятков, переключился на помощников по организации. Его интересовало, не арестован ли уже кто из них и когда. Поверив, наконец, Чанышеву, искренне ему посочувствовал и обещал разъяснить создавшееся положение Дутову.

— Таким образом,— как он выразился,— у Александра Ильича отпадут малейшие подозрения.

«Он,— писал агент о Чанышеве,— действительно отдается нашему делу. Что только от него зависит, он

делает. Так что работа его деятельная, но очень острые шипы у Советской власти...» А в конце письма приписал: «С нетерпением ожидаем вас и вашего прихода, но никак не дождемся».

Последовавший затем обмен письмами между Чанышевым и Дутовым убедили Суворова в том, что атаман не сомневается в Чанышеве.

Шел январь 1921 года. Направленные Суворовым в разведку Махмуд Ходжамьяров, Мука Байсмаков и Юсуп Кадыров возвратились из Суйдуна с нерадостными вестями. Они рассказали, что после рождества, когда Дутов из дому не отлучался вовсе, вспыхнул мятеж маньчжурского полка в Куре. Суйдунскую крепость китайцы сразу объявили на военном положении, которое, наверно, сохранится до ликвидации мятежа.

Предположение Ходжамьярова оказалось верным: только к концу января полк хунхузов (так называли жители Синьцзяна маньчжуров) наконец успокоился и крепость вернулась к мирной жизни.

Суворов почти не покидал в эти дни своего кабинета. Он получил указание облЧК прибыть в Алма-Ату для консультации по осуществлению заключительной части операции и теперь готовился к отъезду.

Возвратившись из Алма-Аты с последними наставлениями облЧК, Суворов вызвал к себе Чанышева.

— В сущности,— сказал он,— план очень прост. Вы пригласите запиской Дутова на переговоры к вам в дом. Если он пойдет на это, вы вывозите его из крепости и затем доставляете в Джаркент. По дороге, которой вы будете возвращаться, в известных вам местах вас будут ожидать наши люди со сменными лошадьми для обеспечения быстрого передвижения на случай погони. Этими лошадьми вы воспользуетесь и в случае возможной неудачи. Дутов не дурак, в этом мы с вами не раз убеждались. Он может усомниться в том, что вы нечаянно ушибли ногу и поэтому не смогли сами прибыть к нему. Тогда вам ничего не останется, кроме как поскорее убираться оттуда... План прост, но осуществить его нелегко. Давайте еще раз подумаем о расстановке наших сил. Самая важная и ответственная роль будет принадлежать, конечно, вам. От вашей оперативности и уверенности зависит исход всего дела. Но не менее важную и ответственную обязанность будет нес-

ти тот, кто пойдет с вашей запиской к атаману. Как вы думаете, кто бы это мог сделать?

— По-моему,— ответил Чанышев,— это по плечу только Ходжамьярову Махмуду. Во-первых, его больше всех других наших курьеров знает Дутов. Во-вторых, и охрана Дутова его знает. Наконец, если атаман не пожелает, как вы говорите, пойти ко мне или, что еще хуже, догадается о готовящейся ему ловушке, Махмуд лучше других сумеет найти выход из положения.

— Ну что ж, согласен с вами. Давайте пойдем дальше,— сказал Суворов.— Завтра, кроме Ушурбакиева Азиса и Ходжамьярова Махмуда, вам необходимо повидать товарищей Муку и Куддука Байсмаковых, Газиса Ушурбакиева, Юсупа Кадырова, Султана Моралбаева и рассказать им их задачу. Не позже 2 февраля вы прибудете в Суйдун и там ожидайте дальнейших указаний, которые вам будут направлены с Ушурбакиевым.

— По прибытии на место,— продолжал Суворов,— вы распустите среди населения Суйдуна слухи о том, что в Джаркенте арестован дутовский агент Нехорошко.

— Разве он уже арестован?— спросил Чанышев.

— Нет, это будет сделано сегодня ночью. Кроме того, скажете, что сам Чанышев с группой шпионов из-под ареста сбежал, и теперь, мол, их разыскивают.

— Но почему только одного Нехорошко? А остальных двух когда?— спросил Касымхан.

— Не беспокойтесь, они от нас не уйдут, и мы еще успеем это сделать после того, как отправим вас и организуем выполнение главной задачи...

Суворов встретился с Ходжамьяровым в доме Чанышева поздним вечером. Они сидели в дальней комнате и вели вполголоса разговор.

— Вам не надо беспокоиться,— уверял Махмуд.— Если атаман не пойдет, мы его в мешке притащим. Дутов хорошо знает меня и последнее время даже стал руку подавать и угощать чаем. А казаки его — хитрый народ, они видят, с кем как обращается атаман...

В назначенный день группа прибыла в Суйдун. Чанышев строго запретил своим помощникам в дневное время показываться на улицах. Все необходимые све-

дения о положении дел в крепости он собирал по ночам и был готов к выполнению задания.

Медленно тянулись дни ожидания. Только 6 февраля на рассвете прибыл из Джаркента Ушурбакиев Азис.

Все было готово. Чанышев передал Махмуду записку для Дутова и по цепочке объявил своим, чтобы в шесть часов, когда совсем стемнеет, всем подъехать к нему.

Наступило назначенное время. Чанышев подошел к Махмуду и, подавая ему револьвер, сказал:

— Возьми на случай, только смотри без нужды не стреляй. Если атаман откажется выехать из крепости, будет угрожать опасность гибели всей группе, не зевай.

В крепость я поеду вместе с вами, хотя в записке и пишу другое. Смотри сюда: вот здесь расположен караул,— сказал Касымхан, расправив рукой схему крепости, начерченную на клочке бумаги.— Здесь окно из кабинета Дутова, форточка всегда открыта. Здесь оставляем лошадей с коноводом. Самое важное — не выпустить из караулки охрану Дутова. Беру это на себя. Надеюсь, никто из охраны на помощь к атаману не придет.

При неблагополучном исходе с самим и его адъютантом ты справишься?

— Будь спокоен.

— Хорошо. В крепости будем вести себя как дома. Никаких сомнений в успехе, никаких волнений. Делать все быстро, решительно. Потом на коней — и к воротам. Пойдет все гладко, как мы хотим,— погромче благодари атамана, чтобы услышали тебя под окном. Я успею пройти ворота, вовремя буду на квартире и встречу гостей.

— Ладно,— ответил Ходжамьяров и направился к сараю, где стояла его лошадь.

Чанышев тоже сел на коня, и они выехали со двора. По дороге в крепость к ним присоединились остальные.

Вот и ворота крепости.

Ходжамьяров ловко соскочил с седла, подошел к воротам, держа за повод лошадь, и попросил вышедшего ему навстречу китайца доложить Дутову о приез-

де его с товарищами. Атаман уже знал об аресте Нехорошко и побеге Чанышева и распорядился пропустить в крепость всех.

Но они заехали не все: за воротами остался Султан Моралбаев.

Азис Ушурбакиев, Куддук Байсмаков и Юсуп Кадыров встали при въезде во двор, где был особняк Дутова, Чанышев, передав свою лошадь Азису, задержался будто ненароком у дверей караульного помещения, расположенного во дворе рядом с воротами, а Ходжамьяров, бросив повод своей лошади Куддуку, быстрым шагом направился к атаману. Часовой беспрепятственно пропустил Махмуда в дом и беззаботно вступил в разговор с подошедшим к нему Мукой Байсмаковым.

Вдруг в доме прозвучали один за другим три выстрела.

Мука выхватил из кармана револьвер, и не успевший еще опомниться часовой снопом повалился на перила веранды. Чанышев несколькими выстрелами в дверь и окно караульного помещения загнал назад в караулку кинувшихся было оттуда казаков. С перепугу они побросали винтовки и забрались под нары.

Размахивая револьвером, выскочил на крыльцо Махмуд Ходжамьяров и быстро побежал к лошадям.

— Скорей,— бросил Чанышев.

Мгновение — и все они поскакали на выезд.

Китайские солдаты, стоявшие у ворот крепости, о чем-то громко переговаривались между собой.

Чанышев и Ходжамьяров произвели в их сторону несколько выстрелов. Те в панике разбежались. Путь свободен.

И только далеко за городом Махмуд поведал о том, что произошло в кабинете Дутова.

«Когда я зашел, Дутов сидел за столом и что-то читал. Я низко поклонился, подошел к столу и левой рукой подал ему записку. Он сухо поздоровался со мной и стал читать ее. Атаман не пригласил меня сесть, как делал раньше. Было видно, что он не в духе. Прочитав записку, он строго спросил:

— А где Чанышев?

— Он,— ответил я,— не смог приехать сам, ушиб сильно ногу и ожидает вашу милость у себя в доме.

— Это еще что за новости? — резко сказал атаман, и не успел я сообразить, что ответить, как он повернулся к сидевшему в противоположном углу за маленьким столиком адъютанту и крикнул: «Взять его». Тот бросился ко мне, а я выхватил револьвер и выстрелил сначала в Дутова, потом прямо в лоб подскочившему ко мне адъютанту. Падая, тот свалил подсвечник с горящей свечой прямо на атамана. Увидев, что атаман еще ворочается и стонет, я выстрелил в него второй раз и бросился в дверь».

— Так, может, он еще жив? — встревожился Касымхан.

— Не знаю, но думаю, что я убил его,— ответил Махмуд.

— Смотрите: над крепостью поднялась ракета,— крикнул кто-то.

— Погоня будет,— сказал Махмуд.— Надо торопиться.

— Ладно,— сказал Чанышев.— Мы с Азисом едем в Кульджу, а вы скачите домой.

...Застигнутые врасплох дутовцы растерялись и после тревоги, поданной прибежавшим в крепость начальником штаба Попенгутом, еще долго не могли организовать погони...

Чанышев и Ушурбакиев с трудом проскользнули спустя два дня между рыскавшими вдоль границы дутовскими разъездами. Но они теперь твердо знали, что атаман мертв.

Смерть Дутова привела к окончательному разброду в рядах белоэмигрантов в Синьцзяне. Рядовые казаки потянулись сначала в одиночку, а потом и толпами на Родину. Иона пытался первое время удержать отряд в своих руках, но, потерпев неудачу, бежал из Синьцзяна в Маньчжурскую провинцию Китая, где еще долго промышлял под именем отца Мефодия.

Банды атамана Дутова не стало. Так закончились кровавые похождения еще одного злобного врага Советской России.

К. ГРЯЗНОВ

У ДЖУНГАРСКИХ ВОРОТ

В конце 1917 года в Лепсинск вернулись солдаты-фронтовики Захар Дегтярев и Федор Черкашин. Эти большевики, выступая на митингах в Лепсинске и окрестных селах, рассказывали народу о последних событиях в России. Дегтярев говорил просто, доходчиво. Его выступления слушали с восторгом. Усилиями большевиков и сочувствующих им крестьян вскоре были созданы Советы в Лепсинске, Покатиловке, Черкасском.

Трудовое население открыто повело борьбу с реакционным казачеством и кулацко-байской верхушкой. Однако борющиеся силы в то время были далеко не равными. Реакционное казачество станиц и кулачество таких сел, как Андреевка, Уч-Арал, Герасимовка, не признавало власти Советов. Организованные фронтовиками Советы просуществовали очень недолго. Прибывший в Лепсинский уезд белогвардейский отряд капитана Ушакова и местные белоказаки станицы Саркандской, организованные урядником Кравченко, разогнали Советы. А Захар Дегтярев и Федор Черкашин были зверски убиты.

В Семиречье хлынули хорошо оснащенные белогвардейские отряды генералов Анненкова и Дутова.

В течение четырнадцати месяцев они яростно боролись с защитниками власти Советов. Только в начале 1918 года белогвардейцам удалось установить свою власть в Северном Семиречье. Произвол генералов Дутова, Анненкова, Щербакова продолжался до марта 1920 года, когда под натиском красных белогвардейские атаманы в беспорядке бежали с остатками своих банд в пределы Китая. С атаманами бежало и местное казачество, преданно служившее своим генералам.

После разгрома белых население Лепсинского уезда стало строить мирную жизнь. Из города Верного в Лепсинск прибыли коммунисты Сулимов, Сейфуллин, Дудко, Усимов и Каминская. Создавался актив из местного населения. В окрестных селах и аулах укреплялись Советы, коммунистические ячейки и другие организации. В 1921 году большая часть населения уезда уже активно помогала в упрочении Советской власти. Создавались комбеды и союз «Кошчи». Беднота охотно входила в эти объединения.

В села и аулы уезда по организации комбедов и союза «Кошчи» направлялись уполномоченные уже из местного актива. Они разъясняли задачи союзов бедняков, объединяли трудовое крестьянство для проведения посевной.

В числе первых уполномоченных укома РКП(б), направленных в села Константиновку, Осиновку, Уч-Арал, были коммунисты Чайкин, Демченко, Корнева С., а в Уч-Аральскую волость — Оразов. Они вели разъяснительную работу, организовывали комиссии по изъятию у кулаков и баев излишков скота, хлеба и распределяли эти излишки среди остро нуждающихся в продовольствии и зерне для посева. Однако не все бедняки отважились пользоваться реквизированным имуществом — боялись расправы со стороны кулачества.

Эти опасения не были напрасными. Участились случаи террора. В селах Глиновке, Колпаковке, в казачьей станице Лепсинской кулаки открыто проявляли повстанческие настроения. В районе поселка Бахты, граничащем с китайским городом Чугучак, у озера Алакуль, появились крупные белогвардейские конные подразделения бежавшего в Китай генерала Бакича.

Оживление контрреволюционной деятельности в

уезде настораживало. Однако одними местными силами подавить активность белых было невозможно. Нужна была экстренная помощь.

К тому времени облотдел ГПУ города Верного имел достаточно данных о том, что в Лепсинском уезде существует контрреволюционная организация, готовящая вооруженное выступление с целью свержения Советской власти. Как выяснилось впоследствии, руководителем организации был священник церкви станицы Лепсинской Сушков. Были данные о том, что контрреволюционная организация имеет свои ячейки также и в других станицах Лепсинского уезда. Некто Скибин, руководитель ячейки в станице Маканчи, имел связь с командованием белобандитов, эмигрировавших в Синьцзян.

По данным особого отдела, вооруженное выступление намечалось на 1 мая 1921 года.

В марте 1921 года в Лепсинск была направлена оперативная группа около десяти человек под руководством заместителя начальника отдела товарища Павловича.

В середине апреля 1921 года организация, возглавляемая Сушковым, пыталась осуществить покушение на одного из чекистов. Было установлено, что активный член организации Баснер Евгений вел слежку за квартирами, в которых проживали чекисты. Баснер, Виктор Цедринский, сын священника (отец его был расстрелян в 1918 году как ярый контрреволюционер), и другие члены организации вербовали молодежь из семей репрессированных и тех, чьи отцы бежали за кордон.

Для проникновения в логово преступников была подобрана одна из временных сотрудниц экспедиции ГПУ жительница Лепсинска Валентина Замятина. Ранее она была хорошей знакомой Баснера. Узнав, что Замятина работает в ГПУ, Баснер стал больше уделять ей внимания. Он пытался выведать у Валентины интересующие его данные о работе экспедиции и сотрудниках ГПУ, узнавал их адреса, где они бывают и прочее. Однажды Баснер проговорился Замятиной, что намерен убить Грабовского, одного из руководителей тройки ГПУ. Он просил Замятину узнать, когда будет в клубе собрание с участием сотрудников ГПУ и будет

ли там Грабовский. Этот разговор Замятина немедля передала сотрудникам ГПУ.

Допускать дальнейшее существование антисоветской организации было нельзя. В конце апреля оперативная группа ГПУ приступила к аресту и задержанию всех членов лепсинской организации. Было арестовано более двадцати человек, изъято много оружия и боеприпасов. Все члены организации предстали перед судом и понесли заслуженное наказание. Главари были расстреляны публично на площади города Лепсинска. Этот метод исполнения приговора в наши дни может показаться жестоким. Но в период ожесточенной борьбы с врагом он был оправданным. Решительные меры Советской власти парализовали деятельность заговорщиков. Разгром преступной организации уменьшил сопротивление зажиточной части казаков мероприятиям Советской власти и дал возможность заготовить много хлеба, крайне необходимого для снабжения рабочих промышленных городов, живших в то время на голодном пайке.

Спустя месяц после прибытия чрезвычайной тройки в Лепсинский уезд приехали и особоуполномоченные Туркфронта Удилов и Бовдуй. Из чрезвычайной тройки к ним присоединились Носков Ф. К. и один из руководителей партизанского движения в Тарбагатайских горах Фаддей Кекин. Все они были направлены в пограничные районы Урджар, Маканчи и поселок Бахты для ликвидации остатков отряда белого генерала Бакича. Этот отряд в количестве нескольких сот сабель был сосредоточен на границе Китая в окрестностях города Чугучака и в горах Тарбагатая.

Особоуполномоченным Туркфронта были приданы части Красной Армии. По договоренности с китайским правительством граница между Чугучаком и Бахтами была открыта. Советские войска в несколько дней почти полностью разгромили большие отряды Бакича. Лишь остатки банд Бакича бежали в глубь Китая и в горы. Для борьбы с ними в городах Лепсинске и Урджаре в начале 1922 года создавались части особого назначения (ЧОН) из партийно-комсомольского актива, служащих государственных учреждений. Эти части придавались пограничному пункту № 4 и вместе с подразделениями пограничного батальона боролись

против банд. ЧОН оказывали неоценимую помощь как в ликвидации отдельных мелких банд, так и в охране государственной границы, ибо в те годы (1921—1923) регулярные пограничные войска в Лепсинском уезде только что создавались и состояли лишь из пехотных подразделений. Территория границы в уезде простиралась на сотни километров по горным труднопроходимым местам. Части особого назначения использовались для заслонов в горах близ границы, в местах возможного прохода нарушителей. А нарушения в те годы были очень частые. Отдельные банды кулаков просачивались через границу и угоняли скот в пределы Китая.

Первым командиром ЧОН в городе Лепсинске был Лопаев (814-й батальон ЧОН).

Только за 1922 год с помощью ЧОН были ликвидированы банды в урочищах Терекмы и Каргалы, в окрестностях винокуренного завода и в горах.

Мне также пришлось принимать участие в розыске и поимке нарушителей границы и скрывавшихся от суда членов бандитских шаек и повстанческих организаций.

В октябре 1922 года пограничный пункт № 4 получил данные, что группа бежавших от суда кулаков скрывается в горах Джунгарского Алатау и что к ней присоединилось несколько белоказаков, ранее действовавших в числе других групп. Надо было ликвидировать бандитскую группу. С этой целью в районе озера Алакуль, урочища Коктума был выставлен заслон из красноармейцев 220-го батальона.

Заслон стоял уже третью неделю, но каких-либо сведений о появлении банды в этом районе в пограничный пункт не поступало. В конце октября в Лепсинске был сформирован отряд особого назначения из десяти бойцов ЧОН. Отряд возглавили политрук батальона Зыков и я, как уполномоченный по борьбе с бандитизмом. Мы выехали в район расположения заслона, чтобы помочь красноармейцам прочесать места предполагаемого нахождения банды. От Лепсинска до озера Алакуль, где был заслон, расстояние не менее ста двадцати километров. Прибыли к месту мы только на четвертый день, потому что в пути нас задержала непогода. Время было осеннее, а в здешних местах слу-

чаются такие ветры, что на коне не усидишь. Вот и пришлось пережидать ветер в ущелье.

В двадцатых годах линия границы не была еще обозначена никакими государственными знаками и заслоны ставились только в местах, где легче всего могли пройти нарушители. Вот и наш заслон расположился в рыбацкой землянке у самого озера, в камышах, в двадцати пяти — тридцати километрах от границы. Начальник заслона командир отделения Прудко встретил нас с радостью, угостил завтраком из свежей рыбы, которой у них было вдоволь. Потом начальник заслона рассказал нам, что накануне он послал донесение с красноармейцем в село Глиновку. В донесении сообщалось, что дня за три до нашего приезда на заслон приходил человек, назвавший себя Зарубиным, жителем села Осиновки. Выяснилось, что в горах, в районе урочища Джаланаш, скрывается несколько человек. Сколько их, Зарубин не сказал, но дал понять, что все они хотят явиться с повинной. Зарубин хотел переговорить с кем-либо из начальства и обещал дня через четыре опять прийти на заслон.

— Мы его сначала не хотели отпускать назад,— сказал Прудко,— но потом решили, что этим отпугнем остальных.

Прихода Зарубина Прудко ожидал со дня на день. Красноармейцы усилили наблюдение и глубже в горы на ночь выставили караул: кто знает, а вдруг Зарубин приходил с целью разведки. Из-за этого опасения его и в помещение не пускали, чтобы он не узнал, сколько на заслоне красноармейцев.

На другой день решили выехать в горы к месту, где, по нашим предположениям, должна была скрываться группа Зарубина. Свой отряд мы пополнили двумя красноармейцами заслона. Отряд выступил рано утром, послав вперед дозор из трех человек. Часам к пяти вечера подошли к перевалу. Подыматься на перевал на ночь не решились. Остались у подножия, послав вперед разведку проверить подходы к месту нашего ночлега. Не прошло и получаса, как один боец вернулся и привел Зарубина, который, по его словам, шел к Прудко для переговоров.

Зарубин сказал, что в его группе шесть человек, имеются три лошади с седлами, четыре винтовки, к

ним две сотни патронов и один казачий клинок. Больше оружия они не пытались добывать, так как все время хотели вернуться в Глиновку, а затем в Лепсинск с повинной.

На наш вопрос о белоказаках Зарубин сообщил, что они дней пятнадцать назад уехали в Китай, в поселок Джимпань, где у некоторых из них живут семьи. Уехали, так как в горах стало холодно.

— Мы,— продолжал Зарубин,— с ними не пошли, да нас они и не звали с собой. Из их рассказов мы поняли, что в Джимпани среди русских казаков нам жизни не будет. Нужны деньги, скот, и кто это имеет, тот живет еще сносно, а кто без денег и скота, те мучаются, за кусок хлеба работают с утра до вечера в харчевнях. Мы и решили податься домой. Казаки были вооружены винтовками, у всех у них имелись кони. На будущий год они обещали вернуться.

Мы Зарубина отпустили, договорившись, что завтра к обеду он приведет своих дружков.

На другой день в двенадцать часов пришла вся группа. Они сдали нам свое оружие и лошадей. Все шесть человек были русские крестьяне из Осиновки и Глиновки.

Отправив пришедших на заставу в Коктуму с четырьмя бойцами ЧОН, мы решили все же добраться до границы в те места, где был лагерь группы Зарубина, чтобы убедиться в том, что белоказаки действительно ушли за кордон. Зарубина мы взяли с собой. До их лагеря добрались за три часа. В пути Зарубин нам рассказал, что они здесь находили много брошенного оружия, правда, совсем уже непригодного. Те винтовки, что они сдали нам, тоже найдены здесь. Их кто-то спрятал в камнях, завернув в войлок и обильно смазав. Как утверждал Зарубин, белоказаки ушли за кордон тоже без оружия. Они его прячут в горах, так как в Китай с оружием не пускают. Доехав до самой границы и убедившись, что в этих местах нет никого, мы вернулись обратно на заставу Коктума...

А. ШАХОВ

ПРОВОКАЦИЯ

Казалось, совсем не сложно вспомнить и рассказать наиболее интересный случай из чекистской жизни. «Вот сяду и напишу»,— думал я. Ведь не раз же приходилось сталкиваться лицом к лицу с врагами революции. Но не тут-то было. Память сохранила только какие-то обрывки событий, которые в те далекие годы захватывали нас, увлекали. Иногда неделями, а то и месяцами приходилось распутывать хитроумную вражескую вязь, а сейчас эти истории укладываются всего в несколько фраз.

Надо, видимо, заглянуть глубоко-глубоко в двадцатые годы. Вспомнить домик в Кучугуре, на одной из улиц города Верного; мечеть, куда потянулся след из домика; юркого вражеского разведчика, чтобы восстановить, как это было. Сделать это не легко. Напротив за окном — водный бассейн. Ребятишки галдят, как грачи перед отлетом. По улице-скверу имени Павла Виноградова идут веселые, красиво одетые алмаатинцы. Рядом сосновый парк и прекрасный Дворец пионеров. Тогда же ничего этого не было. Город изменился неузнаваемо. Только разве вот горы, могучие дубы, стройные тополя, высоченные березы и сосны остались почти такими же. А остальное совсем не то.

Улицы Верного были в то давнее время покрыты не асфальтом, а пахучей полынкой, зеленой шелковистой травкой и кое-где буйно разросшимся бурьяном. Тихо на улицах. Изредка прогромыхает рыдван или бричка, продребезжат дрожки, прорыдает в положенное время ишак, прокричит, обращаясь к правоверным, муэдзин с минарета ближайшей мечети, разнесется над городом, все заглушая, густой бас большого колокола — бом-бом-бом... А потом опять тихо.

На окраине Верного, в Кучугуре, где сейчас высятся четырехэтажные дома, проживало много дунган. Местные старожилы шли за известным революционером Масанчи. А приезжие из Китая держались своего подданства, часто посещали китайское консульство. Размещалось это учреждение на углу улиц Максима Горького и Панфилова, где сейчас больница. Высокие стены здания и дувалы отгораживали консульство от остального мира. Властвовал здесь важный китайский мандарин. Он творил суд и расправу над подданными Китая.

Заметным человеком был и повар консульства. Каждый день он выходил с корзиной на базар, встречался там со знакомыми, о чем-то говорил подолгу с одними, обменивался короткими фразами с другими и быстро исчезал. Всего единственный раз в ночную глушь был замечен повар консульства у домика в Кучугуре. Все, казалось, шло нормально. Нельзя было подумать, что вскоре на город надвинутся тревожные события.

И вот они разразились. В дунганской мечети во время моления произошла драка, перешедшая в кровавую резню. Местные дунгане дрались с подданными Китая.

Тихий, сонный Кучугур забурлил. В сутолоке, в самую полуденную жару второй раз был замечен повар китайского консульства, пытавшийся увести с собой из мечети двух зачинщиков резни.

Используя инцидент, китайское консульство снеслось со своим правительством, а оно, в свою очередь, предъявило ноту, обвиняя Советы во всех грехах. Клевета мутным потоком стала растекаться среди мусульман китайского подданства.

Начальником Джетысуйского губернского отдела

ГПУ в 1923 году был латыш Юргенс, заместителем по оперативной части — Кекин.

Следствие о беспорядках в мечети было поручено вести мне, уполномоченному контрразведывательного отделения. Во всей этой истории меня тревожило то, что я слышал о сговоре среди китайских дунган. Знал о готовящейся драке в мечети. Было известно, что подбивает людей на это дело повар китайского консульства. Но не поверил этому.

И я, и Юргенс отвергли мысль, что китайцы могут пойти на такое дело. Ведь драка, тем более резня в мечети по всем мусульманским законам — несмываемый грех. И мы ошиблись. Оказывается, когда речь идет о достижении политических целей, религиозные убеждения отбрасываются.

Следствие сразу же установило зачинщиков гнусной провокации. Китайская разведка, не без участия английской, преследовала далеко идущие цели. Резней в мечети они хотели скомпрометировать в глазах китайских трудящихся-мусульман нашу первую в мире социалистическую республику.

В двадцатых годах революционные настроения быстро распространялись в Китае, особенно в соседней с нами провинции Синьцзяне. Люди жадно ловили новости из нашей страны. Китайское гоминдановское правительство боялось нарастающего влияния идей из Страны Советов и, чтобы ослабить, парализовать это влияние, задумало и осуществило подлую провокацию.

Я бы хотел сопоставить этот случай с одним из эпизодов, происшедших со мной на границе. Участвовали в нем люди из банды Калена Хусаинова и Бексеита Сарсембаева. Кален и Бексеит — это крупные феодалы, довольно авторитетные в то время. Пользуясь обширными связями среди казахов, проживающих в Китае, они беспрепятственно переходили границу, грабили и убивали активистов в приграничных селах у озера Алакуль. А когда становилось туго, уходили в горы, к границе, а то и в Китай.

Много славных бойцов мы потеряли в стычках с этой бандой. Сложил тогда голову и боевой командир роты Таранов.

В 1924 году летом меня взяли из особого отдела и назначили начальником заставы Коктума — Глинов-

ка — Бахты. С первых же дней передо мной встал вопрос: как ликвидировать эту банду? Сильна она была пособниками. Те ставили банду в известность о всех передвижениях наших конников, помогали укрываться.

Однажды, получив достоверные данные о направлении, в котором пошла банда, я решил перехитрить соглядатаев Калена и Бексеита. Увел свой отряд в одном направлении, а потом, в глубине гор, повернул и вышел в ущелье Чиндалы. Здесь мы обнаружили свежий пепел от костров, недавно обглоданные кости, следы скота. Банде тоже надо было кормиться, поэтому они гнали с собой большой гурт лошадей и баранов. Пошли по следу кочевья дальше. Миновали предгорья перевала Юкок-Сельке и Орлиное гнездо, а след вел все выше и выше, к белкам. Продвигаться стали осторожнее. На любой из сопок предгорий можно было напороться на дозорного бандитов — тогда все пропало.

Днем отряд шел бросками. Пеший разведчик заберется на гряду, осмотрит местность в бинокль, потом даст сигнал двум конным разведчикам, а те — отряду. По ночам от разведки далеко не отрывались. На третий день пути — уже стемнело — прискакал один из разведчиков и доложил, что в урочище Сара-Бектюр они заметили в лощине два костра, расположенные невдалеке друг от друга. Еще выше по лощине, примерно километрах в двух-трех, слышен собачий лай.

— Думаем, там пасутся стада,— заключил пограничник.

Наш проводник хорошо знал эти места, когда-то сам водил контрабандистов, излазил горы как охотник, но проверить сообщение не мешало.

Приказав отряду осторожно продвигаться до сопки, я выехал вперед. Все обстояло так, как и докладывали.

Предутренний сон в горах особенно глубок. Решили дождаться этого момента и на зорьке начать операцию. Рано утром двинулись. Перевалив гряду, увидели лагерь бандитов. Без шума сняли часовых, окружили юрты, изъяли осторожно оружие у спящих и тогда только начали побудку. Около сорока человек взяли, что называется, тепленькими.

Уже много позже — прошел не один год — я вновь встретился с остатками этой банды, а может быть, с людьми, знавшими кое-что о разгроме банды Калена и Бексеита. Кто они были на самом деле, и теперь не пойму, но они везли на лошадях большие тюки. По этим признакам можно было считать их контрабандистами, а по действиям — бандитами. Все оказались вооруженными.

Мой провожатый, ехавший метров на десять сзади, сумел быстро повернуть лошадь на узкой тропе камышовых зарослей и ускакать, а меня стащили с коня, раздели до белья, связали и положили на землю. Лежу, прислушиваюсь и гадаю, кто они такие, посмевшие напасть на пограничников? По отдельным доносившимся до меня фразам убедился: попал к недобрым людям. Имена Калена и Бексеита, которые они упоминали, признаюсь, больше всего были мне не по душе.

Пережил тогда многое. Обидно было так глупо умирать. Еще обиднее попасть в таком виде за границу. Китайцы в то время специально охотились и выкрадывали наших пограничников, выпытывали у них нужные сведения, держали в своих тюрьмах. Если узнают, что в их руках уполномоченный Джаркентского погранотряда, хуже некуда будет.

Два раза до этого я был близок к смерти. Первый раз кулачье в селе Осиновке набросило на меня петлю. Хотели заарканить и утащить в горы. Хорошо, что шлем спас. Соскользнула с него петля, а бойцы, бывшие со мной, не растерялись и врубились в группу напавших на нас кулаков. Арестовали мы тогда всех зачинщиков этого дела и взяли много оружия.

Второй раз чуть не замерз в пути в пургу. Вез в Лепсинск пять пудов серебряных монет рублями и полтинниками царской чеканки, изъятых у крупного саркандского купца-миллионера Фадеева, которые он хранил в земле со времен революции. И все же тогда не было так обидно, как в этот раз.

Стало темнеть, а бандиты ничего не предпринимали: галдели и галдели. Какой-то мусульманский праздник не позволял им обагрить руки кровью в этот день.

С наступлением темноты я постарался ослабить узлы, стягивавшие руки и ноги, и это мне удалось. Узлы на руках я почти развязал. И вот спор бандитов

закончился. Трое из них подошли ко мне, подняли и понесли к реке Или.

«Значит, решили утопить»,— подумал я и не ошибся.

Бандиты бросили меня в реку и ушли. В воде я быстро освободил руки. Вынырнул, глотнул воздуха, снял аркан с одной ноги, доплыл до какого-то островка и там наткнулся на плот, связанный из пучков камыша. Только переправился к берегу, как услышал конский топот по дороге. Подумал, что это бандиты, и затаился в канаве, но почти сейчас же вышел из камышей: оказывается, прискакали пограничники на помощь.

Вот и судите сами: бандиты не решились нарушить мусульманских законов, и это спасло меня, а дипломаты не посчитались с ними и проучили меня.

Повар китайского консульства и кое-кто из дипломатов тогда отделались только тем, что им пришлось покинуть пределы Советской республики.

Может, поэтому память удержала эти истории, а может, потому, что Москва позже наградила меня портретом Феликса Эдмундовича Дзержинского с надписью: «За преданность делу пролетарской революции».

И. ШУМИЛОВ

ОПЕРАЦИЯ „ПОЛУФЕОДАЛЫ"

Правительственная комиссия по конфискации имущества баев-полуфеодалов с первых же шагов столкнулась с большими трудностями. Противодействовали не только баи, но и бедняки: ожидалось даже открытое выступление населения. Вскоре все разъяснилось. Оказалось, что еще задолго до приезда комиссии в Сары-Суйском районе Сыр-Дарьинского округа (ныне Джамбулская область) обосновались братья Байсеит и Диньмухамед Адилевы. Это были образованные, видные люди. Байсеит закончил среднюю русскую школу и занимался адвокатурой, а Диньмухамед имел высшее образование — уже в советское время он закончил Среднеазиатский государственный университет.

По имевшимся у нас сведениям, братья Адилевы получили задание от контрреволюционной организации «Алаш-Орда» всячески препятствовать Советской власти, поддерживать и руководить всеми действиями контрреволюционных элементов.

И вот мне, как члену правительственной комиссии по конфискации имущества баев и работнику ОГПУ, предстояло обезвредить вражескую деятельность братьев Адилевых. Их арест представлял известную трудность. Братья подолгу не находились на одном месте, а

все время разъезжали не только по Сары-Суйскому, но и по соседним районам. В своем ауле Адилевы почти не появлялись.

Было, однако, ясно, что братья Адилевы обязательно поинтересуются работой правительственной комиссии и с этой целью станут засылать к нам людей. Значит, надо организовать наблюдение за вновь прибывающими в Кент-Арал. Но кому его поручить? В условиях аула неумелый и недобросовестный человек может просто провалить дело. Выбор пал на уполномоченного уголовного розыска Сыр-Дарьинской милиции Мустакимова, очень честного и делового товарища. Как я и предполагал, с порученным делом он справился блестяще.

Мустакимов быстро установил, что из Чаяновского района в Кент-Арал приехал один из жителей аула Агабекова. Этот аул очень интересовал чекистов, и мы немедленно решили допросить приезжего. Он рассказал, что его послали сюда Адилев и Агабеков с заданием узнать, у каких именно баев конфискуется имущество и что конкретно делает правительственная комиссия.

Для проверки этих данных я поехал к рабочему «Заготпушнины», у которого остановился адилевский лазутчик. Сообщение полностью подтвердилось. Об Агабекове в ППОГПУ было известно, что он работал в Чимкентском окротделе милиции, совершил уголовное преступление и, боясь наказания, сбежал, прихватив винтовку и клинок. В Чаяновском районе Агабеков установил связь с Адилевыми, и те сделали его своим сообщником по антисоветским вылазкам.

Следовало срочно выехать в Чаяновский район, в аул Агабекова, у которого находился Адилев. Нельзя оставлять на свободе ни Адилева, ни Агабекова. До аула километров сто. Расстояние надо покрыть в самое короткое время, чтобы опередить «узун-кулак» — этот беспроволочный телеграф степей.

В тот же вечер я подобрал пять человек из отряда — Мухитдинова, Троянова, Сапалая. Фамилий и имен остальных не помню. Из конфискованного табуна каждому бойцу выдал по две лошади и, не дожидаясь рассвета, двинулись в путь. Проводником у нас был посланный Адилева. Ехали весь день и ночь быст-

рым аллюром, без остановки. В пути только переменили лошадей и немножко перекусили. В полночь подъехали к небольшому аулу, откуда до стоянки Агабекова оставалось не более трех-четырех километров. Здесь опять пересели на запасных лошадей, поели и рано-рано, перед самым рассветом, осторожно приблизились к холмам, за которыми в ложбине стоял аул Агабекова. Спешившись, рассредоточились по гребням холмов.

Аул Агабекова — не более трех-четырех юрт — спал спокойно, даже собаки молчали. К Агабекову я послал активиста Сапалая, который, кстати говоря, много помогал и комиссии, и мне в работе. Он должен был передать Диньмухамеду Адилеву и Агабекову мое требование сложить оружие и сдаться. В случае сопротивления, предупредил я, мы открываем огонь и пускаем в ход гранаты. Такое предупреждение оказалось достаточно эффективным, хотя никаких гранат у нас не было. Адилев и Агабеков без сопротивления сдались сами и сдали оружие.

В юрте с ними оказалось еще восемь человек. Они также вышли с поднятыми руками. Вынесли и сложили в отдалении винтовку, карабин, два револьвера и два дробовых ружья.

Арестовав Адилева и Агабекова, мы немедленно выехали к ближайшей железнодорожной станции, а оттуда в Кзыл-Орду, в ППОГПУ, где и сдали Адилева и Агабекова.

В пути у меня состоялся небольшой, но довольно интересный разговор с Адилевым. В дальнейшем, в процессе следствия по делу казахских буржуазных националистов алаш-ордынцев, эта беседа сыграла положительную роль.

Вначале Адилев ехал молча, предавшись своим невеселым думам. Затем спросил, может ли он откровенно поговорить со мной. Я ответил утвердительно. Адилева волновал один вопрос: будет ли ему сохранена жизнь, если он на следствии даст вполне правдивые показания как о себе, так и о тех, под влиянием которых он находился и с кем совершал преступления против Советской власти.

Я сказал ему, что в любом случае откровенное признание может облегчить наказание, и посоветовал ему быть совершенно откровенным на следствии.

В ППОГПУ я представил подробную докладную об обстоятельствах ареста Адилева и содержании моего с ним разговора. Во время следствия Адилев действительно дал откровенные показания, на основе которых и ранее имевшихся в ППОГПУ данных, вполне подтвержденных Адилевым, была ликвидирована крупная контрреволюционная организация алаш-ордынцев. Эта организация на протяжении многих лет вела антисоветскую работу на территории Казахстана.

Из Кзыл-Орды через трое суток я вернулся в Кент-Арал для участия в дальнейшей работе правительственной комиссии. Работу свою она закончила примерно в середине февраля 1929 года. Правительство республики положительно оценило результаты деятельности нашей комиссии.

Но это было уже позже. А в то время, в день моего выезда из Кент-Арала, начальнику нашего отряда Егембаеву стало известно о местонахождении второго брата Адилева — Байсеита, которого тоже следовало арестовать. Егембаев с группой бойцов отряда выехал на выполнение этого задания. Однако Байсеит не сдался живым: когда Егембаев предложил ему сдаться, бандит застрелился из револьвера.

После возвращения из командировки в Кзыл-Орду меня тут же вызвал заместитель начальника ППОГПУ Альшанский. Операция «Полуфеодалы», оказывается, еще не закончилась. Для следствия крайне необходимо было найти некоего Нурлана, который мог дать весьма ценные показания по делу контрреволюционной организации «Алаш-Орда».

Дело в том, что этот Нурлан (я забыл его фамилию) являлся чем-то вроде дипкурьера братьев Адилевых. По их поручению он неоднократно ездил в Алма-Ату, Чимкент, Ташкент, Кзыл-Орду и другие города. Мне предстояло разыскать Нурлана и доставить в Кзыл-Орду. Я доложил начальнику отдела Петрову свои соображения и попросил себе в помощь уполномоченного Чимкентского уголовного розыска Мустакимова и двух милиционеров из Туркестана.

Главная проблема состояла в том, куда ехать, где искать Нурлана, который, не имея ни роду, ни племени, скитается по степи. Круглый сирота, Нурлан жил

у братьев Адилевых, выполняя роль батрака, а в нужных случаях и роль посыльного.

Я решил ехать в Чаяновский район, где остался младший брат Агабекова Султан. Он мог мне посодействовать в поисках Нурлана. Во время ареста Диньмухамеда Адилева и Агабекова в ауле Нурлана не было. Но он, как я предполагал, услышав об аресте Адилева, непременно должен приехать в аул, чтобы узнать подробности.

Встал вопрос о проводнике. Среди работников ГПУ и районной милиции такого не оказалось. Я послал Мустакимова на поиски. Через некоторое время он привел казаха, жителя Чаяновского района, приехавшего на базар по своим делам. Мы с ним разговорились и, как принято у казахов, поделились новостями. Самой большой новостью в их ауле оказался арест Адилева и Агабекова. Мы спросили его, знает ли он, где теперь кочует аул Агабекова. Он знал это и согласился сопровождать нас.

Выехав из Туркестана в тот же вечер, к обеду следующего дня мы были в ауле Агабекова. Султан оказался дома. Выяснилось, что Нурлан действительно был в ауле и только утром в день нашего приезда выехал в Сары-Суйский район, сказав, что по пути заедет к знакомому. Султан, естественно, стал интересоваться участью брата, спросил, долго ли его будут держать под стражей.

— Поможешь нам разыскать Нурлана,— сказал я ему,— это облегчит положение брата.

Султан изъявил полную готовность, и мы все немедленно выехали вслед за Нурланом. В ауле, куда должен был заехать Нурлан, его не оказалось. Он отправился уже дальше, верст за двадцать.

Медлить было нельзя. Поторапливая коней, мы поскакали к аулу, где, по нашим предположениям, остановился Нурлан. Подъехали к аулу довольно-таки поздно. Решили в юрту послать Султана, и если Нурлан там, то он должен крикнуть нам: «Здесь». Кстати сказать, Султан по-русски совсем не говорил, и нам дорогой пришлось обучить его этому единственному русскому слову, которое он, наверное, запомнил на всю жизнь.

Аул состоял из нескольких юрт и находился в кот-

ловине, окруженной небольшими песчаными холмами. Послав Султана в юрту, мы остались ждать на этих холмах. Нурлан оказался в одной из юрт и пытался бежать, почувствовав недоброе. Он бросился в стадо баранов, намереваясь проскользнуть в саксаульные заросли.

Ухватившись за полу чапана Нурлана, Султан крикнул несколько раз: «Здесь, здесь». Мы сразу же бросились на крики и задержали Нурлана.

В ту же ночь выехали в аул Агабекова, а оттуда в Туркестан. Проводником был Султан. Из Туркестана поездом доставили Нурлана в Кзыл-Орду, в ППОГПУ. Это было на четвертый день после начала поисков. Никто из руководства не ожидал таких быстрых успехов.

Так завершилась операция, условно названная нами «Полуфеодалы».

В. ИСМАМБЕТОВ

В ЗАРОСЛЯХ ПРИБАЛХАШЬЯ

После конфискации имущества у баев классовая борьба в аулах Казахстана приняла острые формы.

В Балхашском районе Алма-Атинской области бай Карамисов сколотил крупную банду. Она захватила районный центр и разгромила все районные организации. Бандиты вскоре были разбиты, но многим удалось скрыться, и они продолжали свою грязную возню. Разбившись на мелкие группы, бандиты грабили колхозы и население, жгли и уничтожали общественное имущество, терроризовали активистов и советских работников аулов и района. Немало потребовалось времени, сил и энергии, пока партийная и комсомольская организации, работники ОГПУ очистили район от озлобленных баев.

Мне хочется рассказать о том, как ликвидировалась банда Культая Джалабаева, за которым закрепилась кличка «Неуловимый Культай».

Это был высокий, чуть сутуловатый, худощавый человек, с жиденькой бородкой и сверлящими острыми глазами. Сын крупного бая, он все время выступал против Советской власти. За антисоветскую деятельность Культай был привлечен к уголовной ответственности, но еще до окончания суда из-под стражи бежал и организовывал банду. Вооруженные головорезы Культая нападали на колхозы, заготовительные и коо-

Отряд чекистов выезжает на задание.

перативные организации, грабили имущество, уничтожали скот.

Меня в то время только что назначили на работу в Баканас. Секретарь райкома и начальник райотделения ОГПУ товарищ Разумовский предложили мне организовать поимку Культая.

Послав в разведку комотрядника Алтаева, я с остальными одиннадцатью специально отобранными райкомом партии коммунистами и комсомольцами выехал в направлении Альпан-Клыш.

Просторы Прибалхашья велики. Только через тринадцать дней пути нас встретил Алтаев и сообщил, что банда находится в Альпан-Клыш, но вожака там нет.

Вскоре на зимовке, лежавшей на нашем пути, мы увидели дряхлую старушку, горько плакавшую над трупом мужа. Не дожидаясь наших вопросов, она сквозь слезы рассказала, что утром бандиты убили ее старика, забрали единственного коня, последнюю корову и уехали по направлению урочища Альпан-Клыш. Мы помогли схоронить старика, дали женщине коня и отправили ее в ближайший аул, а сами двинулись дальше. Не доезжая примерно одного километра до

урочища Альпан-Клыш, остановились, чтобы обдумать, как лучше взять бандитов.

Задолго до рассвета, выбрав четырех человек, пошли в разведку. Отряд остался на месте, но был готов по первому зову прийти к нам на помощь. Осторожно подошли вплотную к месту, где находились бандиты. Они спокойно спали в лощине, понадеявшись на часовых, которых они поставили на возвышенности. Но часовые тоже спали. Мы их бесшумно сняли и отвели за увал. Расспросили у них, сколько в лощине бандитов и как они вооружены.

Бойцы комотряда, окружая бандитов, быстро заняли намеченные места. Как только все было готово, я вместе с сотрудником ОГПУ Туякбаем спустился в лощину и выстрелил вверх. Бойцы отряда, стоявшие наверху, тоже дали залп. Только один наш работник Шевцов почему-то нарушил приказ и выстрелил в верблюда. Однако получилось неплохо: раненое животное подняло страшный рев, вызвав этим среди бандитов еще большую панику. В результате все сорок бандитов без сопротивления сдались, были обезоружены и доставлены в райцентр.

Но главная задача — поимка Культая — не была еще решена. Поэтому спустя два дня вместе с пятнадцатью комотрядниками я вновь выехал в дельту реки Или.

Густые камыши Прибалхашья, казалось, были набиты комарами: трудно дышать, особенно в вечернее время. Средств защиты от комаров у нас никаких не было. Оставалось одно — терпеть.

Через пятнадцать дней мы натолкнулись на след Культая, но поймать его не так-то просто: о продвижении нашего отряда его регулярно извещали специально назначенные им для этой цели люди. Наконец нам повезло. На одной из заброшенных зимовок мы обнаружили непогашенный костер, чайник и пиалушки. Человек даже не успел выпить чай — так спешил скрыться. Мы стали искать вокруг зимовки хозяина чайника и пиалушек. По обнаруженным нами свежим следам поехали десять человек, а пятеро остались в засаде на зимовке.

Вскоре комотрядники догнали пешего. Он нес на плечах небольшой мешок соли. На вопрос, кто он та-

кой, откуда и куда идет, незнакомец ответил, что работает на Балхашском медеплавильном заводе, фамилия его Алдабергенов и идет он домой, в Балхаш. Объяснения Алдабергенова казались неправдоподобными: в Балхаше на рыбзаводе соли было достаточно и нести ее туда все равно, что в лес дрова. К тому же один из комотрядников опознал Алдабергенова и доложил, что он охранник Культая. Три месяца назад комотрядники окружили эту банду, но Культай и Алдабергенов с боем прорвались и скрылись. И все-таки Алдабергенов упорно отрицал не только свое пособничество Культаю, но и знакомство с ним.

Отряд расположился на отдых, а комотряднику Айтурову было поручено охранять Алдабергенова и попытаться договориться с ним. Поручение Айтуров выполнил успешно. Он доказал Алдабергенову, что Культай и ему подобные доживают последние дни, их нечего бояться и не стоит портить из-за них свою жизнь. А за помощь в поимке Культая Алдабергенову могут простить его прежние неблаговидные дела.

Алдабергенов перестал запираться. Он рассказал, что вторая жена Культая прошедшей ночью родила сына. Утром Культай ходил на охоту и убил дикого козла, чтобы вечером устроить пир в честь новорожденного сына, а до наступления темноты будет отсиживаться в камышах недалеко от своей кибитки.

Теперь оставалось только разработать операцию в подробностях. Мы уточнили, где именно логово Культая, а на случай нечаянной встречи с главарем банды мы обрядили Туякбая в одежду Алдабергенова. Бандита мы взяли с собой в качестве проводника.

Тихо подошел отряд к указанному месту. Расставив людей так, чтобы окружение было полным, мы с переодетым комотрядником пошли по тропинке к логову Культая. Туякбай впереди, я сзади. Бандит издали принял Туякбая за своего охранника и, не обращая внимания на его приближение, занимался чем-то своим. Тем неожиданнее оказалось мое появление. Культай выхватил пистолет, но в это время сзади Туякбай ударил его по руке, и пуля прошла мимо. Бандит был схвачен, обезоружен и связан. В его кибитке мы обнаружили десять винтовок, три обреза и три пистолета.

В тот же день специальный нарочный повез весть о поимке Культая в райком партии.

Отряд, выполнив задание, возвращался в Баканас. Нас вышло встречать почти все село: людям хотелось посмотреть на «Неуловимого Культая».

Итак, банда была обезглавлена и прекратила свое существование. В районе стало тихо, и можно было спокойно жить и работать.

А. АБУЗАРОВ

ОШИБКА

В Карсакпае, административно подчинявшемся тогда Кзыл-Орде, был арестован бывший белогвардейский полковник Албин за антисоветскую агитацию среди рабочих медеплавильного завода. Этот в общем-то на первый взгляд незначительный факт приобрел большое значение.

Арест страшно расстроил начальника отдела наркомата. Он просто места не находил в тот день. Оперативные работники понимали его волнение. Старые чекисты еще тогда были против арестов за антисоветскую агитацию, считая, что эти случаи должны профилактироваться другим путем.

Начальник вызвал моего друга чекиста Коновалова и приказал затребовать из Уральска все материалы, касавшиеся арестованного Албина Николая Авксентьевича. Обо всем этом Коновалов рассказал мне гораздо позже. Я в то время работал в Уральске.

Получив шифровку об Албине, мы всполошились. Начальник особого отделения Михаил Чистяков, человек крепкого характера, составляя докладную, неожиданно вспылил:

— Какое безобразие,— с досадой говорил он.— Разве они не понимают там, в Кзыл-Орде, что аресто-

вывать людей по такому поводу сейчас просто нет необходимости. Об Албине же мы им специально писали. У него большие связи среди деятелей бывшего уральского казачества, за границей немало друзей, которые не сидят сложа руки. И вот этот преждевременный арест. Только вспугнули. Кому нужны такие аресты? Теперь выкручивайся... Это полнейшее забвение чекистских правил,— горячился Чистяков.— Еще Владимир Ильич Ленин требовал, чтобы ГПУ глубже проникало во вражескую среду, лучше знало тактику их борьбы, тщательно анализировало опасность действия врага против нашего государства, брало под контроль каналы, по которым идут связи за кордон, и умно использовало их. Как можно забывать об этом?

Я мог только посочувствовать Чистякову, не больше.

— Какая бы грубая и непростительная ошибка ни была,— говорил я,— но она уже допущена. Остается только исправить ее.

Через день пришло еще одно неприятное сообщение. Оказывается, начальник Карсакпайского райотделения направил Албина простым конвоем с двумя ведомственными милиционерами Бекбулатовым и Невенчиком до Кзыл-Орды. По дороге, на пикете Акмолла, Албин выкрал из баульчика старшего конвоя Бекбулатова пакет с материалами, послужившими основанием к его аресту, и сжег этот пакет в печке.

Расследование, проведенное по этому случаю, установило, что в пакете находились стихи злобного антисоветского содержания, написанные Албиным, и материалы, изобличающие его в антисоветских высказываниях среди рабочих Карсакпайского медеплавильного завода. Стало ясно, что Албин намерен ничего не говорить на следствии, потому и постарался отделаться от улик.

Так и случилось. Албин не дал никаких показаний на следствии. Более того, в начале июля 1931 года вместе с сокамерником он проломил потолок камеры и бежал из Уральского изолятора. Узнав об этом весьма неприятном факте, Коновалов ожидал встретить начальника отдела наркомата еще в худшем настроении, чем в начале всей этой истории. Он готовился докладывать материалы в явно нервозной обстановке.

Однако ничего подобного не произошло. Начальник отдела был бодр и весел.

— Вот какой молодец этот Албин,— сказал он, как только Коновалов вошел в кабинет,— заставил нас относиться к себе с уважением. Не мелочь, мол, я какая-то, а серьезный враг. Это неплохо. Теперь уж нельзя не разобраться до конца, что это за птица. Как вы считаете, товарищ Коновалов?

— Думаю, что птица он действительно серьезная и залетел к нам из-за границы неспроста.

— Вот и надо вникнуть в суть дела,— сказал начальник.— Подробно информируйте меня об Албине.

...Было известно, что Николай Авксентьевич Албин в 1924 году после возвращения из Болгарии намеревался выбрать тихий уголок и отсидеться до времени, но его задержали в Новороссийске и направили в ГПУ в Уральск по месту совершения тяжких преступлений против Советской власти в период гражданской войны. В Уральске судили и приговорили к расстрелу с заменой десятью годами лишения свободы.

Вот какие сведения имелись у нас по материалам следствия и суда.

Албин — уроженец поселка Январцева Тепловского района Уральской области, из крестьян-бедняков, неимущий, женат, член партии социалистов-революционеров с 1911 года, образование низшее, русский казак. После Октябрьской революции совместно с другими эсерами, сослуживцами по старой армии, приложил много усилий к тому, чтобы сохранить в боевом порядке уральские казачьи полки, пройти с полным вооружением с фронта в Уральск.

Белогвардейское правительство Фомичева, существовавшее тогда в Уральске, приняло их с распростертыми объятиями. Быстро развивавшиеся события вскоре убедили Албина, что правительство Фомичева малоавторитетно и имеет слабую опору среди местного населения. Тогда эсеровская военная группа во главе с полковником Албиным и другими офицерами создала «Союз фронтовиков» и через него развернула работу по формированию частей и дружин по станицам. Так была создана Уральская армия и Уральский фронт под командованием генерала Мартынова, а затем атамана Толстова.

Одной из самых надежных частей армии был первый полк под командованием Албина, упорно сражавшийся с Красной Армией и названный эсерами «партизанским».

Только в июле 1919 года, после ранения в руку, Албин был направлен на излечение в Краснодар, где находился вплоть до ликвидации деникинского фронта.

В Краснодаре Албин получил телеграмму от Толстова:

«Войско гибнет. Ваше присутствие необходимо. Выезжайте форт Александровск и автомобилем в Гурьев».

Выезд Албина, не закончившего лечение, к уральскому войску не удался не по его вине. В это время пришла радиограмма, что части Толстова, сдав Гурьев, панически отступают. И он, естественно, не поехал к атаману.

Все, что рассказал о себе Албин, не расходилось с истиной. Свою активную борьбу против Советской власти на суде он объяснил тоже довольно искренне.

— Окончил я,— говорил Албин,— только сельскую школу. До двадцатилетнего возраста работал в сельском хозяйстве. Книг или какой-либо литературы не только не читал, но и не имел о них никакого понятия. В 1911 году был взят на военную службу и заперт в казармы. В этом же году в тех же казармах мне попались люди, которые в обстановке строгой секретности стали объяснять бедственное положение крестьян в России. Эти люди называли себя членами партии социалистов-революционеров. Они говорили, что хотят лучшей жизни для крестьян и потому намерены свергнуть царя. Это мне пришлось по душе, и я примкнул к организации. Был ею принят и обласкан. Но развивался ли я политически, будучи уже членом организации? Нет. Политических книг не читал. Верно, я знал, что, кроме эсеровской организации, с царской властью борется рабочая партия, знал, что она проповедует марксизм, но что это за марксизм — не знал, и так все обернулось, что и не пытался узнать. Моими политическими врагами были помещики и царь. Я считал, что революция заключается в том, чтобы свалить царя, отобрать землю у помещиков и передать ее крестьянам. О другой революции я и представ-

ления не имел... Грянула война, и я весь отдался ей. За подвиги в 1914 году получил несколько наград и первый офицерский чин, а с ним и ту среду, которая довершила все остальное и довела меня до того, что я сейчас есть. Будучи политическим невеждой, мог ли я понять и принять Октябрьскую революцию? Я спорил с родным братом Тимофеем Албиным, который сразу же примкнул к Советской власти и вступил в РКП(б). Я называл его недалеким человеком, а в результате сам оказался недалеким...

Искренность, с которой Албин рассказывал о своем прошлом, видимо, и повлияла на решение суда, и ему еще снизили срок наказания с десяти до шести лет. К тому же в эмиграции он, по его словам, зарекомендовал себя положительно. Пережил безработицу, лишения, испытал всю горечь тоски по родине и понял, что ему надо возвращаться домой. Он вступил в «Союз возвращения на родину», был товарищем председателя этого союза, сидел за это один месяц в тюрьме при правительстве Цанкова и по ходатайству представителя РОКК[1] Корецкого, прибывшего из России в Болгарию по делам русских эмигрантов, был освобожден и на пароходе вывезен в Новороссийск.

Наш народ гуманен. В лагере Албин просидел всего два года и в 1926 году вышел на свободу...

— Это то, что сказал о себе Албин. А что не сказал? Есть такое?— спросил Коновалова начальник отдела, когда он познакомил его с этими материалами.

— В том-то и дело, что есть. Это и заставляет думать о нем, как о человеке, пришедшем к нам с камнем за пазухой.

Вот как в действительности жил Албин в эмиграции.

Убедившись, что дело генерала Толстова проиграно, Албин вместе с деникинской армией переправляется в Крым, к Врангелю. После ликвидации и этой цитадели белых на захваченном пароходе бежит в Турцию, в Константинополь. Турецкое правительство этот пароход переадресовывает в Болгарию, но и там его не

---

[1] РОКК — Русское общество Красного Креста.

принимают. Только приход двух французских миноносцев убедил правительство Стамболийского принять незваных гостей, полмесяца болтавшихся у берегов Болгарии.

Французское правительство не только помогло размещению белых в Болгарии, но и взяло их на иждивение. Каждому эмигранту выдавалось по пятьсот граммов хлеба, двести граммов мяса, триста граммов разных овощей и банка консервированного молока на день.

Обосновавшись в Болгарии, Албин пишет письмо генералу Толстову и уговаривает его опять начать борьбу с Советской властью, организовать разрозненные силы русского казачества и возглавить их. Ответ Толстова был проникнут признательностью Албину, но от предложенной ему почетной роли он отказался. Вскоре Албин выехал в Софию на среднетехнические курсы, открытые якобы группой профессоров и инженеров-эмигрантов с благосклонного разрешения болгарского правительства. На этих курсах Албин проучился девять месяцев, а после их окончания занял хорошо оплачиваемую должность на одном из болгарских предприятий. Известно, что на курсах изучалась и рекомендовалась такая политическая литература, как «Предшественники новейшего социализма» Каутского, «Политэкономия» Туган-Барановского. Дальше следует активное участие Албина в работе «Союза возвращения на родину», связи с белоэмигрантской организацией, размещавшейся в Париже, арест и высылка из Болгарии правительством Цанкова.

Если вспомнить, как в Харбине и Маньчжурии такие технические белоэмигрантские курсы японская разведка использовала для подготовки шпионских кадров, то это обстоятельство в биографии Албина заслуживает серьезного внимания и требует проверки. Не исключена возможность, что и здесь приложила руку какая-то разведка или «Русский общевоинский союз» (РОВС). Эта организация не гнушается, как нам известно, ни шпионажем, ни террором, ни засылкой в нашу страну своих эмиссаров для сколачивания повстанческих кадров.

— Логично,— отозвался начальник отдела, когда Коновалов закончил свой доклад.— Давайте проверим.

— На эти мысли наталкивает не только двойная игра Албина в Болгарии, о которой он ничего не сказал на суде, но и другие факты: с первых дней пребывания в Болгарии Албин дружил с поручиком, активным карателем Иваном Захаровичем Панченко. Поручику было опасно появляться в Советском Союзе, поэтому он не пытался проникнуть к нам и намеревался навсегда остаться за границей. Перед отъездом в Россию Албин пообещал поддерживать связь с Панченко. Задержание Албина в Новороссийске, а затем суд в Уральске спутали им карты, но они упорно стремились восстановить связь друг с другом.

В 1929 году один из русских казаков, вернувшихся из-за границы, разыскал Албина и передал ему, что Панченко переехал в Париж. Албин также знал, но утаил, что офицер контрразведки Николай Горбунов направлен на советскую территорию с целью шпионажа.

Во время гражданской войны Албин был тесно связан и дружил с начальником штаба армии генерала Толстова полковником Моторным Владимиром Ивановичем. По его протекции он получил назначение командиром партизанского полка белых. Освободившись из лагеря и узнав, что Моторный живет и работает в Москве, Албин пишет ему письмо. Через некоторое время посылает к нему свою жену. Встреча с женой Албина состоялась сначала на квартире Моторного, а затем у инженера Митрясова, бывшего сослуживца Моторного и Албина в армии генерала Толстова.

В 1927 году бывший адъютант генерала Толстова Петр Юдин передал Албину через агронома Осипова, что он был в Москве в гостях у Моторного. На небольшой вечеринке, на которой присутствовало несколько белых офицеров, обсуждался вопрос об убийстве посла Советского Союза в Польше Войкова. Моторный тогда сказал офицерам, чтобы они были наготове, а Юдину велел передать то же в Уральск всем белым офицерам.

Интересна связь Албина и с Петром Ивановичем Хорошхиным, бывшим белым полковником. Хорошхин — дворянин, сын генерала царской армии, у бе-

лых пользовался большим авторитетом и посылался на самые ответственные участки фронта. В последнее время был представителем Уральской армии в ставке генерала Деникина. При эвакуации за границу захватил с собой Албина с женой.

Узнав, что Хорошхин вернулся в СССР, Албин разыскал его в Саратове.

— Достаточно,— сказал начальник отдела.— Остальное о Хорошхине я знаю. Полпредство ОГПУ по Нижней Волге прислало нам материалы, в которых говорится, что в конце 1930 года ими раскрыта и ликвидирована контрреволюционная организация, готовившая повстанческие кадры на случай войны. Во главе этой организации стоял П. И. Хорошхин, а Албин был одним из ее активных участников.

Все стало понятно. Человек не смог преодолеть того, что ему дала офицерская и эсеровская среда. Подачки французской буржуазии запомнились лучше хлеба родины. Покаянная речь Албина выглядела теперь по-иному, как заранее отработанная версия на случай провала.

Немного подумав, начальник отдела сказал Коновалову:

— Напишите подробное сообщение в Москву, приведите доводы о необходимости проверки Албина в части его связей с белоэмигрантскими организациями, не состоял ли в РОВСе, с кем был там связан. Чистякова и Абузарова попросите ускорить розыск Албина. Все материалы докладывайте мне.

...В Уральске Чистяков и я шли по следу Албина. Изучая людей и места, где он бывал, где остановился, где завязал знакомство, мы открывали один эпизод в его деятельности за другим. Подтверждалось, что Албин — матерый враг и не одиночка.

Во время следования этапом от Кзыл-Орды до Уральска Албин в Самаре встретился с членом ЦК эсеровской партии Виктором Николаевичем Рихартом, помещенным в тот же вагон, в котором ехал Албин. После этой встречи активность Албина возросла. Тогда же он познакомился с эсерами Русяновым и Росшановым, следовавшими в ссылку в Пензу. Албин рассказал им о своем намерении совершить побег. Русянов и Росшанов одобрили решение Албина, обещали помочь

ему и направить за границу, если он доберется до Пензы.

Сидя в Уральском ИТД, Албин опять-таки связался с эсером Анатолием Ивановичем Карабалиным, получал от него передачи и был проинформирован о деятельности эсеров в Уральске.

Совершив побег, Албин направился в Пензу. По дороге, случайно наткнувшись на пост чекистов, был задержан и доставлен в Сызранское ОГПУ. Там он назвал вымышленную фамилию. После короткой проверки его отпустили. Заходил также Албин к родственнику одного из заключенных Дубровину в село Сестры. Здесь его, как не имеющего документов, задержал работник уголовного розыска и пытался доставить в милицию. Однако в пути Албин бежал.

Эти задержания заставили Албина изменить планы, отказаться от поездки в Пензу. Он сел в поезд и выехал в Ташкент. Здесь у родственника приобрел документы на другое имя, и следы его надолго затерялись.

Прошел год. Москва давно провела тщательную проверку Албина и установила, что он не только состоял в белогвардейской организации РОВСа, но и был послан в СССР с особым заданием на длительное время. Какое это было задание, пока оставалось тайной. А Албин вел себя на воле странно: то отсиживался в тихих селах, а когда его обнаружили, стал часто менять места работы и жительства, не хотел заводить связей. Видать, события, последовавшие через некоторое время после его ареста, стали ему известны и произвели на него сильное впечатление. Самые надежные и влиятельные его соратники выбыли из игры. Матковский был арестован за связь с эмиссарами, прибывавшими из-за кордона, и руководство террористической группой, Хорошхин — за повстанческую деятельность, эсеры Уральска — тоже.

Только в июле 1932 года Албин стал искать надежный способ для ухода за границу. Встретившись с одним из старых знакомых-уральцев, он долго изучал и проверял его; а потом, поверив, попросил подыскать проводников, знающих тропы через границу. В другой раз поинтересовался, не знает ли уралец, где можно приобрести оружие.

Поведение Албина, скрывавшегося под фамилией Тимофеева Петра Андреевича, не понравилось уральцу, и он его спросил:

— Неужели так и уедешь, Николай Авксентьевич, ничего не сделав для России?

— Уеду,— ответил Албин.— Здесь стало опасно... Но не в этом суть. Делу я принес в жертву семью, личное благополучие, не пожалел бы и жизни, если бы все это было не напрасно. Времена изменились. Народ не идет за нами. А что мы без людей? Надо выждать. Выждать не год и не два. Здесь этого сделать не дадут. Скольких друзей уже лишился...

Решив это, Албин не намерен был долго задерживаться в Советском Союзе. Одно теперь его занимало: как пробраться за кордон?

— Умный, вражина,— подвел итог долгому изучению Албина Чистяков.— Чем он тут занимался, с каким заданием прибыл — и сейчас ясно, а вот связи его за границей, пожалуй, не сможем взять в свои руки. Жаль, но ничего не поделаешь. Ошибку исправить, видимо, не удастся.

Заготовьте шифровку в Андижан об аресте Албина.

К. ГРЯЗНОВ

СОБЫТИЯ В ТАХТАКУПЫРЕ

В конце 20-х и начале 30-х годов в Каракалпакии было очень беспокойно. Кулаки и баи противились коллективизации, создавали банды для борьбы с органами Советской власти на местах. Муллы агитировали бедноту вступать в бандитские отряды, вставать «под зеленое знамя, поднятое потомками Каракум-ишана».

Нужно сказать, что мало кто из каракалпаков верил этим измышлениям. Каракалпак — трудолюбивый земледелец, хлопкороб — хотел жить и трудиться спокойно. Однако были отдельные дехкане, которые поддавались агитации, запугиваниям мулл и баев и шли за ними. В ряде районов, особенно в Чимбайском и Тахтакупырском, участились бандитские выступления.

В это время я был направлен в Каракалпакский областной отдел ОГПУ на должность старшего уполномоченного. Сразу же по прибытии в новый аппарат ОГПУ был включен в оперативную группу по борьбе с басмачеством и выехал с другими товарищами в Чимбайский район.

В сентябре, после ликвидации небольших бандитских групп, мы получили сведения от местного населения, что в Тахтакупырском районе, близ озера Каратеренг, что в пятнадцати-восемнадцати километрах от райцентра, появилась крупная банда. Возглав-

ляли ее бай Абдукарим Исматуллаев и его брат Максум.

Прибывший из Тахтакупыра наш уполномоченный подтвердил эти данные и дополнительно сообщил, что бандиты намерены напасть на райцентр в воскресенье, то есть на следующий день.

Немедленно был создан отряд из шести красноармейцев во главе с командиром отделения из расквартированного в Чимбае взвода и одиннадцати местных добровольцев-комсомольцев. Красноармейцы имели при себе ручной пулемет системы «шоша», винтовки и по одной гранате на каждого. Комсомольцы вооружились берданками, так как иного оружия не имелось, а доставить его из других мест не было времени. Отрядом командовать поручили мне.

С наступлением темноты мы должны были выступить из Чимбая, чтобы к рассвету прибыть к озеру Каратеренг и ликвидировать банду на месте, не допустив нападения на Тахтакупыр.

До озера было километров тридцать пять, и мы рассчитывали покрыть это расстояние на конях за четыре-пять часов. Не доезжая до озера, наш передовой дозор наткнулся на пятерых всадников. Это оказались секретарь Тахтакупырского райкома партии, председатель райисполкома, начальник районного отделения милиции и двое комсомольцев. Они сообщили, что банда ворвалась в город еще в два часа ночи, опередив нас на несколько часов. Численность ее неизвестна, так как к ней примкнула часть местных жителей. Басмачи громят советские учреждения, грабят лавки.

Товарищи из Тахтакупыра влились в наш отряд, но ни у кого из них не было оружия. Раздумывать было некогда. Отправив вестового в Чимбай за подкреплением, мы двинулись дальше.

Басмачи нас ожидали. На окраине города, на кладбище, они устроили засаду и, как только мы приблизились, открыли огонь.

Нам пришлось занять позиции около кладбища, в канавах, а бандиты засели за холмами, в скотобойне и примыкающих к ней сараях. Наша позиция была вполне пригодна для обороны, но помышлять о наступлении на город до прибытия подкрепления было нельзя, так как силы были явно неравными. К тому же

наш единственный пулемет сразу же вышел из строя и его пришлось разбирать во время боя. Несмотря на численное превосходство басмачей, мы не отступили. Видя наше упорство, бандиты пошли на хитрость: они пригнали из города человек двести жителей и во главе с муллами погнали их на нас. Муллы призывали нас сдаться.

Расчет бандитов был прост: мы не решимся стрелять в безоружных, а они этим воспользуются и сомнут нас.

Находившиеся с нами секретарь райкома товарищ Таниев и предрика пытались воздействовать на приближавшихся людей, призывая их одуматься и разойтись, чтобы мы могли вести бой с басмачами. Но толпа, подгоняемая сзади, продолжала двигаться.

Возникла явная опасность попасть в плен к бандитам, которые бы с нами быстро расправились. Мы вынуждены были бросить одну гранату. Она взорвалась далеко от людей, не причинив никому вреда. Почти одновременно один из красноармейцев, приблизившись под прикрытием кустарника к скотобойне, бросил гранату прямо в помещение, где засели басмачи.

Взрывы оказали большое психическое воздействие на толпу, и она, не обращая внимания на угрозы, с ревом бросилась назад и вскоре рассеялась. После этого перестрелка возобновилась и продолжалась до четырех часов дня.

В пятом часу в другой стороне города послышались частые винтовочные выстрелы, и некоторые из басмачей бросились туда. Оказалось, что к нам прибыло подкрепление из Чимбая во главе с зампредрика товарищем Деевым. Он привел с собой двадцать человек. Но этот отряд, не разобравшись в обстановке, с ходу ворвался на окраину города и натолкнулся на бандитов. В первой же перестрелке командир отряда был убит.

Вскоре из отряда Деева к нам пробрался связной. Я послал туда командира отделения из своего отряда, чтобы он возглавил прибывшее подкрепление. Перед этим мы с ним договорились, что с наступлением темноты двинемся на город с двух сторон.

К десяти часам вечера Тахтакупыр был взят.

Жители помогли нам выловить бандитов и их мест-

ных пособников. К утру мы очистили весь город. Главари банды братья Исматуллаевы и с ними около десяти басмачей под покровом ночи сумели бежать. Их преследовал командир отделения с бойцами нашего отряда, но безуспешно. Бандиты, сменив лошадей, быстро оторвались от преследователей и скрылись.

Во время этой операции мы задержали тридцать два басмача и двадцать пять жителей города, примкнувших к банде. Было изъято свыше двадцати винтовок и револьверов, более двадцати ружей центрального боя, много примитивных пик и разного холодного оружия. Четыре бандита были убиты, восемь ранены. По свидетельству задержанных, убитых было больше, но их, видимо, спрятали родственники.

В городе были разграблены торговые лавки, помещение райкома партии, райисполкома и отделения милиции. Из городских активистов тяжело ранили одного комсомольца, служившего в конторе «Заготживсырье». Мы потеряли лишь товарища Деева, да один из красноармейцев был ранен. Весь следующий день бойцы отряда продолжали поиски пособников банды.

К концу дня задержанных было уже около шестидесяти человек. Из них двадцать менее активных мы освободили под подписку, а остальных увели в Чимбай. Здесь мы с почестями похоронили Деева.

Спустя месяц Абдукарим Исматуллаев при содействии местного населения был пойман и предан суду военного трибунала, а его брат убит самими же басмачами. Расправившись с Максумом, они явились с повинной в Чимбайский райотдел ОГПУ.

По окончании следствия все участники банды братьев Исматуллаевых предстали перед судом.

Разгром этой банды и суд над ее участниками сильно подействовали на противников Советской власти в Каракалпакии. Больше таких крупных банд там уже не появлялось. Население могло трудиться спокойно.

И. ИВАНОВ

В КЫСТАУ ПОД АЛМА-АТОЙ

Пароконную повозку загрузили сеном и укрыли брезентом. Поверх брезента бросили еще несколько охапок сена, на котором удобно устроился возница в большом лисьем малахае и толстом ватном халате.

— Как ты там, Свинаренко?— спросил командир.— Устроился?

— Очень даже хорошо,— донесся глухой голос из-под брезента.— Тут и зимовать можно.

— Ну, трогайте, ни пуха вам, ни пера.

Возница хлестнул вожжами по застоявшимся лошадям, и они легко понесли повозку по заснеженной степи. Так чекист Андрей Георгиевич Свинаренко отправился в логово банды Сматая Арсекова, обосновавшейся под самой Алма-Атой. Это была грозная банда, насчитывавшая до сотни всадников. У них было двадцать пять винтовок, два револьвера и до семидесяти охотничьих ружей. За два месяца, с конца августа по 10 ноября 1931 года, бандиты убили четырех сотрудников и пять бойцов войск ОГПУ, ранили пять красноармейцев. В боях с бандой пали также двенадцать коммунистов и шестнадцать были ранены. При этом бандиты захватили восемь трехлинейных винтовок, два револьвера и два бинокля.

Организованная баями Умарбеком и Башкаем Умарбековыми, банда Сматая Арсекова действовала в непосредственной близости от Алма-Аты, на территории Кастекского и Курдайского районов. Вокруг явных врагов Советской власти, составлявших ядро банды, группировались запуганные баями несознательные середняки и даже бедняки. Баи пугали людей коллективизацией и даже силой удерживали их в банде. Бандиты терроризировали население целых районов и долго оставались безнаказанными.

В один из осенних дней 1931 года в кабинете полномочного представителя ОГПУ по Казахстану происходило оперативное совещание. Кроме самого полпреда, на нем присутствовали его заместитель, командир кавалерийского полка войск ОГПУ Лебедев, начальник оперотделения управления погранохраны Трифонов и другие командиры и оперативные работники.

На повестке дня стоял один вопрос: результаты оперативно-войсковых мероприятий по ликвидации банды Сматая Арсекова.

Укрываясь в горах, банда совершала дерзкие набеги на колхозы, угоняла скот, грабила продовольствие, терроризировала органы власти. Не вступая в открытые столкновения с нашими кавалеристами, бандиты из-за гранитных укрытий вели снайперский огонь.

Усилия конников не давали никаких результатов, хотя кавалеристы Лебедева и были все время в непосредственной близости от банды.

По аулам поползли слухи о неуловимости и неуязвимости банды. Говорили, что в ней собраны отличные мергены — стрелки-охотники.

Лебедев и Трифонов доложили, что имеющихся в их распоряжении средств для ликвидации банды недостаточно, и просили разрешения применить авиацию.

Полпред зло высмеял эту «идею». Беда Лебедева и Трифонова заключалась в том, что они не использовали главное и сильнейшее оружие чекистов — помощь населения. Это и завело их в тупик.

— Итак,— заключил полпред,— Лебедев и Трифонов с поставленной перед ними задачей не справились, а поэтому от дальнейшего участия в ликвидации банды я их освобождаю.

Решено было подобрать опытного чекиста, проинструктировать его и послать на место с соответствующим поручением. Выбор пал на Андрея Георгиевича Свинаренко, человека отважного, не терявшего самообладания в самые тяжелые и напряженные минуты.

Изучая на месте обстановку, Свинаренко скоро установил, что один из дальних родственников Арсекова — Заурбек поддерживает с ним нелегальные связи и снабжает продовольствием.

Проверка полностью подтвердила первоначальные данные.

Целую неделю потратил Свинаренко на то, чтобы изучить Заурбека: его склонности, привычки, характер, привязанность к семье, к сыну, учившемуся в средней школе, к родным местам. Так же тщательно были изучены преступные действия Заурбека и его друзей, поддерживающих банду и способствовавших ее разбоям. Стало ясно, что банда давно была бы разбита, если бы друзья Заурбека своевременно не предупреждали Сматая о грозившей опасности.

Вооружившись всеми этими сведениями, Свинаренко перехватил Заурбека в пути к пастухам, привел в надежное место и повел с ним беседу. Заурбек искренне ужаснулся тому, как далеко завела его старая дружба со Сматаем, когда Свинаренко рассказал ему все, что он и его друзья натворили и к чему это ведет.

Не колеблясь больше, Заурбек дал согласие помочь чекистам.

Вручая очередную партию продовольствия бандитам, Заурбек в ответ на просьбу Сматая помочь теплой одеждой, так как в горах уже наступила настоящая зима, пригласил Сматая за шубами и шароварами к нему на кыстау (зимовку).

В морозную звездную ночь на 27 ноября 1931 года у кыстау Заурбека послышался нарастающий цокот конских копыт. Всадники остановились и стали прислушиваться. Минут через десять один из них на галопе объехал зимовку и, вернувшись, сообщил, что ничего подозрительного не обнаружил.

Кругом действительно стояла мертвая тишина.

На рысях всадники подъехали к зимовке, привязали коней и, не торопясь, стали заходить в миман-хану (гостиную).

Казахские зимовки, как правило, построены из сырцового кирпича и состоят из трех частей: передней, она же кухня с казаном для приготовления пищи, миман-ханы — комнаты для кунаков, всегда расположенной слева, и жилья для семьи хозяина.

Когда все гости разместились в миман-хане, Заурбек, выйдя в переднюю, молча упал на кучу сухого хвороста, за которой вместе с одним бойцом возле казана спрятался Свинаренко.

Быстро выскочив из укрытия, Свинаренко подпер дверь приготовленным бревном, закупорив в комнате незадачливых гостей. Свинаренко хотел было предъявить ультиматум о сдаче, как вдруг увидел в дверях дома еще одного человека, задержавшегося во дворе. Чекист в упор выстрелил в него. Свалившись на бревно, подпиравшее дверь, убитый еще надежнее закрепил выход из миман-ханы.

Догадавшись, в чем дело, бандиты открыли беспорядочную стрельбу по двери и окнам. Требование Свинаренко о сдаче никакого действия не возымело. Тогда он приказал бойцу бросить через небольшое смотровое отверстие в комнату гостей гранату Милса. Произошел взрыв, в результате которого был легко ранен один бандит. Остальные же очень перетрусили.

Взобравшись на крышу кыстау, два бойца с ручными пулеметами произвели предупредительные выстрелы в небо. Тут же прискакала группа наших конников, находившаяся неподалеку.

Сматай и его дружки поняли, что выхода у них нет.

По приказу Свинаренко они выбросили в окно оружие и по одному стали выходить и сдаваться.

Так было захвачено ядро банды численностью девять человек. Другие, оставшись без руководителей, прекратили сопротивление и сами явились с повинной.

С. КОНОВАЛОВ

МЕСТА ТИШАЙШИЕ

На шумный семипалатинский постоялый двор частенько наведывался из Лепсинска веселый, разбитной приказчик тамошнего купца Карим. В каждый свой приезд он привозил множество деревянных бадеек-долбленок с душистым медом. Приказчик любил похвастаться перед нами, учащимися педагогического техникума, своим богатством.

Мы снимали угол в отдельном домике на постоялом дворе. Хозяйка размещала в этом домике богатых и именитых постояльцев. Если их оказывалось много, мы, по условию, уступали свои койки и перебивались в классах техникума. В обычные дни пользовались всеми правами постояльцев и грели по очереди самовары для всех. Жили не хуже других студентов. Хлеб, пшенная каша в столовой, суп из соленой рыбы с пшенкой и чай с сахарином были обычной нашей едой, а тут — мед... Из бадеек лепсинского приказчика он источал ядреный запах горных трав и цветов, от которого у нас кружились головы. А Карим еще специально, чтобы нас подразнить, откроет бадейку и спрашивает:

— Чуете, как пахнет? Места у нас, как говорит мой хозяин, тишайшие. Горы весной все в цветах... Тоже медом пахнут. Пасеки... Красота неописуемая.

Дальше выслушивать Карима не было сил. Мы дружно брали учебники и уходили.

Об этих «тишайших» местах я вспомнил при разговоре с начальником особого отдела ППОГПУ. Когда я вошел к нему в кабинет, он сидел, задумавшись, за небольшим письменным столом. Перед ним лежал лист бумаги, испещренный заметками, и карта с синими кружками вдоль границы.

«Видимо, не простая предстоит командировка»,— подумал я, увидя все это.

— Звали, товарищ начальник?

Мой вопрос вывел его из раздумья. Он оживился.

— Садись, Сергей! Угощу чайком. Благо, к нему все есть: сахар, сушки... Побеседуем... Хотел всех вас созвать, да живу тесновато.

Кабинет был действительно крохотным. И убранство его нехитрое: небольшой стол, кресло, два стула для посетителей, тумбочка с неизменным на ней чайником с крутым по-казахски заваренным чаем, две пиалушки и граненый стакан.

Полпредство ОГПУ по Казахстану занимало в Алма-Ате по тем временам сравнительно большой деревянный одноэтажный дом, но как его ни кроили, внутри получались одни клетушки. Это здание стояло около стадиона «Динамо», рядом с теперешним шахматным клубом.

Я было начал отказываться от чая, но начальник пристально посмотрел на меня и сказал:

— Не знаешь местных обычаев?.. Плохо. За чаем легче вести серьезный разговор. Пей!— И налив в пиалу крепкого чаю, пододвинул мне.

— Как ты думаешь,— после минутного молчания задал он мне вопрос,— откуда такая мода пошла на откочевки в Китай? Почему это вдруг казахи целыми аулами стали сниматься с насиженных мест и отправляться черт знает куда и зачем?

— Мутит воду кто-то. Расписывает райское житье в Китае и наговаривает на Советскую власть.

— Верно. Мутит,— не торопясь, сказал начальник.— Но кто? Кем организуется эта работа?.. Смотри сюда. Вот эти синие кружки на карте говорят об организованности. Непросто в стольких аулах сговорить людей одновременно бросить родные места. Пока

стремление к откочевкам охватило пограничные районы, но оно может переброситься вглубь. И еще одно обстоятельство надо иметь в виду: в Кульдже и других городах Синьцзяна зашевелилась белогвардейщина. Полковник английской разведки по Индии Шомберг уже не первый раз наведывается в Илийский округ Синьцзяна. Знаешь об этом?

— Нет, не знаю,— ответил я.

— Вот-вот, многого мы не знаем, а знать надо! Зачем зачастил сюда этот видный англичанин, сподвижник известного разведчика Лоуренса? Не от безделья же его визиты. Да и вообще в Кульдже, словно в запущенном подвале, все опутано паутиной, которую плетут английские, немецкие, японские миссионеры и разведчики. Решили мы послать тебя, Коновалов, в Лепсинскую погранкомендатуру. Что-то очень неспокойно у них в аулах, а кто кашу заваривает, пока не ясно. Надо разгадать эту тайну, изучить что к чему. Работать будешь вместе с пограничниками. Понял?

— Да.

— Вот и отлично. Приедешь, поговорим еще. Желаю удачи!

Вот тебе и «тишайшие места»!..

По дороге до станции Лепсинск мысленно набрасывал план действий. Знал, что в погранкомендатуре есть три казаха: Исаев, Дельмухамедов и Бадамбаев. Если мне дадут двух из них, будет хорошо. Пошлю на разведку в те аулы, где люди особенно поддаются слухам. Пусть покрутятся там среди жителей, может быть, нападут на след возмутителей спокойствия...

На станции меня встретил пограничник Саркандской заставы с запасной оседланной лошадью.

— Запоздали вы что-то, товарищ уполномоченный,— заметил пограничник, назвавшийся Васей.— Перевалы открылись, страда началась.

Меня не удивили его слова. В этих местах именно так и было: зима накрепко закрывала границу, перевалы становились непроходимыми. А только весна растопит снег и лед, начинается для пограничников горячая пора. Вася был прав: я запаздывал, тем более, что весна 1931 года была ранней и дружной.

Не успели мы добраться до заставы, как навстречу попался усиленный наряд, направляющийся в горы.

— Опять что-то случилось,— заметил Вася, глядя вслед пограничникам.

Начальник заставы Дмитрий Климович подтвердил его догадку: только что на двух коноводов в щели Сурлы, по речке Большой Баскан, напали вооруженные люди и отбили семь лошадей.

— Такого у нас давно не было,— заключил Климович.— Стычки мелкие были, нарушение границы случается, а вот чтобы напали на пограничников...

В недобрый час приехал я на заставу. Рушилась моя надежда на получение двух работников в свое распоряжение.

Предчувствие не обмануло.

В Лепсинске комендант участка Николаев в ответ на мою просьбу дать в помощь двух оперативных работников-казахов сказал:

— Не могу. Видите, что творится на границе? Но одного человека дам. Берите Бадамбаева.

Я попробовал убедить коменданта, что одного мало и возложенную задачу будет трудно выполнить, но напрасно.

Николаев упрямо твердил:

— Все понимаю. Хотел бы помочь, но люди нужны для усиления границы. Поиски нарушителей границы вести надо?..

— Не дать никому уйти в Китай — тоже надо!— в тон ему ответил я.

— Ну вот, видишь. Сам прекрасно все понимаешь. Действуй!

Аширбек Бадамбаев оказался на редкость живым и общительным пареньком. Грамотой он не блистал, бумаг избегал, но зато делал все с улыбкой, быстро и знал столько людей, так они приветливо встречали его, что, проработав с ним всего несколько дней, я понял: у этого человека прирожденный дар разведчика. Он один может заменить многих.

Познакомившись с Аширбеком, спросил у него:

— Ты, случаем, не знаешь приказчика Карима, который частенько возит мед в Семипалатинск?

— Как не знать,— живо ответил Аширбек.— Знаю. Жуликоват немного, но верить можно. У лепсинцев он свой человек. Все равно кто: батрак, бедняк, кулак — все доверяют ему!

Бадамбаев Аширбек.

Найти Карима не составило большого труда. Житель «тишайших» мест принял нас с Бадамбаевым вечером. Узнал старый знакомый и меня.

После общих для этих мест приветствий и обмена новостями разговор перешел в нужное нам русло.

— Хорошо, что ты сам пришел, Аширбек,— проговорил Карим.— Идут по Лепсинску разговоры о каких-то «черных» из Китая. Говорят, бандиты разбили лагерь в горах недалеко от границы и, как только накопят силы, начнут наступать. Брехня это или правда — не знаю.

— Кто же, по-вашему, мог прийти из-за границы в Лепсинск?

— Болтают о Глебове и Дудукалове, но за точность ручаться не могу.

— А уточнить можно?

— Постараюсь,— ответил Карим.— Честно говоря, я думал, брехня все это, и значения разговорам о «черных» не придавал. Но раз вы заинтересовались этим, значит, дело серьезное. Помогу, чем могу.

От Карима пошли в комендатуру. Здесь нас ждали Николаев, его заместители Ахмет Исаев и Ставицкий. Николаев внимательно выслушал наше сообщение.

— Значит, «черные» концентрируют свои силы где-то рядом, у границы. Это похоже на правду. Вот посмотрите, что я вам покажу,— с этими словами комендант выложил на стол небольшой сверток.— Его нашел часа три тому назад колхозник Карбышев возле села Джаланаш и доставил мне. Полюбуйтесь!

В свертке оказалось несколько экземпляров воззваний: «К крестьянам», «Красногвардейцам», «Рядовым

партийцам», «Приказ № 2 о мобилизации» и «Инструкция по организации комитетов самообороны на местах». Каждая из этих листовок скреплена штампом: «Всероссийская крестьянская партия», а внизу — «Штаб черной армии».

Исаев Ахмет.

— Ну как, ознакомились с содержанием «документов»? — спросил Николаев.— Довольны?

Серьезные, оказывается, дела завариваются на границе. Лазутчики «черных» бродят по селам, устанавливают прежние связи, отсиживаются на конспиративных квартирах, готовят заговор.

— Чего ждем?— Этот вопрос комендант задал зло и отрывисто, не глядя на нас. Взял в руки листовку и добавил: — Эсеровские штучки. Здесь только прибавлено: «черная армия». Это дань белогвардейщине. Они же падки не только на белый, но и на черный цвет. Анненковцев полно в Синьцзяне, а они любили черепа, скрещенные кости, черный флаг... Теперь ясно, товарищи, с кем мы имеем дело?

— Правильно,— сказал Бадамбаев.— Нужно действовать.

— Может быть, следует прочесать щель Суурлы, верховья Большого Баскана? Как вы считаете, осилим это?— задумчиво спросил Николаев.

— А там ли они и сколько их?— заметил Ахмет Исаев.— Если и там, то не дураки: выставили посты и незамеченными не дадут приблизиться. Да и на засаду можем нарваться.

— Или уйдут на время за перевал,— добавил Ставицкий,— а потом назад к нам.

Ставицкий Николай.

— Примерно с такими же лозунгами эсеровского пошиба мы сталкивались при раскрытии и ликвидации Толстоуховского бандитского выступления в верховьях Иртыша в 1930 году. Но здесь дело посложнее,— сказал я.— Следует узнать, кто ведет против нас работу за кордоном, добыть неопровержимые сведения о деятельности вражеской агентуры на нашей территории. Выловим лазутчиков «черных» и будем иметь эти сведения.

Николаев живо ухватился за это предложение.

— Хорошо. Сколько нужно тебе дней, Коновалов, чтобы добыть «языка»?

— Думаю, пару дней хватит.

Я тотчас же пошел к Кариму, чтобы попросить его поскорее выяснить, где скрываются Дудукалов и Глебов. Карим встретил меня веселой улыбкой.

— Опять вовремя пришли,— сказал он.— А я уже ломал голову, как передать вам то, что узнал. Здесь и Дудукалов и Глебов. Оба пришли из Китая, привезли много прокламаций. Хотел было их увидеть сам, поговорить с ними, да Карбышев забрал их и увел куда-то. Ах, напортил мне Карбышев!— с сожалением причмокнул языком Карим.— Вот шайтан! Между прочим, они у брата Дудукалова были.

— Это дело поправимое,— успокоил я Карима.— Куда они денутся? Понаведайтесь к брату Дудукалова, если найдете подходящее к нему дело.

— О, дело у продавца к покупателю всегда найдется!— усмехнулся Карим.

— Вот и отлично. Завтра увидимся. Если понадобитесь срочно, зайду в магазин, договорились?

Не сидел без дела и Аширбек. Я велел ему найти Карбышева и подготовить к встрече.

Тревожило только, сумеет ли Карбышев выполнить поручение Николаева, полученное при передаче найденных прокламаций в комендатуру. Он должен был пригласить в гости тех, кому принадлежат листовки, и хорошенько подпоить. Прием этот мог удаться, но мог сразу же привести к провалу. Осторожный враг всегда с подозрением относится к таким предложениям. Надо было выяснить возможности Карбышева и вместе с ним еще раз продумать намеченный вариант, чтобы не допустить неверного шага. В случае необходимости отыскать другой вариант, третий.

Карбышев пришел домой поздно вечером расстроенным. На вопрос Аширбека: «Что случилось?» — ответил:

— Не пошли ко мне в гости. Увел обоих брат Дудукалова. Куда? Не знаю. Сказал только: «Сами зайдем к тебе».

— Навязывался, наверное, сильно, вот и заподозрили,— заметил Аширбек.

— Да не должно бы. Кумовья ведь мы... Что теперь будем делать?

— Позову товарища, обсудим,— ответил Аширбек.

Через час мы с Аширбеком снова были у Карбышева. Дурное настроение у него еще не прошло. Отвечал на вопросы неохотно. А узнать нужно было. Есть ли надежда заманить гостей к нему в дом или они уже заподозрили об опасности?

— Чует сердце,— после некоторого раздумья сказал Карбышев,— должны принять мое приглашение. Промашку где-то дал, вот и прохожу теперь проверку.

После обмена мнениями решили, что Карбышев будет сидеть дома и ждать гостей. А мы ведем наблюдение за домом. Но может случиться так, что Дудукалов и Глебов сумеют проникнуть к нему незамеченными, тогда Карбышев должен выйти из дома один или вместе с ними, почесать затылок и кашлянуть три раза. Будем знать, что нужные гости с ним. Если они быстро уйдут, Карбышев должен был выйти из дома и направиться к соседу, где будем находиться мы.

Прошли сутки. Без перемен. На вторые к Карбыше-

ву зашел брат Дудукалова и повел его к себе. Затем они на телеге поехали в горы.

— На пасеку,— догадался Аширбек.— Больше некуда.

Чекисту, как и пограничнику, видно, на роду написано терпеливо ждать и наблюдать, анализировать увиденное и услышанное, уметь найти единственно правильное решение и, приняв его, действовать.

Лежим в кустах неподалеку от пасеки. Сквозь кусты видны телега и выпряженная лошадь. Значит, не скоро собираются двинуться отсюда к дому. Вот вышел пасечник. Отвязал пса и увел его куда-то в сарайчик. Ага, боится, что будет лаять пес на чужих, привлечет внимание. Дед снова вошел в избушку. Вышел спутник Карбышева. Посмотрел на заходящее солнце и вернулся обратно. Терпеливо ждем. Окружать избу еще рано. Может быть, придет кто-нибудь из посторонних, и залает пес. Это даст нам возможность сменить занятые позиции и приблизиться к избе.

Опять вышел тот, кто привез сюда Карбышева. Осмотрелся, послушал и направился в горы. Теперь ясно: скоро приведет гостей, которых мы с нетерпением ждем.

Незаметно пролетает ночь. Чуть забрезжил рассвет. Аширбек толкнул в бок:

— Смотри: идут трое.

На фоне блеклой полоски ранней зари появились зыбкие силуэты людей. Путники шли медленно, осторожно. Но как ни старались ступать тихо, пес учуял присутствие людей и стал рычать.

Стоило им скрыться в помещении, как мы быстро заняли позиции, облюбованные днем,— ближе к избушке. Теперь время потекло быстрее. Уже совсем рассвело, а гости продолжают отсиживаться дома. Что там? Почему не выходят?

Только в одиннадцатом часу на улицу вышел Карбышев в сопровождении пасечника. Потянулся и почесал затылок.

Все в порядке, можно выходить из засады.

— Как гости?— спрашиваю я Карбышева.

— Спят. Медовухи хватили. Теперь не добудитесь.

В избушке, разметавшись на нарах, спали трое. Еле разбудили одного из них и вывели во двор.

— Где оружие?

Вместо ответа он махнул рукой в направлении гор.

Подошел дед.

— Спрашивать у него бесполезно. Не очухался еще от медовухи,— сказал дед и добавил: — Можно оставить его здесь, в холодке, а я покажу вам, где спрятано оружие.

— Нет, дедусь,— ответил я,— хотя бы один из них, но нужен нам. Протокол должен подписать. Судить же их будут.

Километрах в двух от пасеки, в избушке, нашли винтовку, несколько экземпляров прокламаций, инструкций, приказов.

Увидев все это, дед всполошился.

— А где же такая коротенькая винтовка?

Гость нехотя ответил:

— У Глебова осталась.

При обыске у Дудукалова и Глебова нашли китайские деньги, удостоверения личности, мандаты, выданные русским «шанье»— старостой в Кульдже Вяткиным. Обрез оказался в головах у Глебова, на нарах.

Рассадив в разные стороны «гостей» и оставив их под присмотром пограничников, пошли с Аширбеком еще раз взглянуть на пасеку деда. Все равно днем не поведешь их по Лепсинску. Поползут слухи — не удержишь. Гадай потом, как они достигли ушей тех, кому и знать об этом нельзя.

Взглянул я на пасеку и опять вспомнил давние рассказы Карима. А ведь на самом деле места здесь красивые. Цветов сколько, луга какие... И тихо. Так тихо, что слышен полет пчелы, шорох жука, пробирающегося в траве, неосторожный шаг муравья, склонившего былинку до земли. Она даже скрипнула, задев за другую. Никак не верится, чтобы среди такой красоты гуляли злые люди с черными думами.

А закат здесь какой!

Медленно наплывают на горы вечерние сумерки, оттесняя все выше золотистые блики. И как только отсветы солнца уходят с вершин гор, все сразу погружается во тьму.

Поздно вечером, когда улицы Лепсинска опустели, вместе с арестованными мы отправились в комендатуру.

Большого труда теперь не составило узнать, где находится штаб «черных», место сбора, сколько эмиссаров бродит еще по селам и аулам.

Дудукалов и Глебов рассказали, что в Илийском округе Западного Китая и в Кульдже среди белой и новой эмиграции создана организация для борьбы против Советов в России. Называется она «Российская крестьянская партия». При ней «штаб черной армии». В задачу «черной армии» входило поддерживать силой оружия любое восстание, которое вспыхнет в пограничных районах Казахстана. Создал эту организацию Владимир Саянов-Заплавский — бывший офицер-колчаковец, бежавший в Синьцзян из Сибири в 1930 году. От белой эмиграции возглавили ее полковники Вяткин и Попенгут. Организация быстро росла.

С каждым часом «языки» становились разговорчивее, и все подробнее мы знакомились с положением дел в пограничных районах, где готовился крупный заговор. На вопрос Николаева: «Где сам Саянов?»— Дудукалов ответил:

— Это мне неизвестно. Знаю только, что он разослал своих сподвижников: Хлыновского — в Черкасское и Петропавловку, Кока — в Рубцовск, Елибаева Бориса — в Арасан, а нам поручено провести работу в Лепсинске, Андреевке и Байзереке.

Но Глебов оказался более осведомленным, чем его спутник. О Саянове он сказал:

— Вместе с группой вооруженных людей, человек двенадцать, он перешел границу по щели Большой Баскан и остановился в урочище Кара-Унгур. Здесь, как мне известно, штаб Саянова. Сюда мы, уполномоченные, должны были доставлять сведения о количестве подобранных надежных людей в селах и аулах, о созданных «комитетах самообороны»...

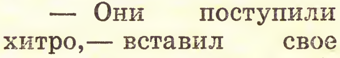
Дело принимало серьезный оборот, даже более серьезный, чем мы думали вначале. Нельзя позволить врагу гулять по нашей земле. Надо поймать и изолировать разных «уполномоченных». Саянова разбить, а лучше всего взять в плен со всем штабом.

Долго спорили у карты, предлагая различные варианты осуществления задуманной операции. Но Ахмет Исаев первый охладил наш пыл:

— Чтобы зайти в тыл и отрезать отступление Саянову,— сказал он,— нужно пройти через трудный Кень-Узень. Преодолеть осыпи, выйти через перевал Баскан и попасть в ущелье Большой Баскан. А этим путем еще никто из нас не ходил. Правда, пройти можно, если иметь хорошего проводника. К несчастью, его у нас нет. Есть второй путь: через перевал в Бараталинскую долину и по территории Китая выйти в верховья речки Большой Баскан.

Дельмухамедов Мурат.

— Они поступили хитро,— вставил свое слово Ставицкий,— выбрав местом стоянки Кара-Унгур. Попробуй подобраться к ним незамеченным.

Алма-Ата не разрешила нам идти через Бараталинскую долину.

Тогда Исаев предложил еще один вариант: группе разведчиков скрытно обойти урочище Кара-Унгур по малоизвестной тропе, которую знал один из проводников-охотников, выйти ближе к перевалу и перехватить пути отхода Саянова. Основной отряд спустя шесть часов после ухода разведчиков начнет движение прямо по щели на Кара-Унгур.

Этот вариант приняли. Группу разведчиков возглавил оперуполномоченный комендатуры Мурат Дельмухамедов. Основным отрядом поручили командовать Ставицкому. Комотрядникам села Покатиловка поручалось перекрыть все дороги, по которым уполномоченные Саянова могли пробраться к его штабу. Мне и Бадамбаеву — поймать Хлыновского.

Целые сутки ушли на поиски человека, который знал, где находится Николай Хлыновский. Это был близкий родственник уполномоченного «черных».

Сколько мы его ни упрашивали показать место, где скрывается Хлыновский, он упрямо отказывался.

— Боюсь,— твердил «родственник»,— узнают односельчане, жить не дадут.

Пришлось заверить его, что односельчане о его помощи нам не узнают. Он согласился на условие, что покажет нам только дорогу, по которой Хлыновского будет лично сам провожать до безопасного места. «А потом Николай должен уйти в горы, затем в Китай».

...Хлыновский остолбенел, когда его с двух сторон схватили под руки неизвестные люди, хотя всего минут десять назад он распрощался со своим провожатым...

Задержанного доставили ночью на Саркандскую заставу, сдали Климовичу и доложили о завершении задания в комендатуру.

К перевалу по обходной тропе разведгруппа Дельмухамедова пришла раньше намеченного времени и заняла пути отхода. Через час послышался выстрел со стороны ущелья Кара-Унгур, и, словно по его сигналу, на правом берегу речки Большой Баскан появился вооруженный всадник.

Позже стало ясно, что это был всего-навсего один верховой, оставленный Саяновым на месте прежнего расположения штаба, а сам он с группой верных людей перебазировался выше к перевалу. Засада не удалась.

Оставив на всякий случай двух бойцов, разведгруппа стала преследовать всадника. Погоня продолжалась минут тридцать. Преследуемый уходил в горы. Бойцы не выдержали и открыли по нему огонь. В ответ раздались выстрелы неизвестно откуда появившейся группы вооруженных бандитов. Их оказалось более тридцати человек. Они явно старались задержать наше продвижение к перевалу. Взять штаб Саянова на этот раз не удалось.

Исаев предложил еще раз устроить засаду, спрятав бойцов на тропе, которая шла в обход Кара-Унгура. Уж очень заманчив был план пропустить «черноармейцев» к урочищу и захлопнуть ловушку...

На следующий день после постигшей нас неудачи на перевале, в верховьях речки Большой Баскан, пока-

залась группа вооруженных всадников. Это была группа Якова Клевакина, направленная из Кульджи с целью поддержать Саянова и обеспечить проникновение в села и аулы уполномоченных.

Клевакин продвигался осторожно, прощупывая разведкой попадавшиеся на пути щели и укрытия. Делалось все это настолько тщательно, что создавалось впечатление: Клевакин знает или подозревает об устроенной здесь засаде. Разведка обнаружила наших бойцов и, открыв огонь, вместе с основной группой ушла за перевал.

Захваченный нами в плен Семен Бессонов подтвердил нашу догадку. Действительно, Клевакину было известно о нападении пограничников на штаб Саянова, потому-то он и вел так осторожно свою группу.

...Долго совещались в штабе комендатуры. Было ясно: Саянова поймать не так просто. Кто-то упорно отводит от него удар, своевременно оповещая о нашем продвижении. Но кто?

Пришли к единогласному решению: оставить на время в покое самого Саянова, а выловить его эмиссаров — уполномоченных «черной армии». Наиболее опасным из них был Абдрахман Канабеков. По нашим сведениям, он «работал» в Аксуйском районе. Это был ярый враг Советской власти, сподвижник Саянова, бывший волостной управитель.

К этим сведениям Аширбек добавил новые. Оказывается, Канабеков при Анненкове был начальником пограничной охраны Лепсинского, Аксуйского и Талды-Курганского участков. Отлично знал границу, имел верных помощников среди охотников-мергенов, охранявших границу при Анненкове. В марте 1930 года был одним из руководителей бандитского нападения на Аксуйский район. Это его люди убили секретаря райкома партии, расстреляли актив в районе, а после разгрома с остатками банды ушли в Западный Китай.

Много потребовалось труда, чтобы выловить лиц, причастных к готовящемуся восстанию. В наши списки попали бывший белый офицер Мишин — верный слуга Саянова — и другие.

Время шло. Перевал открылся второй раз. Мы уже выловили больше десятка лазутчиков Саянова и Канабекова, предупредили немало откочевок за рубеж, на-

копили ценные сведения о вражьем гнезде в Кульдже, а лазутчики «черных» все шли и шли через границу. Усилились действия «Крестьянской партии» на Алтае. Только здесь они свою армию называли не «черной», а «зеленой».

На рассвете 1 апреля 1932 года на заставу Матвеевка, на Алтае, внезапно напали более двухсот бандитов. Пользуясь численным преимуществом и внезапностью, уничтожили заставу и всех ее защитников. Раненых добивали. Командовали бандой врач Бучинский и сподвижник белого генерала Бакича Лебедев. Разграбив склады Совсиньторга, банда выслала разведгруппы в Катон-Карагайский район.

...Мы точно установили, что Канабеков со своими мергенами пересек границу и ушел в Китай. Опытный и хитрый враг. У него были сотни троп и столько же надежных укрытий, у нас — только предположения и догадки.

Однажды на Саркандскую заставу доставили странное письмо. Неизвестный автор сообщал в нем по-арабски, что хочет добровольно сдаться, и назначил Аширбеку место встречи, предупредив его, чтобы на эту встречу он пришел один.

Не успели мы решить, как быть с этим «приглашением», как дежурный по заставе доложил, что пришли ученики местной школы и просят самого начальника.

— Ну что ж, проси ребят,— сказал Климович.

В кабинет вошли два пионера.

— А, это ты, Исагали!— узнав одного из мальчиков, сына пастуха, приветливо проговорил начальник заставы.— Что случилось? Выкладывай!

— Дядя Дима, в горах лежит чужой человек с винтовкой. Я слышал, как он говорил отцу, что приехал из Китая.

— Тебя отец прислал ко мне?

— Нет, отец боится этого человека. Он уговаривал отца уйти в Китай.

— Это зачем же?

— Сердит отец. Было тридцать баранов, осталось десять. Мулла сказал, что такова воля аллаха, прогневили его. Вот отец и решил уйти отсюда. А я не хочу. Только обещайте мне, дядя Дима, что не посадите его в тюрьму за это!

— Обещаю, Исагали. Не тревожься. Не за что его наказывать, темный он человек. Но придет время, и он сам поймет, кто ему друг, а кто враг. А поймать человека с винтовкой ты нам поможешь?— вдруг спросил мальчика Климович.

— Конечно, помогу,— радостно сверкнул глазами Исагали.

Поздно вечером я, пограничник Вася и Исагали выехали в горы. К четырем часам утра мы добрались до предполагаемой «лежки» врага.

Тихо. Наш проводник неслышно ступал по каменистой земле. Шагах в двадцати от балочки Исагали остановил нас. «Пойду посмотрю, там ли он»,— прошептал мальчик.

Через несколько минут вернулся и доложил: «Спит».

Мы с Васей подползли к спящему и после минутной борьбы спеленали его веревками, заткнули рот кляпом. Винтовка с патронами оказалась рядом с ним. Поймали и лошадь.

...Поездка Аширбека на место назначенной встречи с изъявившим согласие сдаться добровольно окончилась неудачей. В ауле Аширбек пытался по почерку с помощью друзей опознать писавшего. Безрезультатно. На встречу он также не пришел.

Не успел Аширбек вернуться на заставу, его снова ждало анонимное письмо. Автор сообщал, что видел Аширбека в ауле, но подойти к нему не мог, так как он был не один, и опять просил прийти на место встречи в субботу, после захода солнца. Он будет ждать у развалин избушки, что в двух километрах от аула.

Аширбек загорелся.

— Это кто-то из группы Канабекова. Я должен идти. На этот раз он не отвертится от меня!

— Не нравится мне этот тип,— сказал я.— Похоже, он готовит тебе ловушку. Может быть, поедем вдвоем?

— Не доверяешь?— обиделся Аширбек.— Думаешь, не справлюсь? Видали мы таких «охотников».

...Аширбек приехал на заставу поздно вечером в порванной одежде, с человеком, руки которого были крепко связаны.

— Вот так сдался!— увидев потрепанный вид друга и злобный огонек в глазах связанного человека, сказал я.

Аширбек хмуро ответил:

— Этот шайтан ждал меня, как медведя, с двухстволкой, заряженной жаканом. Только я привязал лошадь к дереву и подошел к развалинам, он вскинул ружье и разрядил его в меня. Хорошо, что я вовремя кинулся на землю. Лежу, притворился мертвым. Он подходит, чтобы удостовериться в этом, а я «ожил» и, наставив на него наган, крикнул: «Колдарынды котерь! Руки вверх!» Пожалуй, моего окрика он испугался больше, чем нагана. Вот, полюбуйтесь на этого «добровольца»!

...Канабеков по-прежнему отсиживался в Кульдже, продолжая засылать к нам лазутчиков. Аширбек предложил закрыть им доступ в места укрытий.

— Что если тех, кто укрывает посланцев Канабекова, а мы их почти всех знаем, начать вызывать на заставу? А? Бояться станут таких убежищ канабековцы.

— Верно,— после некоторого раздумья согласились мы с Климовичем.— Давайте начнем компрометировать в глазах канабековцев их самые надежные связи, к которым не имеем подхода. Возьмем к себе одного, другого, третьего... Смотришь, на них начнут коситься, сторониться. Это дойдет до ушей Канабекова. Замечутся бандиты. Станут избегать своих прежних явок, а то и вовсе прекратят визиты в нашу страну.

Так шаг за шагом, день за днем чекисты и пограничники вместе с жителями аулов и городов очищали от незваных пришельцев свою землю. Вооруженная банда, напавшая на заставу, была истреблена, выловлены уполномоченные «черной армии». Важное задание, наконец, оказалось выполненным. Собраны неопровержимые материалы, позволившие нашему правительству принять меры и на той стороне.

...Вице-консул Вотс нервничал. Нужно отвечать на тревожное послание Шомберга, а о чем писать? О том, что налицо крупный провал в работе Интеллидженс Сервис в Синьцзяне?

Все складывалось хорошо. Агентура работала отлично. Крупная организация русской эмиграции «Кре-

стьянская партия» полностью была в руках, выполняла его, Вотса, волю... И вот все пошло кувырком.

Арестованы Вяткин, Попенгут... Саянов расстрелян. С таким трудом налаженное дело на границах Казахстана лопнуло, как мыльный пузырь. Похоже, что многолетняя работа английской разведки потерпела крах.

...Приходилось мне бывать в «тишайших» местах и позже. Жизнь здесь давно переменилась к лучшему. Никто теперь не мешает людям спокойно трудиться, растить детей, строить счастливую жизнь. И лепсинский мед стал знаменит повсюду. Он действительно, как говорил когда-то Карим, пахнет горными цветами и травами.

Ф. ИВАНОВ,
С. КОНОВАЛОВ

САДЫРБАЙ И МИША

Садырбай, человек пожилой, степенный, жил в урочище Алтын-Эмель.

Любил Садырбай свою долину. Здесь он родился, вырос и вот уже дожил до седины, первым инеем тронувшей бороду. Долина давала все: кормила, поила, приносила радости. Нельзя было не любить ее. Нигде не встречал Садырбай такого легкого, приятного воздуха, настоенного на травах и цветах; таких упитанных овец, резвых красивых лошадей, веселых и сильных девушек и джигитов. Бывал он в других местах, внимательно присматривался к степям, жизни тамошних людей и не нашел ничего милее Алтын-Эмельского.

В ауле уважали Садырбая за ум, за сдержанность, за дельное слово. Так бы счастливо и прожил он, если бы не байская злоба, внезапно закрутившая старшего сына. Бросил все Ракиш: родную землю, жену, детей и ушел с байскими прихвостнями в Китай.

Сейчас «узун-кулак» принес еще худшую весть: Ракиш оказался в банде Кундакбая, которая весь 1931 год грабила и угоняла совхозный скот за границу. Узнав об этом, Садырбай хотел сейчас же, не откладывая ни на день, поехать в банду и уговорить сына вернуть-

ся домой; чтобы не позорил он отцовы седины, не ссорил с Советской властью и не навлекал на семью гнев народа. Утром, подумав, отказался от такого шага. Кто знает мысли Садырбая?

С добрыми намерениями он уедет в банду или со злыми? Надо с кем-то посоветоваться, а с кем? Лучшим советчиком в таких делах был бы начальник ГПУ. Говорят, человек разумный, внимательный к людям... Стыдно только. Ох, как стыдно. Посмотреть в глаза такому человеку и рассказать о сыне. Как убедить его, что Ракиш не такой, как Кундакбай! Что сын — мальчишка, которому недобрые люди вскружили голову?

Поверит ли начальник? Садырбай долго маялся со своим горем. Не смыкал глаз ночами, обдумывая, как спасти сына.

Неизвестно, сколько бы еще колебался Садырбай, если бы не случай.

...Начальник Талды-Курганского райотделения ОГПУ ломал голову, как обезвредить банду, пришедшую из Китая. Не дает она спокойно жить и работать всему району. Главарь банды Кундакбай не только устраивает набеги на отделения овцесовхоза, колхозы, но организует откочевки в Китай, распространяет нелепые слухи в аулах, будоражит людей. Партийно-комсомольскому активу и работникам ОГПУ приходится прилагать немало сил, чтобы вернуть на свои места одураченных людей, успокоить их и включить в работу. Второе лето уже гоняется за бандой коммунистический отряд под командованием работника ОГПУ Беляева. В самые жаркие дни страды отрываются от дела коммунисты и комсомольцы, а банда, часто основательно потрепанная, все же уходит от полного разгрома.

На стороне бандитов большие преимущества: их главарь Кундакбай, в прошлом участвовавший в чекистских операциях, хитер и осторожен. На сопках Алтын-Эмельских предгорий бандиты выставляют посты и, как только замечают приближение отряда, не принимая боя, уходят в глубь гор. К зиме совсем исчезают. А в начале следующего лета снова группами просачиваются через границу из Китая в Алтын-Эмельские горы и принимаются опять за старое. Но не толь-

ко это заставило начальника райотделения искать способы быстрейшего и полного разгрома банды. Оттяжка с ее ликвидацией грозила более серьезными бедами. В одном из последних боев комотрядники поймали в стогу сена ближайшего соратника Кундакбая, посланного в разведку. Он рассказал, что банда организована в районе китайского города Кульджи из числа бежавших туда баев и их приспешников. Вооружена старыми русскими трехлинейными винтовками. Сколотил банду бывший белый офицер-казах, служивший до революции у уездного начальника в Капале. В задачу Кундакбая до сих пор входила только подготовка откочевок, угона скота, и особенно лошадей. Теперь эти задачи расширились. Кундакбай стал главарем передового отряда.

В 1932 году, по словам задержанного, крупная закордонная организация белых, кулаков и баев наметила завершить работу по созданию повстанческих формирований среди русского и казахского населения Семиречья. Во многих районах такая работа уже проведена специальными посыльными так называемой «Крестьянской партии», которые забрасывались из Синьцзяна в течение 1931 года. Цель всей этой активности — объединенное восстание русских и казахов во всем Семиречье. Тогда для войск белых эмигрантов и беглых кулаков понадобится много лошадей, оружия и боеприпасов.

Большой размах задуманного зарубежной контрреволюцией вызывал тревогу. Иванов запросил полпредство ОГПУ в Казахстане, насколько полученные им данные соответствуют действительности. Алма-Ата подтвердила эти сведения. Главарь банды офицер-казах — не вымысел пленного. Это один из активных членов «Крестьянской партии», созданной в Кульдже и ряде городов Синьцзяна. Связан он с Абдрахманом Канабековым, служившим при атамане Анненкове начальником пограничной охраны от Капала до Маканчинского района. Канабеков входит в руководство казахской части «Крестьянской партии» и имеет прямое отношение к штабу «черной армии», осуществляющему руководство боевыми операциями этой партии.

...На оперативное совещание был созван весь личный состав райотделения. Приглашены старший упол-

Коммунистический отряд Талды-Курганского района. В 1931 году под командованием тов. Беляева отряд вел успешную борьбу с бандитами.

Семенов Е. Ф., боец комотряда Беляева. Этим конем с полной амуницией и боевым оружием Семенов награжден за образцовое выполнение заданий. Е. Ф. Семенов геройски погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны.

номоченный Дутов, уполномоченный Чухнов и помощник уполномоченного Ошакбаев.

— Работу по предупреждению откочевок и угона скота в Китай мы ведем неплохо,— сказал начальник.— Но этого мало. Надо всерьез браться за Кундакбая.

На совещании обсудили причины неудач в борьбе с бандитами. Беляев — опытный командир. В гражданскую войну крепко бил анненковцев. Комотрядникам также храбрости не занимать. И сделали они немало. Однако решающего удара не смогли нанести, потому что нет еще точных сведений о базах и местах укрытия бандитов, их связях с местным населением.

— Без помощи населения мы с бандой не разделаемся,— продолжал начальник.— Товарищи мне подсказали и имя возможного нашего помощника. Садырбая знаете? Вот о нем и речь. Человек он вполне наш, хоть старший сын его в банде Кундакбая. Думаю, душа у старика неспокойна из-за этого. Надо бы поговорить с Садырбаем. Только где бы с ним встретиться? Увидят меня в ауле — пойдут разговоры... Сюда вызывать — тоже не годится.

— Это устроить можно,— отозвался Ошакбаев.— В соседнем ауле живет мой друг Ербол. Надежный парень, комотрядник. К нему прямо и поедем. В том же ауле живет родственница Садырбая. Я сейчас выеду к другу и предупрежу его. Он все сделает. А Садырбаю

скажу, что через три дня в доме Ербола его будете ждать вы.

— План хороший. Так и сделаем. Может, удастся нам с помощью Садырбая разложить банду изнутри...

Ошакбаев встретил Садырбая вдали от аула. Если кто и видел их вдвоем, так мало ли людей идет и едет в разные концы по своим делам? Любой из них, увидев Садырбая, обязательно поприветствует его и поговорит о новостях. Так и тут. Остановился человек, поговорил и поехал своей дорогой мимо аула. Что особенного?

Только жена Садырбая, старая Айша, заметила перемены. Муж оживился, повеселел. «Уж не получил ли весточку от сына?» — гадала она...

Нетерпелось Садырбаю встретиться с начальником ОГПУ. На второй же день засобирался в соседний аул навестить родственницу.

— И что она ему на ум взбрела, эта родственница,— ворчала Айша.— Никогда теплым словом о ней не обмолвился, а тут навестить...

Знала хорошо Айша, что Садырбай ничего опрометчивого и плохого не сделает, а все-таки, пока собирала мужа в путь, ворчала.

Родственница Айнем не удивилась приезду Садырбая. Удивилась только тому, что он стал разговорчив и много шутил.

— Сдает Садырбай,— делилась она с соседкой.— Такой был важный, степенный, а к старости болтать стал — не переслушаешь. И со мной больно ласков. К чему бы это?

— Вспомнил, наверное, молодость. На тебя-то он раньше поглядывал,— пошутила соседка.

Утром Айнем затревожилась. Садырбай пошел в гости к человеку, которого она недолюбливала, и предупредил, что может задержаться. Просил никого за ним не посылать.

Поздно вечером к дому комотрядника Ербола, юрта которого стояла в двух километрах от аула, ближе к ключу холодной воды, бившему из-под сопки, один за другим подъехали два верховых. Хозяин вместе с хозяйкой хлопотали возле юрты: готовили угощение приезжим.

— Будем откровенны, и чтобы разговор остался

между нами,— заговорил начальник, как только они остались с Садырбаем одни в юрте.

— Догадываюсь, о чем пойдет речь. Сам хотел приехать к вам посоветоваться.

— Очень рад, что мы понимаем друг друга. Скверный человек Кундакбай, и дела его черные. Прошлый год бандиты убили члена бюро райкома коммуниста Балабекова, заведующего районо, нанесли большой вред Советскому государству. А что натворят в этот приезд, думаю, понимаете.

— Уверен, мой сын не убивал и не будет убивать.

— Может быть. Но он же в банде, Садырбай, стало быть, отвечает за все ее дела. Так говорит закон. Кундакбай связался в Кульдже с белыми офицерами и теперь делает то, что они ему велят. Люди эти жестокие, беспощадные, лютые враги народа и Советской власти. Заведет Кундакбай вашего сына и других таких доверчивых, как Ракиш, туда, откуда им и вернуться уж нельзя будет.

— Что же я должен делать?

— Спасать сына, пока не поздно, и помочь нам разбить банду. Вот как только появится Кундакбай, поезжайте к нему и требуйте свидания с сыном. Послушает вас сын, уйдет из банды, явится к нам добровольно — простим ему грехи, будет жить, как все. Сейчас есть такое указание правительства. Ну а если уж не послушает вас Ракиш, разведайте и скажите нам, где и как лучше окружить банду и уничтожить ее.

— Согласен. Поеду.

— Значит, договорились. Ошакбаев вам даст знать, когда выезжать в расположение банды. В пути, в горах, вас обязательно задержат и приведут к Кундакбаю. Будут допрашивать, добиваться, не подосланы ли вы ОГПУ. Не смущайтесь и не теряйтесь. Будьте смелы. С сыном увидеться надо обязательно, а как действовать дальше, обстоятельства подскажут. Главное, надо рассказать о решении правительства, оторвать от банды побольше людей. Связь со мной будете поддерживать через Ошакбаева. Докладывать обо всем, что узнаете о банде, только мне.

...Вечером гости выехали на почтовую станцию Алтын-Эмель, на квартиру Ошакбаева. Садырбай в полночь вернулся в дом Айнем. Утром заговорил о поезд-

ке в соседний аул. Для Айнем это было непонятно. Чтобы удовлетворить любопытство женщины, Садырбай сказал:

— Одна меня гложет забота, Айнем,— Ракиш. Ты же мать и должна понять меня. Хотел узнать у Ербола что-нибудь нового о нем, да помешали его гости.

— Лучше бы у меня спросил, чем ходить к Ерболу,— отрезала чуть обиженно Айнем.

— А что ты знаешь?

— Я не знаю, так люди знают. Из нашего аула в банде Кундакбая не один человек. Их отцы и матери не меньше тебя беспокоятся о детях. Пойдем, свожу к Кожамкулу. Знаешь его?

— Как не знать. Встречались... Но давно.

Кожамкул узнал Садырбая, принял его радушно. Долго петлял у них разговор вокруг аульных дел, скота, родных и знакомых. Улучив момент, Садырбай спросил Кожамкула, нет ли новостей о Кундакбае.

— Есть. Слышал, ваш сын тоже там?

— В том-то и дело, уважаемый Кожамкул. Тревожусь за Ракиша. Не доведет их до добра Кундакбай.

— Та же печаль и у меня.

Оба замолчали, думая о своем.

— Приехал ко мне из далекого аула,— продолжал Кожамкул,— свояк моего дурня. Передавал, что все наши живы и здоровы. Первая группа кундакбаевцев перешла границу и сейчас в безопасном месте. Остановился Кундакбай в верховьях Алтын-Эмельских гор, и оттуда его джигиты станут наезжать в наши аулы.

— Решил я, Кожамкул, съездить к сыну, повидать его, узнать, что у него на уме. Может, удастся образумить, а то пропадет. Как думаешь, допустит Кундакбай до сына?

— Хорошее дело задумал, Садырбай. Увидишь моего Серика, передавай привет, скажи, что отец ждет домой.

Рано утром, чуть занялась заря, Садырбай отправился домой. Он спешил застать Ошакбаева, постоянно находившегося в оперпункте в центре Алтын-Эмельского совхоза и передать ему важную новость о появлении в горах первого отряда бандитов.

— Дорогой Садырбай! Сама удача нам сопутствует,— встретил его обрадованный Ошакбаев.— Хотел

вас разыскивать. Надумал ехать в аул, да побоялся наделать переполоху.

— У меня новости, сынок. Первая группа отряда Кундакбая уже в наших горах.

— Знаю, Садырбай. Не только первая, а все они уже там. Пора выезжать.

— Выехать сейчас же было бы хорошо. Куда лучше сделать все сразу и не тревожить лишний раз домашних, но неладно немного получится. Придется заехать домой за подарками для сына...

Путь в верховья Алтын-Эмельских гор был не ближний. Восход солнца застал Садырбая невдалеке от предгорий. До обеда горы уже скроют его. День выдался хороший. В долине стояла духота, а здесь подувал ветерок. Незаметно подступили сопки, потом скалы. Также незаметно откуда-то набежали тучки, и полил дождь. Садырбай слез с коня и укрылся в маленькой пещерке под скалой. Только втащил коржумы, как около углубления появились двое верховых. Оба враз прокричали сначала слова приветствия, стараясь перекрыть шум дождя, а потом стали расспрашивать, кто он, откуда, куда держит путь? Зачем появился здесь?

— Еду к сыну,— ответил Садырбай.— А вы кто будете? Охотники на большого зверя, судя по винтовкам, или еще кто?

Не ответив Садырбаю, здоровенный, обветренный до черноты казах строго спросил:

— Что же делает ваш сын в горах?

— Наверное, то же, что и вы, почтенные. Задерживает людей и расспрашивает.

— Как его имя?

— Ракиш.

— Отца как звать?

— Садырбай.

— Где ваш аул?

Садырбай назвал.

— Есть такой Ракиш в горах,— ответил тот же задубевший.

— Но вам, аксакал, советуем вернуться домой. Приказ такой: никого не пускать в горы.

— Никуда я не поеду, не повидав сына. Не для того тащился в такую даль, чтобы по первому вашему

неразумному слову вернуться обратно. Не для того меня собирала в путь мать Ракиша. Ведите к самому Кундакбаю.

Бандиты переглянулись.

— Вы знакомы с Кундакбаем?

— Хорошо знаком. С детства, еще мальчонкой знал его.

— Давай отведем, раз сам в зубы волка лезет,— сказал второй верховой.— Дождь перестанет, смена появится, и заберем его с собой.

— Ладно, пусть ждет.

Глаза здоровенного бандита все щупали и щупали коржумы. Наконец он не выдержал и спросил:

— У вас, аксакал, есть что-нибудь из пищи?

— Сыну везу. Но с хорошими людьми могу поделиться.— И Садырбай стал рыться в коржуме.— Вот вам немного толкана, еремчика, баурсаков. Дома я бы вас накормил досыта вкусным бесбармаком. Моя Айша хорошо готовит. А здесь многого дать не могу. Сами понимаете, мать гостинцы сыну послала... Но не угостить друзей Ракиша тоже было бы нехорошо. Поможете мне разыскать Ракиша, тогда милости просим на пир. Все выложу.

Раздав подарки, Садырбай стал терпеливо ждать. Время от времени он затевал разговор.

— Матери и отцы у вас тоже, наверное, есть?

— Есть. Живут на речке Аксу. Оба мы из одного аула.

— Вот бедные отец и мать: ждут, наверное, своих детей. Все глаза проглядели. Не знают они, что мокнут их дети под дождем, стынут ночами на ветру, и некому их обогреть... Вот и мой тоже. Дети-то у вас есть?

— У меня,— сказал один из собеседников,— родные живут на Аксу. А он забрал своих в Китай и не знает, как прокормить. Если бы девчонки, можно было калым большой получить, а то мальчишки... Кундакбай обещал нам после возвращения в Китай дать не меньше как по две лошади. Если еще перепадет, Онгарбай заживет.

— Кундакбай, наверное, ничего не сможет дать вам из добычи. У него теперь завелись сильные хозяева,— заметил Садырбай.— Для других целей кони нужны.

Онгарбай и его спутник перестали жевать и уставились на Садырбая, не понимая, что он говорит.

— Я точно не знаю,— пояснил Садырбай,— но в ауле у нас ходят слухи, что Кундакбай связался с белыми офицерами и обязался поставлять им лошадей.

— Так оно и есть,— подтвердил словоохотливый уроженец с речки Аксу.— Онгарбай это тоже знает, но верит слову Кундакбая.

Поев, бандиты подобрели. Участие Садырбая в их судьбе растравило незаживающие раны. Чужбина встретила их неприветливо. Все, что говорили их вожаки, оказалось обманом. За два года оба изрядно намытарились. Поэтому наперебой стали жаловаться на свою судьбу. Садырбай внимательно слушал и сочувственно кивал головой.

— Ой-бой, как плохо! Мой Ракиш тоже оставил жену и детей у меня в доме. Маленькие плачут — где отец? Невестка плачет — где Ракиш? Мать плачет — где сын? А что я им скажу? Что он у Кундакбая? Не годится. Сердце не выдержало, вот и поехал к сыну. А так жили бы хорошо. У нас теперь мирная жизнь, всего в достатке. Правительство объявило, что простит всех, кто был в банде, если они добровольно явятся. Вот женщины и не понимают, почему надо их мужьям и сыновьям таскаться по горам и грабить для кого-то колхозы.

Онгарбай промолчал, а его напарник поддакнул:

— Так, так, отец.

Садырбай в душе порадовался такому поведению постовых. Надежда на возвращение сына окрепла.

Дождь перестал. Вскоре пришла смена. Новые постовые спросили Онгарбая, что за старика они задержали. Онгарбай, как старший, разъяснил, что задержан отец Ракиша, Садырбай, приехавший из аула повидаться с сыном.

— Посылали его обратно,— сказал Онгарбай,— но он уезжать не хочет, не повидав сына.

— А твой бы отец уехал?— пробурчал напарник Онгарбая.

Новые постовые покачали в такт головой. Трудно было определить, одобряют они поведение Садырбая или нет.

До стоянки Кундакбая ехали молча, гуськом. Толь-

ко раз Садырбай нарушил тишину и попросил напарника Онгарбая не забыть разыскать Ракиша и сказать, что, мол, отец приехал к нему повидаться. Сейчас находится у Кундакбая и просит разрешения на свидание. Провожатый, ехавший сзади, заверил, что все сделает.

Кундакбая Садырбай застал в просторном шалаше, хорошо утепленном сеном, скрытом от посторонних глаз густым кустарником.

Увидев Садырбая, Кундакбай помрачнел. Глаза налились злобой.

— Кто вас прислал?— спросил он.

— Сам приехал,— ответил Садырбай.— Я отец, а сын мой находится у вас, Кундакбай.

— Мне хорошо известно, что вы посланы ГПУ. Хотите вызнать, сколько нас, чем вооружены, где стоят наши шалаши, сколько их, как к нам лучше подобраться и напасть. Это ведь велели разведать?

— Ой-бой, нехорошо говорите, Кундакбай. Отцам своих джигитов надо верить.

— Как вы узнали, что мы в горах?

— Если бы мы, отцы, не знали, где блудят наши дети, плохие бы мы были отцы.

Двое приближенных Кундакбая переглянулись.

— Вы аксакал, а не ребенок,— повысил голос Кундакбай.— «Крутить» у меня не советую. Здесь горы.

— Горы не китайские, а Алтын-Эмельские. Я в них вырос, как и ты, Кундакбай. Они мне не страшны, да и ты тоже.

— Ах, ты так!— заорал Кундакбай.

Сидевшие с ним рядом остановили его руку.

— Кто ваш сын?— спросил Кундакбай.

— Сын мой — Ракиш Садырбаев, а я, если вы не забыли казахских законов и обычаев, Садырбай.

— А, Садырбай, припоминаю. Ракиш — один из первых моих помощников. Давайте не будем горячиться,— примирительно сказал Кундакбай.

— Давно бы так. Теперь слушай! Мы, отцы сыновей, которые у вас в отряде, знаем друг друга и не таим друг от друга новостей. Неделю тому назад я был в ауле Кожамкула, сын которого Серик тоже у вас. К Кожамкулу из дальнего аула приехал свояк сына и рассказал, что ваш отряд уже прибыл из Китая и на-

ходится в верховьях гор. Как достигают вести самых глухих уголков в наших краях, вам, думаю, не стоит рассказывать. Потом, какой же тут секрет, если каждый год в это время вы приезжаете в наши горы?

— Верю вам. И все-таки свидание с Ракишем у вас, почтенный Садырбай, не состоится. Ракиша я отправил в Лепсинские горы. Трудно сказать, когда он вернется.

В это время Ракиш, стремительно ворвавшись в шалаш, бросился к отцу.

Кундакбай только махнул рукой, и все, кто был в шалаше, вышли. Вслед, однако, Кундакбай крикнул:

— Утром, Садырбай, вас проводят домой.

— Пойдем, отец. Не будем терять времени. Где твоя лошадь?

Одну только ночь Садырбай провел с сыном. Не успел наговориться, рассказать всего, что хотел. Радовало одно: Ракиш твердо обещал навестить больную мать, жену, детей, разыскать сына Кожамкула Серика и передать ему желание отца.

Под вечер Садырбай, державший направление на свой аул, изменил его и двинулся к Ошакбаеву.

День был удивительно хорош. Всю дорогу пели ему жаворонки, стрекотали кузнечики, улыбались тучки. То, что сам он подпевал им, это куда ни шло. А вот зачем подмигнул тучке, никак понять не мог. Творилось что-то неладное.

— Совсем мальчишкой стал,— оборвал он себя и запел свое. Песенки, начатой им на половине пути, хватило ровно до ворот дома, в котором размещался Ошакбаев.

— Что так скоро, аксакал?— встретил его вопросом Ошакбаев.

— Не дал Кундакбай долго засиживаться. Выгнал. Вызывай начальника. Есть новости. Ракиш приедет на днях в наш аул с товарищами. Пусть поторапливается. Да что это я? Путь от Талды-Кургана до нас длинен, все равно не успеет. Ладно, утром расскажу. До утра не буди меня. Чертов Кундакбай выспаться даже не дал.

Проводив нарочного с пакетом в райотделение, Ошакбаев лег отдохнуть. Сон, однако, не шел. Мало пока рассказал Садырбай о своей поездке, но его воз-

бужденное состояние, уверенность в себе говорили, что поездка была небезуспешной.

Уведет Садырбай Ракиша у Кундакбая. Если бы не одного увел, совсем вышло бы хорошо. Кундакбай сразу бы почувствовал неладное. Начало разложения банды — начало ее смерти.

Утром, только хозяйка вышла подоить корову, Садырбай, открыв глаза, позвал:

— Сынок, ты спишь?

— Где тут спать после вчерашних ваших вестей,— откликнулся Ошакбаев.

— Я бы давно уехал домой, но договориться надо. При хозяйке неудобно рассказывать. Пришлось лежать с закрытыми глазами. У Кундакбая, сынок, не все ладно. Ненадежный народ собрался. Пообещай многим из них Советская власть не наказывать за разбой, который они творили на родине, останутся здесь. Только я вышел от Кундакбая и появился в их логове, облепили, как мухи. Говорил с разными людьми. Тоскуют по родине. Ракиша только прямо спросить, останется ли он дома, поопасался. А побывать в ауле, повидать мать, жену, детей он с радостью согласился. Та же, видать, думка его гложет, что и друзей. Есть среди них и матерые волки. Чувствовал, как Ракиш оберегал меня от них. Один из постовых, задержавших меня, оказался хорошим парнем. Вложил я ему в уста новость о решении нашего правительства простить всех бандитов, которые добровольно явятся. Думаю, будут знать об этом все, кому надо.

Рассказав подробно о месторасположении банды, Садырбай спросил:

— Что будем делать, если приедет Ракиш с друзьями?

— Хорошо бы побольше сманить их из банды и оставить здесь,— ответил Ошакбаев.

— Вот и я так думаю, сынок. Жене, невестке и родным скажу, чтобы уговаривали Ракиша уйти вместе с друзьями из банды.

— Считай, отец, договорились. Начальник тебе об этом же толковал. Я буду поближе к вам, у Ербола. Что потребуется, дадите знать.

— Все, сынок. Попью чайку и в путь.

...Ракиш появился в ауле поздно ночью. Ждали

его на третий день после приезда Садырбая, как было условлено, а он приехал только на шестой.

— Что же запоздал, сынок?— спросил его Садырбай.— Я уж начал тревожиться, не знал, что и думать.

— Кундакбай не пускал. Пригони, говорит, косяк лошадей из дальнего аула, тогда отпущу. Друзей моих всех разогнал кого куда. Вот один Койшигул остался и того кое-как выпросил. Не хотел тревожить Кожу, второго моего спутника, но Кундакбай все-таки велел ему ехать со мной.

Поняв сына, Садырбай повел Койшигула и Кожу в другую, заранее приготовленную юрту.

— Вы только не обижайтесь,— говорил он им дорогой.— Ракиш должен побыть с женой, детьми, с матерью. Мы вас будем беречь, поить и кормить так же, как сына. Здесь удобно отдохнуть после далекого пути. Хозяин этой юрты — близкий мой родственник и верный человек.

Вернувшись к себе, Садырбай обнял Ракиша.

— Что это за Кожа, сынок? Ты ему не доверяешь?

— Перед отъездом Кундакбай о чем-то долго говорил с ним. Наверное, приставил его ко мне соглядатаем.

— Хорошо, сынок, что предупредил меня. Из какого он аула и почему думаешь, что он предаст тебя?

— Он из соседнего аула, друг Серика Кожамкулова. Кундакбай оставил Серика при себе, а Кожу направил со мной. Кожа для Серика готов пойти на все. Они же братья. Кожа — приемный сын Кожамкула.

— Понятно, сынок. А сам-то ты как? Долго будешь прислуживать Кундакбаю?

— Надоело, отец, а что поделаешь?

— Как что? Никто тебя не тронет, если сам явишься с повинной. Не для того я глядел в зубы зверю, чтобы засадить родного сына в тюрьму.

— Кундакбай узнал, отец, о твоем рассказе нашим людям. Как будут поступать теперь с добровольно явившимися с повинной, все знают. Собирал нас Кундакбай и ругался. Назвал сказками твои слова, выдумкой ГПУ, годной для баранов. Настоящих джигитов, людей умных, такой дешевой новостью не купишь, сказал он. Чья правда, пока не знаю. Плохого-то мы наделали немало.

— Ракиш, перед тем как поехать к тебе, я посылал в Талды-Курган надежного человека. Был он в райкоме партии, в райисполкоме, и везде подтвердили, что такое решение правда есть.

— Теперь верю, отец. Ты мудрый и добрый... Только с пустыми руками в ГПУ не идут. Знаю я, сколько они труда на нас положили, сколько бойцов не досчитались. Уйду от Кундакбая с оружием и со всеми моими друзьями. Только вот как быть с Кожой?

— Кожамкула позовем на помощь. Он друг мне и одних со мной мыслей.

— Тогда зови, отец. Матери и жене пока ничего не говори.

— Вот это дело, сынок. Это по-нашему. Рад за тебя.

В ту же ночь к Кожамкулу поскакал посыльный от Садырбая.

Не на шутку встревожился Кожамкул. Новый друг, Садырбай, звал на помощь. Только встретившись с Садырбаем и узнав от него все про Ракиша, сына своего Серика и Кожу, успокоился. В юрту Кожи и Койшигула он уже шел с легким сердцем. Ободряюще посматривал на сопровождавшего его Садырбая.

— Как отдыхали, дорогие гости?— с порога начал Садырбай.— Сыты ли? Не обижайтесь на меня, старика, что я, не спросив вас, позвал Кожамкула к Коже. Грех был бы в такой радостный день оставить Кожамкула без вестей о сыне. Поговорите, Кожамкул, с Кожой, а мы с Койшигулом пойдем к Ракишу. Не будем мешать.

Обнимая на радостях Кожу, Кожамкул приговаривал:

— Мальчик мой, как я по вас обоих соскучился! Где Серик? Почему не с тобой? Что с ним? Не грозит ли опасность ему? Только отвечай так, как отвечал бы мне Серик.

— Случилось нехорошее, отец. Кундакбай оставил при себе Серика, а мне велел ехать с Ракишем сюда, в аул. Быть с ним вместе, а по приезде рассказать все, что говорил и делал здесь Ракиш. Я отказывался ехать без Серика, но Кундакбай пригрозил, и вот я здесь.

— Ничего, успокойся, мой мальчик. Я хочу одного: чтобы и ты, и Серик вернулись домой.

— Научи, как это сделать, отец.

— Позови сюда Садырбая, Ракиша и Койшигула.

Когда в юрту вошли Садырбай, Ракиш и Койшигул, Кожамкул, обращаясь к ним, спросил:

— Вы, наверное, все трое думали плохо о моем Коже?

— Да, это так,— ответил за всех Садырбай.

— Больше не надо носить в сердце подозрений. Кожа, поклянись при нас, отцах ваших, в вечной дружбе с Ракишем и Койшигулом.

— Клянусь, отец.

— По праву старшего скажу слово. Выслушайте, дети, наше желание,— начал Садырбай.— Плохими были бы вы джигитами, неблагодарными сынами родных мест, если бы и дальше стали служить Кундакбаю. Этот обманщик и байский выкормыш не достоин вашей дружбы и поддержки. Все вы знаете, о чем я говорю и как он обманул вас. Отцы и наша власть прощают вас, хотя наделали вы много вредного и неразумного. За горе и слезы родных, за горе и слезы матерей и близких, тех, кто погиб в борьбе с бандой Кундакбая, отвечайте перед своей совестью. Отцам вашим достаточно того, чтобы вы вернулись в родные аулы. Народу нашему этого недостаточно. Вы перед ним в неоплатном долгу. Чтобы загладить хоть немного эту вину, возвращайтесь обратно и заберите всех своих друзей, обманутых так же, как и вы, не оставляйте их Кундакбаю. Ракиш мне сегодня говорил об этом же, и я одобряю его намерения.

— Слова Садырбая — правильные слова. Это и мое желание,— подтвердил Кожамкул.

...На пятый день в оперативный пункт прибыло восемнадцать всадников, чтобы сдать оружие. Получив пакет к начальнику райотделения ОГПУ, Ракиш, Серик, Кожа и Койшигул во главе бывших бандитов направились в Талды-Курган для получения документов о добровольной явке.

Комотряд, снабженный подробными сведениями о расположении главных сил бандитов, вскоре провел успешную операцию. Многие бандиты сдались. Кундакбай с наиболее верными своими приспешниками ушел к границе, но там, в районе Дубуна, был окру-

жен заранее предупрежденными пограничниками и разгромлен.

Только нескольким бандитам удалось вырваться из окружения. Сам Кундакбай, раненный в живот, умер, не доходя границы.

* * *

...Миша и его двоюродная сестренка Лиза заигрались после уроков на улице и не заметили, как подобралась тучка и разразилась ливнем. Пока бежали до дому Лизы, промокли до нитки. Поневоле пришлось лезть на теплую печь.

Миша не заметил, как в избе появились его мать и тетя — мать Лизы. К их разговору он стал прислушиваться лишь после того, как тетя высказала опасение за судьбу своего мужа. По ее словам, Мишин дядя вступил в какую-то организацию и будет «свергать» Советскую власть. Будет восстание, в котором примут участие сотни вооруженных казаков. Мише жарко стало. Как же так: свергать Советскую власть, за которую погиб его отец? А новая жизнь тогда как? «Лампочки Ильича» и тракторы, о которых рассказывали в школе? Опять ничего не будет?!

Дядю в станице все зовут кулаком. Ему, может быть, и надо свергать Советскую власть, а нам с мамой зачем? Хватит маме работать на огородах дяди Сбросова, хотя он и дядя.

Всю ночь Миша думал, кому рассказать об услышанном: своим учителям, пионерам или ГПУ? Уже вечером решил пойти в ГПУ.

Начальник райотделения ГПУ внимательно выслушал Мишу. Записал его слова, похвалил и посоветовал никому ничего не говорить об услышанном.

— Молодец, парень. Спасибо, что пришел. Мы проверим,— сказал он.— А ты держи ухо востро...

Проверка подтвердила рассказанное Мишей. По селу и в самом деле ползли слухи о скоплениях вооруженных белогвардейцев в горах, на границе В районе появился неизвестный человек по фамилии Данилов. Он говорил, что прибыл из Китая и по заданию штаба вербует людей в организацию, которая в скором времени должна поднять восстание.

Через неделю Миша опять пришел в ОГПУ. На этот раз он передал разговор своего дяди с каким-то человеком о восстании. Дядя говорил, что есть приказ напасть на ГПУ, завладеть оружием, а потом вылавливать коммунистов и комсомольцев. Отец Лизы случайно заглянул на печку, увидел Мишу, подошел к печке и прогнал его из комнаты. Когда же неизвестный ушел, дядя позвал к себе Мишу и стал расспрашивать, что он слышал из их разговора.

— Немного слышал,— ответил Миша.

— Рассказывай, что?— рассердился дядя.

— Слышал,— сказал Миша, что какие-то дяди должны сначала отобрать оружие у ГПУ, а потом начать свергать Советскую власть.

— Запомни, Мишка,— пригрозил дядя,— если расскажешь об этом кому — голову оторву.

Миша уверил дядю, что он не маленький и сам все понимает. На всякий случай побожился.

Прошло всего два дня, и дядя опять позвал Мишу. Он не сердился и не грозил, а попросил Мишу отвезти записку родственнику в соседнее село. Потом мальчику еще приходилось ездить с записками.

В одной из записок, которые Миша каждый раз показывал сначала начальнику ОГПУ, Сбросов просил своего родственника Мотового прибыть на хутор Красная Поляна. Мотового на месте не оказалось. Его кто-то успел пригласить на хутор раньше, и он выехал туда до приезда Миши. Миша вернулся в Талды-Курган и пошел в ОГПУ.

— Ну, что ж, поезжай, Миша, в Красную Поляну и вручи записку, кому велено,— сказал начальник райотделения.

Миша так и сделал. Вручив записку, он пристроился в уголке избы и стал слушать, запоминать и поджидать дядю.

В избе было уже несколько человек. Выступал один из них, которого назвали Даниловым. Этот Данилов рассказал, что организация у них большая. Руководит ею штаб во главе с полковником. По планам штаба, находящегося пока в Китае, предусмотрено поднять восстание сначала в пограничных районах. Как только это совершится, выступят кавалерийские части, сосредоточенные на границе. Штаб опубликует приказ о мо-

билизации, восстановит казачью форму, и тогда уже начнется продвижение в глубинные районы.

Все эти сведения не расходились с данными, полученными из других источников, и работники ЧК принимали соответствующие меры.

Вскоре после этого сборища повстанцы перешли к активным действиям.

...В теплый июльский день начальник отделения фельдсвязи ОГПУ Заморов ехал из станицы Каратал в Джангиз-Агач. Надо было собрать деньги в торговых организациях для доставки в банк. На горной тропинке из-за камня вдруг прогремел выстрел. Пуля пробила Заморову легкие. Обливаясь кровью, он упал с лошади, откатился в кусты и стал отстреливаться. Тогда неизвестный, оставив Заморова, поймал его лошадь и скрылся в горах.

Преодолевая боль, Заморов нашел силы выползти на дорогу, где его и подобрали проезжие колхозники, доставив в Талды-Курган. Начался розыск неизвестного бандита.

Между тем приближался день, назначенный Даниловым для нападения на здание ОГПУ. Угроза была реальной. Все запасы военкоматского оружия и боеприпасов находились при райотделе. Большинство комотрядников гонялись еще за остатками банды Кундакбая. Было установлено, что нападение готовится на второй день троицы.

Как только стемнело, начальник райотдела собрал всех оставшихся комотрядников, своих людей и устроил на усадьбе засаду. Этой же ночью разведчики ОГПУ побывали на сборных местах повстанцев, узнали, сколько их собралось, многих опознали, а главное — установили, что к повстанцам пробрался конюх райотдела ОГПУ и предупредил их о засаде.

Нападение на райотдел в этот день не состоялось. Лично переговорив с конюхом, Данилов распустил собравшихся. Теперь значительная часть участников заговора стала известной, однако проводить операцию было еще рано.

...Поиск стрелявшего в Заморова наконец увенчался успехом. Колхозники увидели в горах спящего на солнцепеке человека. Около него лежал обрез трехлинейной винтовки, недалеко в кустах находился осед-

ланный конь рыжей масти, тот самый, на котором ездил Заморов. Осторожно подойдя к незнакомцу и завладев обрезом, колхозники связали его.

Задержанным оказался Данилов. На допросе он рассказал, что в Заморова стрелял с целью завладеть оружием и конем.

Следствие вскоре установило, что Данилов является жителем села Белокаменка Талды-Курганского района. До 1929 года жил в Алма-Ате, торговал на базаре, хотя и имел среднее образование. Летом 1929 года Данилов переехал в Белокаменку, вступил в колхоз и стал агитировать людей против Советской власти. За это Данилова осудили на пять лет. Весной 1930 года при конвоировании Данилов в районе Текели бежал и через перевал Коксу ушел в Китай. Около города Кульджи он нанялся в работники к владельцу мельницы Полумискову. Хозяин вскоре познакомил его с полковником Оренбургского казачьего войска Попенгутом, его адъютантом Сергеевым и есаулом Манихиным.

Объясняя новым знакомым причины перехода в Китай, Данилов рассказал, что на родине он и его друзья начали создавать повстанческую организацию, но их кто-то выдал. В результате аресты и суд. Ему, Данилову, посчастливилось уйти от конвоя, и вот он здесь.

Внимательно выслушав Данилова, Попенгут назвал дело, за которое они пострадали, несерьезной затеей, игрой в восстание, которая не могла закончиться ничем иным, как только гибелью весьма нужных сейчас людей.

— Советскую власть,— сказал Попенгут,— может свергнуть только хорошо организованная и первоклассно вооруженная армия. Это можно сделать не иначе как с помощью великих держав. Другого пути нет.

Из дальнейших разговоров Данилов узнал, что белогвардейские генералы и офицеры, проживающие в Китае, проводят большую работу по подготовке вооруженного восстания в СССР, опираясь на помощь иностранных государств.

До весны 1931 года Данилов жил у Полумискова. В марте по предложению полковника Попенгута в числе тридцати шести человек он был переброшен обратно в

СССР с задачей создать повстанческую организацию в районах Семиречья.

Границу Данилов перешел в верховьях реки Или и скрытно добрался до Талды-Курганского района.

На Коксуйском участке Турксиба он встретил своего знакомого Нежурина и попросил устроить его на временную работу. Нежурин порекомендовал обратиться с этим делом в село Чубар к Александру Вострову.

Хороший прием со стороны Вострова ободрил Данилова, и он рассказал ему, что возвращается из Китая, куда бежал после суда. Востров выругал Данилова за то, что он вернулся обратно.

— Мы давно бы ушли в Китай,— сказал Востров,— да не можем найти хорошего проводника,— и предложил взяться за это дело. Тогда Данилов рассказал Вострову, что он пришел в Советский Союз не просто так и не один, а с заданием готовить людей в Талды-Курганском районе к восстанию. То же должны делать его соратники, посланные в другие районы Семиречья.

— Дело это верное,— заверил Данилов Вострова.— Во главе нашей организации стоит штаб, которым уже сформированы крупные воинские части и выдвинуты к самой границе. Как только вспыхнет восстание здесь, они хлынут на помощь.

— Что же нам тогда делать?— спросил Востров.

— Помочь найти надежных людей, которые поддержат нашу армию.

— А если выйдет неустойка?— колебался Востров.

— Едва ли. Дело-то поставлено крепко. Обдумано генералами, полковниками.

— Ну, если так...— согласился Востров.

— На худой конец, мы ничего не теряем,— сказал Данилов,— буду вам проводником в Китай.

От Данилова и Вострова мутная волна покатилась дальше по станицам района и дошла до слуха Миши.

* * *

Нас могут спросить, какая же связь между Мишей и Садырбаем? Зачем они в одном рассказе? Верно. Миша даже не был знаком с Садырбаем и никогда не видел его. В то время как Садырбай готовился поехать

в логово врага, Миша опять беззаботно играл со своей двоюродной сестренкой Лизой в станице Карабулак. Прошел год со времени событий, связанных с Даниловым. Заглянув в глаза злым людям, увидев, как они хладнокровно поднимали руку на заветное, за что погиб его отец, Миша повзрослел.

Хозяева Кундакбая и заговорщиков в станицах были одни и те же люди, окопавшиеся за границей. Они руководили и бандой, и заговором среди русских кулаков. И все-таки не в этом главное, что связывало Мишу и Садырбая. Не зная друг друга, Садырбай и Миша тем не менее были соратниками и близкими по духу. Простые советские люди, они, как могли, оберегали Родину, свои аулы и села и сорвали вражеские замыслы. Оба были верными сынами своего народа. И это благодаря их помощи чекистам удалось разгромить врага, не допустить выступления заговорщиков против Советской власти.

Н. РЯБИНИН

САВИНКОВСКИЕ ЦЕПОЧКИ

Во многих областях Казахстана эсеры проявили себя в период становления Советской власти и социалистического переустройства сельского хозяйства злейшими, непримиримыми врагами народа. Всякое ослабление и трещины в союзе рабочего класса и крестьянства ими немедленно использовались.

Случилось такое и в Восточном Казахстане.

Я тогда работал уполномоченным ОГПУ по Самарскому и Курчумскому районам с резиденцией в станице Большая Буконь. Районы эти имели свои особенности. Здесь были целые села с населением из бывших красных партизан, а рядом с ними располагались русско-казачьи станицы, служившие в свое время опорой Колчаку, старообрядческие деревни и выселки баптистов и адвентистов седьмого дня и, наконец, коренное население, разбросанное редкими полукочевыми аулами.

Переплетение таких социально-бытовых, сословных, национальных и религиозных особенностей требовало от партийно-советских органов особого подхода к этим группам населения, а от нас, чекистов,— четкости и гибкости в работе.

Помню, в то время я почти не бывал дома. Напряженная работа не оставляла свободного времени. Однажды, делая объезд по районам, в селе Подгорном

я, проверив заявление члена партии, обнаружил подпольную повстанческую ячейку. Мы проследили связи этой ячейки и выявили аналогичные антисоветские группы в других селах. Связи вели дальше и дальше, раскрывая крупную организацию, охватившую многие села Самарского и Курчумского районов.

Характерно, что эти ячейки строились по системе известного эсера, организатора повстанческого и террористического подполья Бориса Савинкова: «цепочки» возглавлялись «тройками». Каждый завербованный знал в лицо только двух членов организации: того, кто его вербовал, и кого завербовал сам. Руководители «троек» знали в лицо также только по одному первому ими завербованному человеку. Общее количество членов антисоветских групп и всей организации в целом учитывалось «тройками» по данным, передаваемым по цепочке. «Тройки», по существу, являлись оперативными штабами антисоветского повстанческого подполья. Стало ясно, что за спиной таких «троек» стоят опытные вожаки, умудренные опытом борьбы с Советской властью. Полностью такую организацию раскрыть почти невозможно, но стоило только изолировать руководителей «троек», как созданные ими группы, лишенные связей и не знавшие в лицо друг друга, оказались бы не способными на активные действия.

Вновь назначенный начальник Семипалатинского ОГПУ проезжал в то время через наш район в пограничный отряд и остановился в Большой Букони. Когда мы ему доложили о новых материалах об антисоветском подполье и попросили разрешения на его ликвидацию, он ответил отказом. Повстанческая организация, по его словам, охватила почти весь бывший Бухтарминский край, другие районы Казахстана и по своим связям ушла в Западную Сибирь.

— В этом деле,— сказал он,— имеются большие недоработки, и окротдел считает ликвидацию антисоветского подполья, в пределах уже известного ОГПУ, пока преждевременной.

...В начале 1930 года по нашим районам распространился слух, что в Каиндинском бору, расположенном в Самарском районе, должен состояться «крестьянский съезд». Это был серьезный сигнал. В бору шли большие лесозаготовки. Там же, на многих разбросан-

ных в глухих местах приисках, открытым артельным способом добывалось золото. Сюда стекались бежавшие от репрессий кулаки и другие антисоветски настроенные люди.

Мы установили, что сборным пунктом делегатов намечена мельница кулака в Каиндинском бору, за селом Подгорным. Вот на этот-то сборный пункт мы и направили своего работника в качестве «делегата» от «Курчумской антисоветской организации».

На «крестьянский съезд» прибыло много участников — руководители «троек» из бывшего Бухтарминского края, наших районов, кулаки с приисков и лесозаготовок.

Выяснилось, что руководителем всех антисоветских групп и организаций бывшего Бухтарминского края, прииртышских сел и деревень является некто Толстоухов. Позже стало известно, что Федор Дорофеевич Толстоухов — учитель, эсер, в прошлом случайно примыкал к партизанскому движению и состоял в должности помощника командира полка. После разгрома Колчака обосновался на отрубе около рудника Зыряновска и занимался пчеловодством. В июле 1926 года выезжал на Дальний Восток, где, по его словам, встречался с «большими людьми» из антисоветского подполья. Вместе с заговорщиками установил связи с закордонной белой эмиграцией. Весной 1929 года вернулся на свою пасеку и повел работу по созданию повстанческой организации на Бухтарме.

Еще в январе 1930 года на квартире члена организации Прокофьева в селе Зубовском Толстоухов провел совещание руководителей подполья, на котором объявил, что в крестьянских селах вплоть до Усть-Каменогорска люди к восстанию готовы. Не все пока сделано среди русского казачества. В связи с этим организационную работу в казачьих станицах от верховья Иртыша до Усть-Каменогорска он взял на себя, а ниже Усть-Каменогорска до Семипалатинска возложил на Антона Рогачева. Центром связи был дом Степана Петровского в селе Меновое.

Помощником Толстоухова и начальником штаба «повстанческой армии» стал полковник старой армии Зеленский.

«Крестьянский съезд» проходил в квартире помощ-

ника Толстоухова — Корнила Гоцкина с тринадцатого на четырнадцатое февраля. Руководил съездом сам Толстоухов. Поставленная им задача сводилась к следующему: каждая сельская, городская ячейка, организация в назначенный для выступления день арестовывает, а при сопротивлении уничтожает в своем селе, городе коммунистов, комсомольцев и советский актив. Занимает все учреждения и телеграф, создает свою власть без коммунистов и без деления на классы. Повстанцы организуются в вооруженные отряды, которые сводятся в армию, а уже последняя свергает коммунистический строй вплоть до Урала. Сибирь должна быть автономна.

Это была старая эсеровская установка, но уже в новых условиях. Большой разговор на «съезде» возник о дне всеобщего выступления. Толстоухов с началом восстания торопил. Он доказывал, что условия для выступления созрели, но они меняются. Исправление допущенных перегибов, укрепление Советской властью колхозов может привести к тому, что основная масса крестьянства не поддержит восставших. Он утверждал, что сибирские повстанцы назначили день выступления на 20 февраля 1930 года, и настоятельно рекомендовал выступить с ними одновременно.

«Крестьянский съезд» принял эту дату, и «делегаты» разъехались на места. Возвращение нашего «делегата» совпало с прибытием в Самарский район из Семипалатинска Михаила Михайлова, назначенного начальником оперативного участка по Самарскому, Курчумскому и Кокпектинскому районам. С Михайловым я был знаком раньше. В гражданскую войну в составе 15-й Сивашской дивизии мы вместе участвовали в разгроме барона Врангеля в Крыму. Старый член партии, с большим опытом борьбы с контрреволюцией в Ленинграде, Михайлов был обаятельным человеком, внимательным к людям.

Одновременно аналогичный оперативный участок был создан в Усть-Каменогорске. Его возглавил Семен Низюлько, начальник отдела оперативного сектора ОГПУ, старый коммунист, опытный оперативный работник, в прошлом видный красный партизан.

Вместе с Михайловым прибыли оперативные работники Семенов, назначенный уполномоченным по Кур-

Михайлов Михаил — заместитель начальника оперсектора ОГПУ.

Низюлько Семен — начальник оперативного участка.

чумскому району, Зайнутдинов — уполномоченным по Кокпектинскому району и Семен Зубов, назначенный ко мне помощником.

Ознакомившись с имевшимися у нас материалами по антисоветскому подполью и выслушав доклад нашего «делегата», Михайлов пришел к выводу, что дальше медлить с ликвидацией повстанческой организации нельзя.

В тот же день Михайлов вызвал к прямому проводу начальника оперативного сектора ОГПУ, в моем присутствии рассказал ему обо всем, что узнал от нас, и попросил санкции на проведение операции.

В окружном отделе почему-то взяли под сомнение дату вооруженного выступления повстанцев и потребовали перепроверки данных «делегата». Проведение операции по-прежнему считали преждевременным.

Мы пошли к секретарю райкома партии Гальченко и рассказали ему о результатах переговоров. Обсудив сложившуюся обстановку, решили под благовидным предлогом стянуть в районный центр человек пятьдесят коммунистов и комсомольцев и создать из них не-

Гальченко И.— секретарь райкома (справа) и Ибрагимов Г.— чекист.

гласный коммунистический отряд. Уже на второй день отряд под командованием заместителя секретаря райкома партии Василия Попкова был создан. Вооружили его охотничьими ружьями.

Я до сих пор с признательностью вспоминаю секретаря Самарского районного комитета партии Гальченко. Это был хотя и молодой в то время коммунист по стажу и возрасту, но политически развитый, обладавший ясным мышлением. В самых сложных переплетениях классовой борьбы ему удавалось неуклонно проводить линию партии.

В селах Преображенке и Малороссийке кулаки спровоцировали однажды выступление женщин. Гальченко не только сумел успокоить разбушевавшуюся толпу, доказать женщинам неправильность и незаконность их поведения, но и склонил их на добровольных началах организовать колхозы в этих селах.

Гальченко решительно выступал против всяких извращений и загибов в хлебозаготовках и коллективизации. Он понимал, что в условиях жестокой классовой борьбы неразумные действия некоторых уполномоченных окружкома, наделенных большими правами, но не имевших единого плана работ и единого представления о путях и методах преобразования сельского хозяйства, создают благоприятные условия для эсеровского подполья.

Как и мы, Гальченко считал вполне возможным вооруженное выступление заговорщиков. Однако усмотреть за всем не мог.

Только в марте 1930 года, после решительного выступления партии против серьезных ошибок в колхоз-

ном строительстве началось их исправление. Это сняло угрозу нарушения прочного союза рабочего класса и крестьянства и выбило почву у кулачества и эсеров, стремившихся восстановить население сел против Советской власти. Исправление ошибок началось в марте, а события, о которых идет речь, происходили в феврале.

18 февраля меня вызвал к прямому проводу начальник отдела Семипалатинского оперативного сектора ОГПУ Кручинин и коротко передал:

«Бухтарма под руководством Толстоухова выступила. Немедленно снимайте «тройки» и действуйте в соответствии с обстановкой».

Гальченко и Михайлов в это время находились в отъезде.

Быстро оформив оперативные группы, в которые были включены бойцы созданного Гальченко комотряда, мы с Зубовым выслали их на арест «троек». Я с фельдъегерем Галеем Ибрагимовым выехал для проведения операции в села Подгорное, Роза и Тимофеевка.

Февральская пурга. Не видать белого света. На лошадях, запряженных в розвальни, пробиваемся в село Подгорное. По счастливой случайности ночью, уже в селе, мы натолкнулись на своих. Местные коммунисты и актив, вооружившись чем попало, забаррикадировались в пимокатной мастерской. А в сельском Совете уже шло совещание руководителей «троек» и их сподвижников. На колхозной конюшне стояло семьдесят подседланных лошадей: повстанцы готовились к выступлению.

Объединившись с местными коммунистами, мы арестовали собравшихся в сельском Совете заговорщиков. Разрядив таким образом обстановку в Подгорном, быстро направились в райцентр. По пути следования сняли «тройки» в Розе, Тимофеевке, и только с этими арестованными рано утром 20 февраля миновали село Мариногорку, как в нем вспыхнуло вооруженное выступление кулачества. Немного раньше поднялся мятеж в Пантелеймоновке. Надо сказать, что в этих двух селах мы не сумели своевременно вскрыть антисоветского подполья и за это поплатились. Во всех остальных селах Самарского и Курчумского районов опера-

тивные группы успешно справились со своей задачей, вовремя арестовав «тройки».

Обезглавленные повстанческие группы и организации были дезорганизованы и выступить не смогли.

Вооруженное выступление в Бухтарминском крае под руководством Толстоухова и Зеленского увлекло часть середняков и на первых порах приняло грозные размеры. Оно охватило ряд других районов Казахстана и перебросилось в Западную Сибирь.

В Бухтарме местные органы Советской власти были разгромлены, коммунисты и советский актив арестованы или уничтожены. Мятежники двинулись к Усть-Каменогорску.

Оперативный участок города Усть-Каменогорска не успел подготовиться к отпору повстанцам. Коммунистические отряды не имели оружия и в течение нескольких дней не смогли начать боевых действий.

Повстанцы появились под стенами города.

Сразу же прервав связь с Семипалатинском и Усть-Каменогорском, они отрезали районы в верховьях Иртыша.

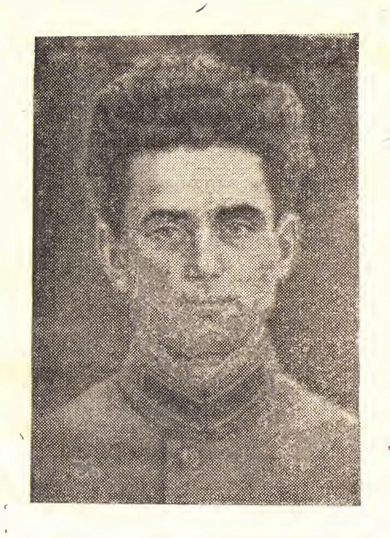
Малочисленные партийно-комсомольские организации Самарского и Курчумского районов, сведенные в коммунистические отряды, были заняты на ликвидации мятежа в Пантелеймоновке и Мариногорке. Группа коммунистов, вооруженных охотничьими ружьями, была выдвинута в качестве заслона от восставших сел Бухтарминского края. У нас не хватало людей для охраны задержанного актива кулацкого подполья, не было помещений для содержания арестованных.

Вот в это время к нам пришли на помощь бывшие красные партизаны из числа трудового крестьянства. Организованные районными комитетами партии в дружины, они добровольно несли охрану общественного порядка в селах и деревнях, охраняли государственные учреждения, колхозное имущество, помогали задерживать бегущих кулаков, караулили арестованных.

Вскоре положение коренным образом изменилось и в Усть-Каменогорске. Подошли коммунистические отряды из ближайших районов, поступило оружие из Семипалатинска, подоспели первые воинские части. Усть-Каменогорск превратился в штаб ликвидации мя-

Рыбак Михаил — командир комотряда.

Чистяков Михаил — районный уполномоченный ОГПУ.

тежа. Под руководством начальника отдела Семипалатинского оперативного сектора ОГПУ Низюлько операциям по разгрому кулацкого выступления были приданы организованные формы.

Активное участие в этих операциях приняли уполномоченные ОГПУ Утин, Михаил Рыбак, Сергей Коновалов, Михаил Чистяков и многие коммунисты-комотрядники. Утин и Рыбак возглавили коммунистические отряды. Коновалов, являвшийся уполномоченным по Шемонаихинскому и Разинскому районам, получив разрешение из Семипалатинска на проведение операции, в ту же ночь с помощью партийного актива арестовал руководящие «тройки» заговорщиков. То же в части сел Зыряновского и Катон-Карагайского районов успели сделать Чистяков и Тарасенко.

Кулацко-эсеровский мятеж поддержки у широких масс крестьянства не получил. Он был быстро подавлен. А обанкротившийся эсер Толстоухов с небольшой группой приближенных бежал в Западный Китай.

Весной 1931 года по заданию «Крестьянской партии» Толстоухов вновь пробрался в СССР с группой бандитов и обосновался в Алтайских горах близ Зыря-

новска. Все его попытки организовать восстание против Советской власти и на сей раз окончились полным провалом. Ни один человек не пришел в горы к Толстоухову.

В одной из перестрелок бандиты тяжело ранили уполномоченного ОГПУ Тарасенко. Это все, что удалось сделать Толстоухову в 1931 году. Сам он был убит работником ОГПУ Котышевым на реке Бухтарме при попытке уйти от преследования.

А. КОЙШИГУЛОВ

ШАКАЛ

Юсуп перешел границу поздней осенью 1932 года. Затемно, в проливной дождь проводник Дауд привел его в укромное место у самой границы и велел ждать. Успели поесть и отдохнуть от четырехчасового пути по горным тропам, а дождь все лил и лил. Часа в три ночи стал стихать. Проводник на это как будто не обратил внимания. Глядя в сторону гор или поверх деревьев, он молча что-то жевал. Только когда густой туман окутал лесок, затянул лощины, Дауд сказал: «Пора...»

И они пошли.

Юсуп легко и бесшумно шел за Даудом. Сейчас важно было незамеченными пройти посты, а там он доберется сам.

Мальчишкой Юсуп рос в полупустынных степях Южного Казахстана. Бывал в красивом зеленом городе Чимкенте, учился в Ташкенте. Потом в их семье произошли крутые изменения: отца признали крупным баем и конфисковали имущество. Это озлобило Юсупа. Юношей вместе с отцом он оказался в банде, дрался с отрядами коммунистов, а потом ушел за границу.

Вести о нем, как о храбром джигите, грамотном, смекалистом и властолюбивом молодом человеке, дошли, наконец, до ушей видного коммерсанта-англича-

нина. Он приблизил к себе Юсупа, обласкал и велел называть себя шефом. Вызволил и отца его из нищеты. И теперь они вместе с отцом верно служат покровителю. Все, что у них есть, добыто благодаря ему. Даже имена и фамилии он сам им придумал.

В последнее время шеф стал еще внимательней. А потом попросил Юсупа добраться до Ташкента и передать одному человеку очень нужную вещь — небольшую тряпочку-амулет. Юсупу помогли надежно зашить ее в жилет. Шеф просил еще кое-что сделать в Казахстане, если Юсупу придется задержаться там по непредвиденным обстоятельствам, но об этом пока не стоит думать. Сложно и опасно выполнить такую просьбу. Лучше постараться не задерживаться в когда-то родной стране. Во что бы то ни стало побыстрее вернуться и получить обещанную награду.

«А шеф все-таки и тут позаботился: хорошего, знающего дал проводника,— размышлял Юсуп.— Где он теперь? Наверное, обогревается у костра или сидит в теплом месте в кибитке. Все идет пока удачно. И я скоро выйду к кишлаку. По карте — он где-то здесь. А может быть, обойти кишлак и прямо выйти на перекресток дорог? Мне ведь сейчас все равно, в какую сторону ехать, лишь бы подальше от границы. Любой попутчик сойдет». Услышав лай собак и увидев огонек первой кибитки, он, пока не рассеялся туман, свернул влево на попавшуюся дорогу. Через два часа пришелец с той стороны был у развилки дорог. Здесь с давних пор образовался сам по себе, никем не узаконенный, пункт отдыха. Причиной этого был родник, бивший из-под скалы. Несмотря на раннее утро, у родника были люди. Шустрый мальчишка, стоявший у запряженной в телегу лошади, предложил подвезти Юсупа, если тому по пути.

Путник, узнав, что паренек едет по направлению к городу, не отказался. О плате договорились быстро. На мягком сене в телеге было неплохо. По телу разливалась приятная теплота. Вот только глаза подводили. И ничего сделать с ними было нельзя: закрывались, и все.

— Издалека идете, дядя?— неожиданно спросил молчавший до этого мальчишка.

— Да нет, ходил к знакомым в соседний аул.

— Там и ночевал?

— Там. А где же еще?

— А я думал, с гор. Плащ-то под дождем был и забрызган сильно.

Дядя стал машинально оттирать грязь с плаща и подумал:

«Вот чертов мальчишка, до всего ему дело. Не влипнуть бы с ним в историю. Расскажет вот так кому-либо о своих догадках и беду накличет».

— Как тебя звать-то, малый?

— Ерген. А вас?

— Меня Юсуп. Вообще-то я не здешний, из Казахстана. Приезжал сюда к родственникам. Сестренка у меня здесь за таджиком. Побывал и возвращаюсь.

— Что ж они не отвезли вас, Юсуп-ака, до станции?

— Лошадь где-то затерялась в горах. Вечером пустили попастись и не нашли. Туман сегодня. Хозяин искал-искал в горах в моем плаще и вернулся ни с чем.

— Из-за лошади, наверное, Юсуп-ака, вы всю ночь не спали? Тревожились? — опять заговорил Ерген.

— Да, да, мальчик. Угадал. Глаза сейчас слипаются.

— Вы спите спокойно, Юсуп-ака. До станции я вас довезу и разбужу.

Уснул Юсуп крепко, а проснулся — вокруг телеги пограничники.

У следователя Юсуп твердил одно: пришел обратно в Советский Союз потому, что за границей жить плохо. Ни о своем шефе, ни о холстинке не сказал.

Через месяц, после проверки, он был вынужден признать, что настоящая его фамилия не Койшибаев, какою назвал себя следователю, а Бекарысов.

Прошло почти два года. Подходило время окончания срока наказания, назначенного судом Бекарысову за нарушение государственной границы. Он уже считал, что о нем забыли, строил планы, как, выйдя на свободу, станет выполнять полученное задание, но вмешались непредвиденные обстоятельства. Получилось так, что чекистам одновременно из различных источников стало известно о заброске Бекарысова в нашу страну с важным заданием.

Видный разведчик Интеллидженс Сервис поручил ему передать неотложное задание своему человеку в Ташкенте. Задание было написано химическим составом на холсте и зашито в жилет Бекарысова.

Опытные оперативные работники из Узбекистана и Казахстана разыскали все материалы на Юсупа и ознакомились с ними. Нашли жилет, хранившийся в складе колонии, и обнаружили кусок холста. В лаборатории удалось проявить написанное. Задание было полно условностей. Понять, кому оно адресовано, оказалось невозможным. Тогда работники разыскали следователя и расспросили его, как вел себя Бекарысов на следствии, можно ли рассчитывать на то, что он скажет о полученном задании.

В результате было решено Бекарысова не допрашивать, а в положенное время освободить. Вернуть ему вещи и жилет, так же зашив в него кусок холста, с такой же надписью химическим составом.

При вручении вещей Бекарысов от получения жилета отказался, заявил, что это не его вещь. Только после стало известно, что шпион поступил так из осторожности: срок передачи холстинки давно прошел и Юсуп не хотел зря рисковать.

К чекистам Казахстана Бекарысов попал, когда явился в Туркестанский район. Там собирал аксакалов, беседовал с ними, склонял к подрывной работе против Советской власти, но поддержки нигде не получил. Стоило пришельцу завести антисоветские речи, аксакалы молча начинали ковырять палочками землю. По обычаю предков это значило, что никто из них согласия не дает. Не помогло и содействие муллы.

Потерпев неудачу в районах, Бекарысов направился на Чимкентский свинцовый завод. Здесь он разыскал своих знакомых, родичей и так же настойчиво стал сколачивать диверсионную группу, которая должна была приступить к делу с началом войны. Действовал он уверенно, даже нагло, в душе потешаясь над работниками ОГПУ. Кое-кого Бекарысову удалось склонить на свою сторону.

Теперь замысел врага стал ясен, поэтому дальнейшее наблюдение за ним становилось не только бесполезным, но и вредным.

Бекарысов был арестован.

У. КУСПАНГАЛИЕВ

В ПРИГОРОДЕ ОСАЖДЕННОЙ МОСКВЫ

В день двадцатипятилетия битвы под Москвой меня потянуло посмотреть на старый фронтовой китель. Во внутреннем его кармане я случайно обнаружил приказ военного коменданта Балашихинского района № 1. Приказ оказался основательно потрепанным, порвался на сгибах, но текст его можно было свободно прочесть.

Нахлынули воспоминания...

Время тогда было трудное. Гитлеровцы рвались к Москве, создав угрожающее положение на ряде направлений. Большой отряд чекистов, в том числе и я, в полной боевой готовности ждал в Доме Союзов указаний генерал-майора, в распоряжении которого мы находились.

В два часа ночи нас, пятнадцать человек, отобрали из отряда, посадили на машину и отвезли к коменданту города Москвы генерал-майору Синилову.

Через час он нас принял и стал объявлять назначения: одних — военными комендантами подмосковных районов, а других — их помощниками. Слышу свою фамилию и имя: «Куспангалиев Урайхан назначен военным комендантом Балашихинского района Московской области».

Дело это было для меня новое, незнакомое, и я, признаться, сильно волновался: как бы чего не упустить по незнанию. Ведь мы готовились к другому, к выполнению специальных заданий в тылу врага и особых неотложных поручений.

В эту минуту вспомнились мне земляки-казахстанцы, родные, отец, проживавший тогда в Толыбайском аулсовете Испульского района Гурьевской области. Провожая меня на фронт, они наказывали мне беспощадно сражаться с фашистами. И вот пришло время испытаний. Как-то я оправдаю доверие односельчан, доверие Родины?

Твердый голос генерала, его четкие указания успокаивали.

Синилов рассказывал, что 19 октября 1941 года Государственный Комитет Обороны постановил ввести осадное положение в Москве. На дальних подступах оборона Москвы этим же постановлением возложена на командование Западным фронтом, а на ближних — на начальника гарнизона города Москвы и командование Московской зоны обороны.

Вся полнота власти в столице и в пригородах передана военным. Мы, военные коменданты,— одно из звеньев обороны. Мы должны обеспечить строгий порядок в своих районах, не допускать паники, неразберихи, вылавливать агентуру врага, парашютистов, немецких летчиков со сбитых самолетов, пресекать распространение вредных слухов. Для выполнения всех этих работ в помощь каждому коменданту придавался взвод или рота лыжников.

Приехав в город Балашиху, я увидел, что здесь положение гораздо серьезнее, чем мы думали, находясь в Москве. Через заградительный огонь самолеты гитлеровцев прорывались в Москву редко, а Балашиху, превращенную в мощный узел противовоздушной обороны, часто и крепко бомбили.

Наша зенитная артиллерия и авиация сбивали немало немецких самолетов, и вражеские летчики довольно часто выбрасывались с парашютом. Одни лыжники, без помощи населения, усмотреть за всем, что творится в районе, естественно, не могли. И вот тогда-то в городской типографии был отпечатан приказ военного коменданта № 1, текст которого был согласован

ПРИКАЗ

ВОЕННОГО КОМЕНДАНТА

Балашихинского р-на, Московской области

20 Ноября 1941 г. г. Балашиха.

№ 1.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Приказ военного коменданта Балашихинского района.

с работниками военного коменданта Москвы, которому мы подчинялись.

После того как приказ расклеили по всем людным и видным местам, порядок в городе и районе заметно улучшился. Население стало активнее помогать нам. Через каждые пятнадцать-двадцать минут поступало сообщение или приводились задержанные люди. Парашютистов, немецких летчиков, фашистских агентов мы немедленно передавали особым отделам ближайших воинских частей согласно приказу. С остальными подозрительными лицами разбирались территориальные органы НКВД и мы сами.

Приходилось очень часто поднимать по тревоге роту лыжников, прочесывать отдельные уголки района или спешить на помощь местным жителям для задержания немецких лазутчиков. Мы не спали сутками, отдыхали урывками, зато знали, что враг не проникнет через наш район в Москву.

Помимо этой основной работы у коменданта было много других дел. И я, по правде говоря, не находил времени поинтересоваться, с какими именно целями являлись к нам вражеские агенты и парашютисты.

Лишь один раз позвонил мне начальник особого отдела воинской части, расположенной в самой Балашихе, и предупредил, что среди направленных нами дня два тому назад парашютистов, пойманных лыжниками, оказался крупный немецкий агент, уроженец Подмосковья. Помимо других заданий, по словам начальника, он должен был разведать расположение воинских частей и противовоздушной обороны Балашихинского района. Это заинтересовало меня, и я выехал в особый отдел, чтобы лично допросить немецкого агента и установить, что же известно немецкой разведке и командованию о наших воинских и зенитных частях, почему и чем заинтересовал их Балашихинский район. Нас всех тогда тревожило, чтобы немцы не узнали о сосредоточении наших войск для ответного удара.

В особом отделе мне показали невзрачного на вид человека. В прошлом он жил в Балашихинском районе, потом выехал на Украину, купил там чужой паспорт и стал обыкновенным городским жителем.

Убежденный баптист, он никогда не порывал связи

с общиной. Следуя библейской заповеди, он оружия в руки не брал, но задания немецкой разведки выполнял ревностно с давних пор. Эта деятельность, по его словам, не признавалась за грех ни одним из его знакомых пресвитеров.

Иван Иванович, как теперь назывался арестованный, рассказал мне немного. После получения задания от немецкой разведки его направили в штаб группы войск Гудериана. Инструктировавший его оберлейтенант Лемке, сопровождавший всю группу парашютистов до места выброски, прямо предложил ему осесть в Балашихинском районе, разведать, сосредоточиваются ли там советские войска и где расположены зенитные подразделения, сказав, что это очень важно для немецкого командования.

После допроса Ивана Ивановича я доложил в комендатуру Москвы о повышенном интересе немцев к Балашихинскому району и сосредоточению наших войск. Имел также разговор с командованием противовоздушной обороны района, которое приняло соответствующие меры.

В декабре враг был разгромлен под Москвой и далеко отброшен на запад. Надобность в Балашихинской военной комендатуре миновала, и я был направлен на другой, не менее важный участок работы.

С. БОЙКО

„ЮНКЕРС" НАД УРАЛЬСКОМ

Шел второй год Великой Отечественной войны. В тревожные дни начала Сталинградской битвы произошло событие, о котором мало кто знал из жителей Уральска...

— Вас вызывает начальник Зеленовского районного отделения НКВД,— позвонила мне телефонистка.

Я взял трубку.

— Только что над станцией прошел немецкий самолет,— доложил начальник районного отделения.— Курс на Уральск.

— Вы не спутали?— усомнился я.— Может быть, это наш?

Трудно было поверить! Все-таки фронт от Уральска в пятистах километрах, а вражеские аэродромы еще дальше...

— Нет, товарищ начальник, немецкий. Летел невысоко. Фашистские кресты были ясно различимы. Я сам видел...

Зазвонил внутренний телефон.

— Слушай!— загудел в трубке хорошо знакомый голос начальника гарнизона генерал-майора авиации Кравцова.— Сейчас над нами прошел на восток «юнкерс»!

Потом Кравцов сердито выругался. И было из-за чего!

— Сфотографировал, конечно, подлец, весь мой аэродромишко,— сокрушался генерал.

Итак, сомнения отпадали: прошел «юнкерс». Кравцов ошибиться не мог!

— Ничего не пойму,— признался я.— Что за трюк?

— Я тоже не могу понять,— признался и Кравцов.— Кажется мне, что не бомбить он прилетал. Только глубокой разведкой коммуникаций и можно объяснить этот полет...

С этим нельзя было не согласиться.

Разговор закончить не удалось: телефонистка прервала и переключила меня на начальника гарнизона войск НКВД по охране моста через Урал.

— Только что над нами прошел на восток «юнкерс»,— доложил он мне.— Мы успели дать очередь из пулемета, да, видать, безрезультатно. Но, между прочим, он пошел на снижение в сторону зауральских лесов...

«Попали?— мелькнула мысль.— Или вынужденная посадка? А не развернется ли он да не сыпанет ли в лесах парашютистов-диверсантов? Мост-то единственный! Вдруг подорвут!»— тревожно забилось в голове.

Я тут же переключился опять на генерала. Договорились: в район, куда пошел «юнкерс», вылетает штабной самолет для разведки местности с воздуха, а на автомашинах выезжает войсковая истребительно-поисковая группа...

Тревожно задребезжал междугородный телефон. Опять звонил начальник Зеленовского районного отделения НКВД.

— Позвонили со станции Озинки,— докладывал он.— «Юнкерс» обстрелял из пулемета пассажирский поезд километрах в трех по выходе его со станции Урбах. Результаты обстрела неизвестны, но поезд следует по маршруту...

Ни от самолета, высланного в район возможной посадки «юнкерса», ни от выехавшей туда же группы пока не было никаких вестей. Неизвестность, конечно, нагнетала напряженность.

Телефонистка связала меня с соседним Тепловским районным отделением НКВД Оренбургской области.

— Недавно курсом на Куйбышев прошел какой-то

самолет,— рассказывал дежурный по районному отделению.— Шел невысоко, но стороной от села, поэтому не разглядели, чей он.

Я посоветовал ему доложить об этом в Оренбург и «прочесать» трассу полета «юнкерса» на случай, если он выбросил парашютистов или листовки, а также попросил поставить нас в известность, если будут новости, относящиеся к проклятому «юнкерсу»...

Донесение о происшествии было уже в Алма-Ате, на столе у наркома внутренних дел Казахстана. Нарком доложил об этом ЦК партии. А мы с секретарем обкома партии А. С. Василевским обсуждали событие и связанные с ним меры.

Интересоваться районом Уральска фашистское командование имело причины. То, что «юнкерс» шел по линии железной дороги, а не степными просторами в междуречье Урал — Волга, видимо, имело определенный смысл. Воинские перевозки и объекты бомбежек интересовали фашистов. Такими объектами были, прежде всего, железнодорожные сооружения. Нарушить работу железнодорожной линии Илецк — Урбах — Астрахань — значит лишить фронт этого важнейшего и кратчайшего пути на восток, сорвать прибытие пополнения, боеприпасов, продовольствия и отправку в тыл эвакуированных.

Но и сам Уральск и его окрестности, несомненно, могли интересовать фашистское командование. Уральск был ближайшим узлом связи с Закавказьем, отрезанным оккупантами в результате захвата Северного Кавказа. Тут переваливались грузы, идущие железнодорожными и водными путями, тут пролетали самолеты ГВФ в сторону Закавказья и обратно. Несколько военных училищ готовили молодых командиров.

Одним словом, было чем интересоваться фашистской разведке, было что беречь от них советским людям. Понятно, почему нас так обеспокоило появление «юнкерса».

Через час после отправки сведений в Алма-Ату Василевского и меня вызвали на телеграф. В Алма-Ате у провода были Первый секретарь ЦК партии и нарком внутренних дел Казахстана.

— Доложите обстановку. Что там у вас происходит?— выстукивал аппарат из Алма-Аты.

Мы доложили все, что самим было известно, что мы предполагали и какие меры предпринимали и намечали на ближайшее будущее.

Только я вошел в управление — дежурный доложил:

— Начальник линейного отделения НКВД станции Уральск имеет экстренное сообщение.

Оказалось, что на станцию Уральск прибыл тот самый поезд, который был обстрелян «юнкерсом». Есть раненые.

Слишком дорого обошлось нам подтверждение полета «юнкерса»! Но теперь уже этого подтверждения не требовалось. Поступило сообщение: над Волгой, при попытке прошмыгнуть назад, фашистского стервятника «приземлили»... Но что если он успел-таки выполнить задание?

Полет «юнкерса» над Уральском остался мало известным населению. Но битва на Волге, налеты фашистской авиации на западные районы области, движение эвакуированных из районов боев — все это не могло не вызвать волнений у нас.

Первым тревожным симптомом было чисто локальное происшествие. В управление прибежал запыхавшийся паренек:

— Фашисты в Уральске! К нашей соседке бабке Ирине Парфентьевой двое стучались!

Дежурный управления — к бабке, первоисточнику «новости». Та поведала: час тому назад, когда она уже погасила огонь и ложилась спать, кто-то постучал в окно. Старушка зажгла свет, раздвинула занавеску, выглянула в окно и... обмерла. В окно уставились две усатые физиономии, увенчанные диковинными фуражками с четырехугольным верхом.

Позже выяснилось, что через станцию следовала группа военнослужащих польской добровольческой части, формировавшейся в Советском Союзе. Кое-кто из них пошел по ближайшим к станции домикам прикупить продуктов. Двое из них и попали к этой старушке.

В области было введено затемнение. Начали отрывать щели-убежища. Развернулось формирование добровольческих истребительных батальонов для борьбы с вражескими парашютистами.

Вскоре начались столкновения бойцов истребительных батальонов Урдинского и Джаныбекского районов с фашистскими парашютистами. Гитлеровцы усилили воздушные налеты на западные районы области.

Первые бомбы фашисты сбросили на овцеферму одного из совхозов, где-то на стыке Урдинского, Джангалинского и Фурмановского районов. В предрассветной дымке немецкие летчики, видимо, приняли кошары за нечто, показавшееся им ангарами. Ни одна бомба не попала в цель. Ферма не пострадала.

Но на станции Джаныбек фашистская авиация произвела разрушения. По поручению обкома я участвовал на одном заседании бюро райкома партии. Пока мы заседали, трижды налетали стервятники и бомбили станцию. Как свеча, сгорела у нас на глазах разрушенная прямым попаданием огромная, пятиэтажная, деревянной конструкции мельница. Одна из бомб угодила в полевой госпиталь. Были жертвы. Опасаясь за сохранность нефтебазы, райком партии тут же принял решение о вывозе нефтепродуктов. Невзирая на налеты вражеских бомбардировщиков, шоферы колхозов и совхозов вывезли горючее.

Фашисты бомбили Джаныбек, а невдалеке, на полевом стане, не прекращалась молотьба. И никто из колхозников не бросал работу и не бежал в укрытие. Километрах в трех от них чернела на земле громада рухнувшего самолета.

В одно из посещений Джаныбекского района со мной произошел интересный случай. На рассвете я подъехал к зданию районного отделения НКВД. Остановился у подъезда, поднимаюсь на крыльцо и по крытой галерее иду к входу в здание, расположенному со стороны двора. Только подошел к повороту галереи, как из-за угла вываливается... румынский солдат в полной походной, хоть и обтрепанной, форме. Увидев мои знаки различия в петлицах, бравый вояка лихо щелкнул каблуками, вытянулся и вскинул руку к характерной остроконечной меховой шапке.

Все объяснилось просто. Каким-то образом румын отстал от колонны военнопленных. Был он истощен, болен, двигаться не мог. Сердобольные милиционеры приютили его, отогрели, подкормили. И стал он хорошим конюхом при районном отделении.

...Битва на Волге подходила к решающей фазе. Стремясь сломить сопротивление советских войск, фашистское командование старалось парализовать наши тыловые коммуникации. Поэтому оно подвергало массированным налетам железнодорожную линию. Палласовка, Джаныбек и некоторые другие станции при этом серьезно пострадали.

Первоначально фашисты попытались было морально разложить тыл защитников волжской твердыни. Многие пожилые жители Урдинского и Джаныбекского районов, вероятно, еще помнят, как с фашистских самолетов посыпались на их поля тучи листовок. Но «специалисты по России» из гитлеровских шпионско-диверсионных и пропагандистских центров, как оказалось, не отличали Казахстан от... Азербайджана! Листовки, которыми они забрасывали поля Урдинского и Джаныбекского районов, были на азербайджанском языке. Потом фашисты спохватились. Однажды степные снега заалели яркими маками: небольшие, мягкого картона, под размер партийного билета листовки тысячами разлетались по полям. Расчет, видимо, был на то, что за «партбилет» ухватится каждый, поднимет, развернет, а там... На обложке все, что положено для партбилета, а внутри — типичные для фашистской пропаганды измышления и призывы покориться «великой Германии».

Однажды такой «почтальон» напоролся на наш истребитель. В коротком бою вражеский самолет был уничтожен.

Несмотря на бомбежки, дорога жила и действовала. Повреждения исправлялись, поезда шли. Потом была усилена противовоздушная оборона. Фашистское командование поняло, что разрушить эту коммуникацию одними воздушными налетами вряд ли удастся. Вот тогда-то и «посыпались» вдоль этой линии парашютисты. Дорога была «расписана» на участки, предназначенные для разрушения каждой отдельно действующей группой диверсантов.

Одна из первых групп парашютистов была захвачена бойцами истребительного батальона в Урдинском районе. Два парашютиста и парашют с металлическим контейнером попали в руки «ястребков». В контейнере оказался запас взрывчатки, патронов к пистолетам,

продовольствия, в том числе килограмм шоколадных конфет со специальной начинкой. Употребление конфет прогоняло сон: расчет на то, что диверсантам пришлось бы долго сидеть в засаде, выжидая удобного момента для совершения намеченного. Но самое главное: там была топографическая карта. На ней крестиком обозначен участок железнодорожного полотна, разрушение которого поручалось группе.

Потом попадались другие группы парашютистов. Все они, как по стандарту, были снабжены такими же картами и контейнерами.

Но и эта затея фашистов провалилась. Вывести из строя железнодорожную линию им не удалось. Насколько мне помнится, ни одного взрыва они так и не осуществили. Диверсантов либо уничтожали, либо вылавливали, но чаще всего они сами являлись с повинной.

...Эта ночь оказалась неспокойной.

— К вам просятся два командира-фронтовика,— доложил по телефону дежурный комендант.

Прибывали фронтовики часто. Кто по делам службы, кто по пути из госпиталя к месту назначения спешил навестить семью. Многие из них обращались в управление НКВД. Этих двух командиров я принял немедленно.

Вошли они в мокрых от растаявшего снега шинелях. У обоих через плечо противогазы. В кобурах пистолеты «ТТ». В руках солдатские вещевые мешки. На петлицах старшего и годами и званием командира, над тремя «кубиками» перекрещивались пушечные стволы — знак принадлежности к артиллерии. Он был невысокого роста, щупловат. Под белесыми небольшими усами как-то болезненно кривились тонкие губы. Глаза глубоко ввалились под нависшими, тоже белобрысыми бровями. А другой — пехотный лейтенант — ростом под потолок, так что, видимо, и сам сознавая избыток роста, давно уже привык несколько сутулиться. На круглом, до черноты смуглом лице особенно приметны черные глаза да, пожалуй, еще какие-то крапинки. Мощные кисти рук, должно быть, знали кузнечное или горняцкое дело.

— Старший лейтенант Кучевасов,— осиплым тенорком отрапортовал первый.

— Лейтенант Мельниченко,— густым простуженным басом представился второй.

Я ответил на приветствия и пригласил садиться. Разговор как-то не получался, вернее, не завязывался. Я ждал. А посетители смущенно переглядывались.

— Я вас слушаю, товарищи,— помог я им.

Кучевасов как-то вприщур глянул на Мельниченко. Тот и вовсе растерялся. Потом он что-то забубнил скороговоркой. Видимо, уловив по выражению моего лица, что я ничего не понимаю, Мельниченко встал во весь свой огромный рост, выпрямился и отчетливо, но с запинкой выпалил:

— Мы те, кого вы ищете... словом, мы из абвера. Сброшены самолетом позавчера ночью...

Сказал и... потянулся рукой к пистолету.

А мы действительно искали их уже вторые сутки. Искали и наши соседи — саратовцы. И днем и ночью поисковые группы войск НКВД и истребительные батальоны шарили по степи, искали в населенных пунктах.

В позапрошлую ночь, около полуночи, наши посты еле-еле уловили в завывании поземки слабый звук самолета, прошедшего с востока на запад через одно из «колен» железнодорожной линии Илецк — Саратов.

Немедленно сработала система оповещения и пришли в действие все средства, предназначенные для розыска и захвата парашютистов, несомненно, выброшенных самолетом,— иначе зачем ему тут летать.

В конце прошлой ночи одна из поисковых групп обнаружила человеческие следы на снегу. Метель стерла их основательно. Поиск шел по этим еле различимым следам. Долго они петляли, то исчезали, то вновь появлялись. Не раз человек приближался к железной дороге, и тогда следы исчезали, видимо, он шел по шпалам. А как только на пути попадалась станция, разъезд или одиночная будка, следы уходили в степь. Значит, вместо того, чтобы приблизиться к жилью, сесть в поезд, человек избегал людей. Он упорно двигался на восток.

Мельниченко молча вынул пистолет и положил на мой стол. Потом расстегнул сумку противогаза, извлек и положил портативный радиопередатчик. Потом то

же проделал, не произнеся ни слова, и Кучевасов. Только вместо передатчика в его противогазной сумке оказалось запасное питание для передатчика. Он же выложил на стол и переговорный код, предназначенный для связи с разведывательным центром абвера, пославшим их сюда. Сдали они и по объемистой пачке сторублевок.

...В конце концов следы привели одну из саратовских поисковых групп к оврагу. Там, под снежным завалом, и откопали этого пешехода, мертвого конечно. Младший лейтенант Курочкин следовал в командировку в один из военкоматов в далеком тылу, да вот неизвестно как угодил в этот овраг. Кроме обычных документов на имя Курочкина, у него оказался запас чистых бланков разных документов и... сто тысяч рублей.

С этим все было ясно: такие уже попадались. А другие? Где другие, выброшенные вместе с ним? Или его выбросили одного? Ни взрывчатки, ни рации при нем не оказалось. Может быть, у него было другое задание? Какое? К кому он шел?

Я не спешил реагировать на повествование Кучевасова и Мельниченко. Слушал молча. Надо было поразмыслить, разобраться, проверить...

— С нами выброшен еще один человек,— закончил Кучевасов.— Кто он, конечно, не знаем, но документы у него на имя младшего лейтенанта Курочкина...

Да, совершенно верно! Сообщение о Курочкине из Саратова мы уже имели.

Как обычно в подобных случаях, сейчас же началась запись сообщений парашютистов и розыск тех, кто вместе с ними, одним самолетом, или до них были заброшены врагом в наш тыл.

Эти сведения нас очень интересовали: надо было искать одних и готовиться «принимать» других диверсантов.

...Фашисты надеялись, что советские люди восстанут против власти. Ничего утешительного не смогли бы сообщить на этот счет своему «шефу» оберсту Шмидтке и его агенты, даже решись они выполнять его задания. Они могли увидеть и сообщить ему, что уральцы не покладая рук трудятся, что заводы Уральска работают намного выше своих плановых рас-

четов, что многие, самые крупные и лучшие здания, даже некоторые школы превращены в госпитали, и население с огромной любовью заботится о своих защитниках. Могли бы сообщить они и о том, что трудящиеся области по всем показателям выполняют государственные задания по производству и поставкам государству для нужд обороны хлеба, мяса, молока, масла, фуража. Сверх планов сдают государству в фонд Красной Армии эшелоны хлеба. Приютили они десятки тысяч эвакуированных женщин, детей, стариков, разместили их у себя. Обеспечили фуражом десятки эвакуированных совхозов и конезаводов. А ведь на полях-то работали одни женщины, старики да подростки: все способные носить оружие ушли на фронт. И еще могли бы они пронаблюдать и сообщить оберсту, как в тридцатиградусный мороз, после каждого бурана, тысячи уральцев выходили на очистку аэродрома, чтобы самолеты могли бесперебойно нести свою боевую службу.

Вряд ли подобные разведданные доставили бы удовольствие оберсту и его командованию! Но было в Уральске и нечто другое, что, конечно, заинтересовало бы его, передай об этом Мельниченко!

Впрочем, Мельниченко передавал в разведцентр оберсту собранные в Уральске «разведывательные» сведения. Передавал старательно, регулярно...

Уже на следующий день в Уральск прибыл представитель НКВД СССР капитан Волынский. Он выслушал Кучевасова и Мельниченко, сопоставил их показания с данными, имевшимися в НКВД. Говорили они правду. И сведения зафронтовой разведки, и данные, сообщенные ранее попавшими в руки органов НКВД в разных местах парашютистами-агентами, совпадали с показаниями Кучевасова и Мельниченко.

И капитан Волынский, и занимавшийся этим делом лейтенант Кондаков, и я пришли к общему мнению: игра стоит свеч. Кучевасов и Мельниченко стали выполнять задания оберста Шмидтке. В эфир ушла первая радиограмма Мельниченко о том, что группа благополучно приземлилась в заданном районе, только Викулов разбился. Потом, захоронив Викулова. они добрались до Уральска, осели, сфабрико-

вали себе документы из бланков, которыми снабдили их в разведцентре.

Шмидтке сразу же откликнулся на радиосигнал. Но он, разумеется, не был простаком. Ничего нового его лаконичные радиограммы не давали. Он не задавал вопросов, не давал никаких новых заданий и наставлений, он просто держался в пределах того, что уже было известно Кучевасову и Мельниченко, требовал выполнения задания.

В городе были военнослужащие — Мельниченко исправно отстукивал об этом оберсту. Над городом прогудели бомбардировщики — опять пошла радиограмма в разведцентр.

Одним словом, Мельниченко отстукивал оберсту каждый раз именно то, что в данный момент было выгодно для тех, кто насмерть стоял на волжском берегу, сдерживая натиск врага, пока наше Верховное Главнокомандование готовило западню для рвущихся к Волге захватчиков.

Видимо, фашистам эти «данные» казались убедительными. Эшелоны-то шли, самолеты летали, гарнизон в Уральске был! Наконец оберст Шмидтке начал действовать смелее. Он задал несколько вопросов. Из них, правда только предположительно, можно было сделать вывод, что Шмидтке, возможно, кое-что знает о районе Уральска, выходящее за пределы «информаций», представленных ему Кучевасовым и Мельниченко. Он требовал уточнить кое-что.

«Уточнение» требовало от нас осторожности: это могло быть проверкой Кучевасова и Мельниченко, могло стать ловушкой для нас. А нам надо было не только водить за нос оберста, но и соблазнить его «возможностями» высадок здесь новых агентов.

Из этого затруднения нам удалось выйти.

Тогда последовало такое, что Волынский, Кондаков и я крепко задумались.

Оберст поставил ряд вопросов, из которых явствовало, что он располагает данными, которые успел разведать и радировать «юнкерс», и теперь требуется «освежить» их или, что еще хуже, в районе Уральска орудует еще кто-то из его агентов и Шмидтке перепроверяет его, а может быть, наоборот, проверяет Кучевасова и Мельниченко.

Как быть?

Посоветовались с Москвой. Решение было найдено. Оберсту дали «сведения». Видимо, он удовлетворился ими.

Его «разведчики» Кучевасов и Мельниченко, превратившиеся в наших контрразведчиков, продолжали действовать. И небезуспешно. И их доля труда, выразившаяся в дезинформации противника, в какой-то мере способствовала победе наших войск в битве на Волге.

А гитлеровцы перешли-таки Волгу! Я не мог не подумать об этом, наблюдая колонны пленных фашистских вояк, следовавших под конвоем в наш глубокий тыл. Прибывали они на станцию Уральск эшелонами. Тут получали паек и следовали дальше. Для них война уже кончилась. По ним в родном фатерланде по приказу фюрера похоронно звонили колокола.

В. КОСТЫЛЕВ

ДАМА С ЖУЧКОЙ

Это было в 1943 году. Для развития успеха наступавших войск нашу 213-ю дивизию под командованием генерал-майора П. А. Шевченко перебросили по железной дороге в район Валуйки — Белгород. Пока шли эшелоны, фронт отодвигался все дальше на запад. Недавние места боев становились глубоким тылом. Полки выгружались и торопились вслед наступавшим частям к Северному Донцу.

Поля освобождались от снега. По дорогам бежала ручейками вода. Пушки, машины и брички с боеприпасами увязали на оттаявших дорогах. Бойцы на руках вытаскивали их из грязи. В валенках и овчинных полушубках они шли день и ночь. Бывалые солдаты знали, что надо быстрее попасть к месту боя, чтобы не дать противнику закрепиться на новом рубеже. И все-таки южнее Белгорода, на линии Маслово-пристань — Пуляевка — Северный Донец нам пришлось занять оборону, сменив обескровленную кавалерийскую дивизию.

Начались бои местного значения. Бойцы зарывались в землю, командование укрепляло оборону, а мы, работники особого отдела, изучали поступившее пополнение, передний край обороны, занятый дивизией.

Спешили с проведением мер, гарантировавших штабы и подразделения войск от проникновения вражеской агентуры. Все как будто шло хорошо. Но вот в апреле от старших оперуполномоченных полка Мартынова и Худайбергенова стали поступать сведения об исчезновении с переднего края наших солдат. Исчезали они по одному, ночью и из одного места.

Тщательная проверка тревожных фактов показала, что эти солдаты не могли ни дезертировать, ни перейти на сторону врага. Все они были комсомольцами, надежными бойцами.

Для разгадки этого чрезвычайного происшествия я выехал на место, взяв с собой работников особого отдела дивизии старшего следователя Трусова и оперуполномоченного Артемова.

Недалеко от Северного Донца, по берегу которого проходили наши окопы, на пригорке стоял кирпичный дом. Раньше в нем размещался сельсовет, в период оккупации — немецкая комендатура, а сейчас жили там три женщины: две сестры Федоровы и некая Мэри с сыном да маленькой комнатной собачкой Жучкой.

На наши вопросы, почему они остаются жить в опасной зоне, а не эвакуируются, Мэри за всех объяснила, что при немцах уйти не успели, а сейчас, мол, не к чему.

— Уж раз погнали немцев,— заявила она,— так и отсюда выгонят.

Объяснение было убедительным. Если бы не излишняя развязность Мэри и какая-то наигранность в голосе.

Во время войны всякое бывало. Многим не удавалось вовремя уйти от немцев. Некоторые оставались на оккупированной территории без видимых причин, но таких были единицы. С ними стоило знакомиться поближе. Мэри тоже нельзя было обойти, причем сделать это надо было так, чтобы не вызвать у нее никаких подозрений.

К вечеру были собраны сведения о Федоровых. Оставшиеся в селе престарелые жители отзывались о них неплохо. При немцах обе сестры вели себя достойно. Живут вместе с Мэри потому, что их домик сгорел. Младшая из сестер, Катя, дружила с сержантом ближайшей воинской части. Один или со своим товари-

щем он довольно часто приходил под окно дома и вызывал Катю.

Этой ночью сержант тоже вызвал ее из дома и они вместе пошли куда-то.

...У следователя Катя говорила, что Мэри — хорошая, отзывчивая женщина, никуда не ходит, ведет себя прилично, любит своего единственного сына. Когда они, Федоровы, попали в беду, сама пригласила их жить вместе. За все время Катя ничего плохого за ней не замечала.

— Может быть, на Мэри наговаривают из-за того, что она была женой старосты?— строила догадки Катя.— Но она же не поехала с мужем и немцами, а осталась здесь, и не одна, а с сыном...

Лишь начальнику особого отдела удалось убедить Катю не доверяться слепо Мэри, не делать поспешных выводов, а прежде понаблюдать, с кем она встречается, какие ведет разговоры, почему вдруг рассталась с мужем.

И знакомый сержант проводил Катю домой.

Вскоре Катя сообщила, что с Мэри действительно происходит что-то не совсем ладное. Днем она подолгу стоит у окна верхнего этажа дома и смотрит в сторону реки, а ночью, как всегда, выводит гулять свою собачку. Та, выбегая во двор, громко лает. Через какое-то время Мэри начинает тихо говорить с кем-то по-немецки.

— В прошедшую ночь,— сказала Катя,— мы долго не спали, и разговор Мэри на немецком языке с неизвестным слышала не только я, но и моя старшая сестра. Тут же сестра заметила: «Вот, оказывается, почему Мэри так твердо уверена в возвращении немцев».

Специально выставленные наблюдатели подтвердили сказанное Катей. Наши разведчики ясно слышали немецкую речь и засекли место, откуда появился немец: несплошной фронт позволил ему обойти наши посты и окопы.

Из окон второго этажа здания, где жила Мэри, хорошо просматривалась линия обороны участка с ее блиндажами, окопами и пулеметными гнездами, что не могло не интересовать вражескую войсковую разведку.

В ту же ночь обо всем этом мы сообщили в особый отдел армии, сделав вывод, что мы натолкнулись на агента, оставленного в нашем тылу немцами со специальным заданием. В этом же донесении просили разрешения использовать установленный канал связи для заброски своей агентуры в тыл врага.

В ответ через день особый отдел фронта прислал подготовленного ими разведчика для заброски в глубокий тыл немцев и внедрения его в одну из школ, готовящих разведчиков. Нам разрешили направить к немцам своего человека для разведки переднего края и ближайших тылов противника.

Снабженные тщательно продуманными легендами, дезориентирующими врага данными и необходимыми документами, оба разведчика были помещены в тот блиндаж, откуда до этого был выкраден немцами наш сержант. Днем демонстрировали замену одних солдат другими.

Мэри заметно нервничала, стала раздражительной. В течение двух ночей она, как обычно, выходила на прогулку с Жучкой, та лаяла, но немецкий связной не появлялся. На переднем крае обороны, кроме редких пулеметных и автоматных выстрелов да далеких артиллерийских залпов, ничего существенного не происходило. Только на третий день выход Мэри и Жучки сработал: немцы выкрали наших разведчиков.

По второму эшелону сразу же была объявлена тревога, как только стало известно о чрезвычайном происшествии. Работники особого отдела усиленно искали «дезертиров», пропавших из окопов переднего края. Это должно было дойти до ушей Мэри и немцев и успокоить их.

...Обер-лейтенант абвера Роберт был доволен. На этот раз при вылазке по сигналу Мэри ему попали русские солдаты из пополнения. О размещении войск и техники первого эшелона они знали мало, зато обо всем, что видели по пути на передовую, рассказывали. Выжать из них удалось довольно богатые сведения. Показания одного не противоречат показаниям другого.

— Тоже моя система — брать сразу двоих в одном месте,— похвалился Роберт.

«Языки» из солдат и сержантов, которых поставлял последнее время Роберт, теперь не устраивали

командование. Наблюдения Мэри были ценны, но ограничены небольшим участком. Обосновалась она удачно, но и ее было можно провалить, если злоупотреблять доставкой «языков». Хорошо, что комиссары и НКВД не догадываются, куда исчезают их солдаты. Удается их водить за нос только потому, что репродукторы день и ночь приглашают русских переходить к немцам. Узбекам обещают плов, казахам — бесбармак, украинцам — сало, все удобства и хлеба восемьсот граммов. Только переходи. Почему бы им и не перейти по своей воле?..

По графику, Мэри даст о себе знать через день. Хорошо, если к этому времени прибудет важный агент... Если не доставят вовремя, придется нарушить график...

...Катя, следившая теперь за каждым шагом Мэри, сообщала:

«После вывода Жучки на очередную прогулку в прошедшую ночь через непродолжительное время послышались шаги и затем немецкая речь. Во время разговора хозяйки с немцем Жучка ведет себя тихо. Видимо, так приучена или привыкла к этому человеку, поскольку они встречаются с ним не первый раз. На лай собачки немец приходит не всегда, а с перерывом в день или два. Когда Мэри возвращается в дом, на переднем крае слышится беспорядочная стрельба. Днем Мэри опять долго наблюдала из окон и что-то записывала. Моя сестра поинтересовалась, что она пишет? Мэри ответила: «Веду дневник». Делает она теперь это ежедневно, не стесняясь нас».

Дальше оставлять Мэри и активно действующий канал связи было опасно. Вторично его использовать мы не могли. Немцы готовились к наступлению. Особый отдел фронта дал указание поймать Мэри с поличным.

На следующую же ночь по тем местам, где немцы обычно проходили к нам в тыл, были выставлены секреты. Прошел день, другой, но никто на связь к Мэри не шел. На третий день, после того как протявкала Жучка, появились три человека. Все они без шума были взяты и доставлены в особый отдел. Один из них оказался офицером абвера и двое — младшими командирами войсковой разведки.

Абверовца сразу забрал особый отдел фронта. Раз-

ведчики же дали ценные показания. Они рассказали о появлении на нашем участке обороны новых воинских частей, подходе новых танков «тигр», самоходных орудий и другой техники. Эти сведения конкретизировали, уточняли и дополняли данные, полученные командованием ранее. О подготовке немцами наступления оно уже знало.

Встретившись в особом отделе с разведчиками, которые шли к ней на связь, и убедившись, что все ее дела с немцами известны, Мэри не стала запираться. Она рассказала, что при отступлении немцев с согласия мужа была завербована офицером абвера по имени Роберт для разведывательной работы в тылу. Для лучшей связи немцы оставили ей обученную комнатную собачку, которую ночью, в нужный момент, выводили на прогулку в условленное место. Громкий лай ее был отчетливо слышен по ту сторону Северного Донца и служил сигналом вызова на связь и подтверждением полного благополучия в делах Мэри.

По заданию немцев Мэри собирала сведения об огневых точках переднего края, расположении окопов, блиндажей, количестве находящихся в них бойцов, офицеров, их вооружении. Интересовали немцев и номера частей, фамилии командиров, сведения о подходе новых подразделений. Кроме того, для связи к Мэри были прикомандированы три немецких агента, работавшие в Белгороде. В дальнейшем через нее должны были идти немецкие разведчики и агенты в наш тыл. С этой целью немцы обстоятельно изучили все места удобного перехода Северного Донца.

При обыске у Мэри был изъят клочок бумаги с псевдонимами агентов из Белгорода. Военно-полевой суд приговорил шпионку к смертной казни.

В июне 1943 года, перед наступлением немцев, неожиданно появился наш разведчик Ефремов (условленный пароль «Россия»). Оказывается, после того как немцы при помощи Мэри «выкрали» его с переднего края, над ним долго «работали» разведчики абвера в лагере под Белгородом. Пройдя трудную проверку, бесконечные допросы, пытки и издевательства, он все же вошел в доверие. Офицер абвера завербовал его, дал задание проникнуть в штаб фронта или осесть вблизи его и с началом немецкого наступления по

сигналу красных ракет взорвать штаб, для чего снабдили его взрывчаткой.

Смущало одно: почему немцы дали Ефремову такое нереальное, авантюрное задание — «взорвать штаб фронта». Причем снабдили Ефремова недоброкачественными документами старшего лейтенанта, которые подписал несуществующий командир 85-й гвардейской дивизии генерал Ф. Н. Еременко. Это не было похоже на немцев. Уж очень грубой была «липа», не обдумано задание, неряшлив и неквалифицирован инструктаж Ефремова. Поэтому я прямо спросил разведчика, что же за этим кроется?

— Сам об этом думал, товарищ командир,— ответил Ефремов.— Они сильно торопились с переброской. Впечатление такое, что на них кто-то поднажал. Потом, они уж очень уверены, что на этот раз разобьют нас.

— Как вы должны были попасть в штаб фронта?

— Еще на первом допросе, когда обер-лейтенант абвера добивался, кого я знаю из командиров в своем полку и дивизии, я сказал, что фамилия командира полка такая-то, причем вставил одну неправильную букву. Обер-лейтенант меня поправил и потребовал рассказать все, что я знаю о командире дивизии. Я ответил, что ничего сообщить не могу. Если, мол, знал бы, что попаду к вам и вы будете этим интересоваться, расспросил бы все у своего дружка — шофера командира дивизии, с которым мы из одного села: он знает все начальство не только дивизии, так как возит своего командира в штаб фронта. Сначала как будто об этом немцы забыли, а когда стали направлять обратно, вспомнили и велели устроиться с помощью «дружка» в штабе фронта.

За время продвижения к месту переброски опытный, талантливый разведчик Ефремов собрал ценные сведения. Он еще раз подтвердил, что немцы стянули к нашей линии фронта большие силы. Начертил карту скопления частей, артиллерии, танков, указал некоторые штабы. Карта была сверена с другими данными, уточнена авиаразведкой и в основном подтвердилась. На места скопления противника и его техники были произведены массированные налеты нашей авиации, а также применены «катюши».

О делах второго разведчика Николая Филиппова,

переброшенного в тыл врага по заданию особого отдела фронта, я услышал при необычных обстоятельствах. Это было уже в ноябре 1943 года. Наша дивизия вела ожесточенные бои на подступах к Кировограду за село Верблюжка. Южная часть этого села находилась в наших руках, а северная — у немцев. Фронт был не сплошной. Условия для проникновения в наш тыл вражеской агентуры, отдельных разведчиков и даже целых воинских групп были благоприятными. Гитлеровцы использовали это.

На допросах заброшенный к нам немецкий агент Н. рассказал, что еще в школе разведчиков абвера он встречался с Николаем Филипповым и слышал от него, что под праздник Октябрьской революции в районе Кировограда, на участке такой-то немецкой части, готовится большая операция по заброске агентуры в тыл Советской Армии. Услышав, что об этом говорил наш разведчик, я понял, что Николай, не имея других средств сообщить нам о намерениях врага, решил рискнуть и использовать такую необычную возможность. Сведения, переданные Николаем, принял во внимание командир дивизии генерал-майор Буслаев.

30 октября 1943 года в местах предполагаемой операции были организованы группы усиления переднего края и выставлены секреты.

Шли уже шестые сутки, а никаких признаков активности со стороны немцев не было. Но вот рано утром 7 ноября в тумане на ряде участков переднего края началось наступление немцев мелкими группами. Мы с облегчением вздохнули: не подвел нас Филиппов.

На участке старших оперуполномоченных Фадеева и Луцко появилось человек тридцать-сорок немцев. В бинокль ясно было видно, что вооружены они двумя пулеметами, автоматами и гранатами, висевшими на ремнях. Некоторые из них были переодеты в красноармейскую форму. Группа по силе превосходила нашу больше чем в два раза. Но мы во что бы то ни стало должны были захватить их живыми, в крайнем случае хотя бы несколько человек.

Вражеские лазутчики шли в ста — ста пятидесяти метрах стороной от нашей засады. Было условлено пропустить их. Пятеро наших с пулеметами отдели-

лись, чтобы перекрыть отход вражеской группе. По сигналу открыли огонь. Несколько немцев упало. Фашисты растерялись и начали отход. Наши бойцы стали окружать группу, чтобы не дать ей уйти. В этот момент смертельно ранило нашего пулеметчика. Его место занял Фадеев и стал методично расстреливать немцев. В течение двадцатиминутного боя тринадцать немцев были взяты в плен, а остальные уничтожены.

Больше о славном советском разведчике чекисте Филиппове я ничего не слышал.

Д. КУСМАНГАЛИЕВ

ШТАБ — МЕСТО ЗАВЕТНОЕ

Весной 1944 года наш 206-й легкоартиллерийский противотанковый полк дивизии резерва Главного командования, в котором я служил оперуполномоченным особого отдела НКВД, после упорных боев совместно с другими частями наступающих войск овладел поселком Калисантупка, оседлал дорогу, идущую от Тарнополя на этот поселок. Так завершилось полное окружение крупных сил немцев в районе Тарнополя.

Атаками с тыла и фронта немецкое командование предпринимало отчаянные попытки выбить части наших войск из Калисантупки и прорвать кольцо окружения. Не переставая, били по поселку вражеские орудия различных калибров. В воздухе не стихал гул немецких самолетов. Волна за волной шли они со смертоносным грузом на расположение нашего полка. На позиции ползли немецкие танки, за ними шли автоматчики. Казалось, сейчас они неминуемо сомнут ряды наших войск, но этого не случилось. Снова и снова немцы откатывались на исходные позиции.

Командовал в то время полком Герой Советского Союза полковник Жагала. Он был обаятельным, но строгим человеком, любил образцовый порядок, особенно в штабе. Штаб воинской части — это ее сердце. Проникни в сердце вредоносная бацилла — пропала

часть как боевая единица. Окопается в штабе немецкий лазутчик — пойдет один провал за другим и не только в одной этой части.

....Я давно присматривался к старшему сержанту Дмитриеву, занимавшему в штабе полка должность старшего делопроизводителя, и еще к сержанту Хрипунову.

Дмитриев был замкнут, ни с кем не откровенничал, почти не бывал веселым. Даже в дни наших больших удач на фронте хмурился. Но у него был отличный, удивительно красивый и четкий почерк, а это для штабного работника не малое достоинство.

«В чем же дело,— думал я,— почему так живет человек? Кругом все бурлит, все радуются. Гоним же проклятых фашистов, гоним! А он...»

Сержант Хрипунов был полной противоположностью Дмитриеву: весельчак, рубаха-парень, хоть и невелик ростом, но хорошо сложен, ловок в движениях и даже, казалось, красив.

Я решил обратиться за помощью к Хрипунову, чтобы вместе с ним разгадать характер Дмитриева. Хрипунов стал приглядываться к Дмитриеву и заметил, что при наступлении немцев тот заметно оживлялся, настроение улучшалось, а при успешных боях наших войск он становился хмурым.

После боев под Калисантупкой настроение в полку было приподнятое. Каждый старался использовать короткую передышку: написать письмо родным и близким, привести в порядок обмундирование и боевое оружие, отдохнуть.

Хрипунов устроил в селе баню и пригласил попариться в ней старшего сержанта Дмитриева. Тот охотно согласился.

После бани оба пошли в санчасть полка к медицинский сестре «Блестящей». Кем-то данное это прозвище крепко прикипело к Марусе, и теперь ее иначе никто в полку и не называл.

— Пришли, Маруся, «наведаться»,— сказал Хрипунов.— Только что помылись в баньке и к тебе... подлечиться.

Маруся хорошо поняла своих «пациентов».

— Сколько можете выпить?— полушутя спросила она.

— При хорошей закуске, за чужой счет да на вольном воздухе лично я могу пить до бесконечности,— неожиданно и многословно пошутил Дмитриев.

Маруся внимательно посмотрела на него, но спирта не пожалела.

От выпитого «дружки» быстро захмелели. И Дмитриев вдруг разговорился, стал рассказывать о своей жизни до войны. Говорил много, туманно, ударялся в философию. О войне же сказал так: «На войне одни наживаются, другие из-за нее прощаются с жизнью. Одни завоевывают славу, другие — позор. Война, брат, такая штука, которая не прощает малейшего твоего просчета. Вот я, например, раньше твердо надеялся на победу немцев. В 1941 году сдался в плен, затем опять перебрался к своим, но, видать, просчитался...»

Хрипунов не удержался, начал задавать вопросы: где и с кем сдавался в плен, как назад вернулся. Дмитриев осекся: понял, что сболтнул лишнее и, притворившись совсем пьяным, стал молоть что-то вовсе несуразное.

Вместе с начальником особого отдела дивизии подполковником Компанейцем мы обсудили поведение Дмитриева и приняли предупредительные меры. Дмитриев, по имевшимся в штабе полка документам, числился уроженцем одного из сел Брянской области, откуда и был призван в Советскую Армию. Поискали односельчан Дмитриева. К счастью, во всей дивизии одного обнаружили. Веремейчик, подружившись с Хрипуновым, вскоре познакомился и с Дмитриевым. И выяснил, что Дмитриев не знает ни одного человека из села, уроженцем которого числился.

Мы запросили территориальные органы НКГБ и особые отделы. Все ответы были отрицательными. Никто из старожилов села, где будто родился и вырос Дмитриев, не опознал его по фотокарточке.

Зато из Главного управления контрразведки «Смерш» нам немедленно сообщили, что Дмитриев является агентом немецкой разведки и его настоящая фамилия — Кондратенко. Находясь в плену, Кондратенко-Дмитриев был завербован немцами, окончил разведывательную школу. Потом немцы специально слегка подстрелили его и раненого забросили в наш тыл.

Пролежав недолго в госпитале, Кондратенко-Дмитриев направился в действующую армию.

Проверка шла своим чередом, а той порой мы не спускали глаз с Дмитриева, надеясь установить его связных. Но дни шли, а связные не обнаруживали себя. Дальше оставлять его в полку не имело смысла. Мы арестовали вражеского лазутчика и отправили его в штаб фронта, а оттуда уж он был переправлен в Москву.

Штаб действующего подразделения всегда привлекает внимание противника. Поэтому ничего удивительного нет в том, что гитлеровцы не оставляли попыток засылать к нам своих агентов на протяжении всей войны. Потому и были постоянно начеку мы, работники особых отделов. Ротозей на войне всегда проигрывает, это ясно.

...Ну так вот, вспомнился мне еще один случай, связанный со штабом полка. Было это уже осенью 1944 года. Пытаясь задержать наступление советских войск в районе Перемышля, гитлеровцы предприняли несколько сильных контратак. Шли жестокие бои за каждую деревню, за крохотный поселок. Иногда немцам удавалось оттеснить наши передовые части.

Полк, которым теперь уже командовал гвардии подполковник Маградзе, после упорных боев, оставив одну деревню вблизи Перемышля, отступил по приказу на двадцать пять километров и развернул боевые порядки на окраине хутора, находившегося в сосновом бору.

Рано утром на второй день после отступления в одном из домов я встретил двух молодых женщин, одетых по-городскому. Я поинтересовался, кто они и откуда. Одна из них, очень красивая блондинка лет двадцати двух — двадцати трех, назвалась Любой, а вторая — тоже очень молодая женщина с грудным ребенком — Верой.

Они жители города Житомира, уходят в тыл вместе с отступающими нашими частями — так они ответили на мой вопрос.

Люба рассказала, что в пути ее ранило в ноги, и попросила меня посодействовать ей в получении медицинской помощи. Я поручил своему ординарцу старшине Бондаренко Александру Петровичу проводить

Любу в санчасть полка. Позже Бондаренко мне доложил, что Люба действительно ранена в ноги.

На второй день к вечеру наш полк получил приказ отступить на новые позиции. На лицах бойцов и офицеров тревога и усталость. Все знали, конечно, что это лишь временное, тактическое отступление, а все-таки оставлять хутора и села, завоеванные большим трудом и кровью, было обидно. А тут еще гнусная погода: весь день шел дождь с холодным пронзительным ветром. Настроение у всех было невеселое.

На четвертый или пятый день, точно уже не помню, кто-то из политработников штаба полка сообщил мне, что Люба распространяет среди солдат и офицеров слухи, будто наши войска отступят до Днепра, сдадут немцам Киев, и вообще нет, мол, такой силы, какая могла бы победить войска Гитлера. Выяснилось к тому же, что эта девица пристроилась к начальнику штаба полка майору Рыбалке, а тот, как установлено проверкой, оказался простофилей: допускал Любу знакомиться с оперативной картой. На карте же нанесены все воинские части армии, включая подразделения нашего полка. Пало подозрение и на Веру, которая тоже пыталась заводить знакомства с командирами.

Получив такие данные и опросив пять-шесть человек, я решил задержать и тщательно проверить женщин. При личном обыске Маруся «Блестящая» обнаружила у Любы небольшой блокнот, а в нем записи с наименованием наших действующих частей и данные о их командирах.

Задержанных женщин доставили в отдел контрразведки дивизии. Через десять-пятнадцать дней на оперативном совещании работников контрразведки дивизии подполковник Компанеец объявил, что Люба не только рассказала о своей принадлежности к немецкой разведке, но и уличена в этом документами. Окончив Киевскую разведывательную школу немцев, она была заброшена в наш тыл с заданием вести антисоветскую пораженческую агитацию среди солдат, офицеров, а заодно и собирать шпионские сведения.

Вера оказалась ни в чем не повинной. Не желая оставаться на оккупированной территории, она следовала с нашими частями, а ее встреча со шпионкой — чистая случайность.

...Приближалась зима 1944 года. Наши войска на всех фронтах перешли в наступление. День за днем, шаг за шагом мы продвигались вперед и вскоре перешли границу Польши. И во все дни войны до самой победы мы следили за тем, чтобы враг не проник в наши подразделения, а особенно в сердце полка — его штаб. Потому что штаб — место заветное, как любил говорить полковник Жагала.

В. ШЕВЧЕНКО

В ЛОГОВЕ ВРАГА[1]

ПОТОМОК ГРУЗИНСКИХ КНЯЗЕЙ

За открытым окном слышалась немецкая речь. Изредка доносились пронзительные гудки легковых автомашин, стрелой проносившихся по одной из самых фешенебельных улиц Берлина. В этом вычищенном дворниками до блеска районе столицы третьего рейха как-то не чувствовалось, что идет грозная мировая война. О ней напоминали разве только бумажные крестики, наклеенные на стекла.

В гостиной, уставленной тяжелой мебелью, уютно расположившись в мягких креслах, беседовали двое: пожилая полнеющая женщина, смуглый цвет лица которой и черные глаза как-то не гармонировали с сединой волос, и молодой человек лет тридцати, такой же смуглый, с черными волосами.

В немецкой гостиной звучала мягкая грузинская речь.

— Дорогой Сано,— ласково говорила женщина.— Наконец-то закончилась эта проклятая проверка... Что поделаешь — война. Никто не верит друг другу. А ты ведь пришел с той стороны. Пойми сам, дорогой, как все это сложно... Но теперь все позади. Не обижайся на них. Я-то сразу узнала тебя, сына моей подруги.

---

[1] Рассказ построен на основе действительных событий и фактов. В нем изменены лишь подлинные имена действующих лиц и некоторые сопутствующие обстоятельства.

Если бы жив был мой Фридрих, как бы он порадовался вместе со мной этой встрече! Ты был бы у нас вместо сына...

— Я все понимаю, фрау Мюллер. Я вам бесконечно благодарен за все. Я отдам жизнь за того, кто мне сейчас покровительствует.

— Милый мальчик, сколько тебе, наверное, пришлось выстрадать...

— О! Не вспоминайте, фрау Мюллер. Теперь я за все отомщу. За себя, за своих родителей и за вас, княгиня Товнадзе... Простите, я хотел сказать, фрау Мюллер...

— Ничего, мой дорогой, я нисколько не обижаюсь, когда ты называешь меня так. Это мне напоминает мою родину, виноградники отца, родовой замок... Кто знает, кто знает, мой милый, может быть, я доживу до тех дней, когда приеду в гости в замок князя Сано Потоберидзе.

Сано изысканно поклонился.

— Высокочтимая княгиня, надеюсь, что вы поможете мне в этом. Я должен доказать свое усердие на службе фюреру.

— Именно об этом, мой мальчик, я и хотела говорить сегодня с генералом Обергандером, большим другом моего покойного Фридриха. Именно поэтому и пригласила сегодня его в гости... Генерал Обергандер — важная персона. Он тебе поможет...

В дверях раздался звонок.

— А вот и он.

...В комнату вошел высокого роста, безукоризненной выправки генерал.

Фрау Мюллер представила ему своего молодого друга.

— Знакомьтесь... Это Сано... Сано Потоберидзе, сын моей лучшей подруги детства, отпрыск грузинских князей. Ему повезло наконец. Удалось бежать от Советов... Хочет стать верным солдатом фюрера.

— Хайль! — Сано резко вскинул руку.

— Хайль! — быстро, но гораздо менее энергично откликнулся Обергандер.

Несмотря на рекомендацию фрау Мюллер, он довольно холодно и недоверчиво оглядывал новоявленного солдата фюрера. Перебежчики вызывали у него

неприязнь. На них он смотрел, как на мину неизвестной конструкции, готовую ежеминутно взорваться. Правда, от протеже вдовы генерала Мюллера нельзя отмахнуться. Но спешить с благосклонностью явно не следовало. Однако Обергандер постарался придать своему лицу соответствующее моменту выражение.

Обергандер расположился в кресле и приветливо предложил Сано сесть рядом.

Фрау Мюллер, улыбаясь, сказала:

— Разрешите оставить вас одних. Я приготовлю кофе. У меня сохранились кое-какие довоенные запасы.

Фрау Мюллер вышла.

— Поздравляю вас с прибытием к нам.— Генерал смотрел прямо в глаза Потоберидзе, подчеркивая, что видит его насквозь.— Вы правильно сделали. Только мы сможем установить подлинный порядок в мире. Кто нам помогает, может рассчитывать на благосклонность фюрера. Вы дальновидны, молодой человек. Вы верно определили, за кем будет победа. Словом, вы поставили на хорошую лошадь.

Сано выдержал пронизывающий взгляд генерала и с легким восточным акцентом, несколько обиженным тоном ответил на немецком языке:

— Господин генерал, я пришел не за наградами, не за чинами. Я пришел бороться с врагом. Мне ничего не надо. Дайте только возможность отомстить.

— Я слышал о кавказском характере. Так вот он каков!

— Я не только кавказец. Моя мать происходит из аристократической семьи. А у них я ничто... Я, Сано Потоберидзе, знающий несколько европейских языков... историю культуры Западной Европы... я бы мог быть губернатором в Тбилиси. А стал ничтожным человеком. Куда ни шагну — стоп! Драться, понимаете, хотелось, драться. А я молчал, улыбался, терпел до поры до времени. Письма фрау Мюллер хранил, как драгоценность. Ее восторженные отзывы о немецкой нации согревали мне душу... И я решил, давно решил бежать. А тут война... И вот я у вас. Это все, что я могу теперь сказать...

— Я знакомился с материалами проверки... Наконец, рекомендации фрау Мюллер открывают вам двери...

— Спасибо, я оправдаю ваше доверие.

— Такие люди, как вы, нам нужны,— продолжал Обергандер, не обратив никакого внимания на заверения Сано.

— Направьте меня в армию Власова... Я думаю, что там мое место.

— Власова?— переспросил генерал.— Нет, Сано, нет...

В это время в комнату вошла фрау Мюллер с чашечками дымящегося кофе.

— Совсем как шоколадница Лиотара!— воскликнул генерал.

— Шоколадница!— засмеялась хозяйка.— А как вы меня назовете, генерал, когда я принесу вам бутылку настоящего ямайского рома?

— Феей из сказки братьев Гримм!

Фрау Мюллер вышла, а Обергандер, прихлебывая небольшими глотками ароматный кофе, продолжал прерванный разговор.

— Нет, к Власову я вас не пущу. Пушечное мясо. Как я буду смотреть в глаза фрау Мюллер, когда рано или поздно вы превратитесь в мокрое место. У меня к вам другое предложение. Меня направляют на Восток, в Белоруссию. Не на прогулку, конечно. Партизаны! Вам это слово, надеюсь, понятно? Мне нужен переводчик. Вас это устраивает?

— Откровенно говоря, нет. Но я в вашем распоряжении, генерал...

— Ну вот и отлично. Будете у меня переводчиком. Готовьтесь в дорогу...

Обергандер посмотрел на Сано, как на предмет, который его уже больше пока не интересовал. Он перевел взгляд на входившую фрау Мюллер. Та с порога протягивала генералу бутылку искристого ямайского рома с улыбкой гурмана, знающего цену таким вещам.

Обергандер галантно склонил голову в знак благодарности, налил рюмку и медленно, смакуя, выпил. Сладкий огонь растекался по венам стареющего генерала, но прежде чем легкое опьянение овладело им, рассудок четко сработал: «Это лучший вариант — оставить его при себе. По крайней мере на глазах будет. Так верней. А если что...»

ПЕРЕВОДЧИК ГЕНЕРАЛА

Генерал Обергандер, входя в свой кабинет, со злостью хлопнул дверью. Схватил трубку, вызвал переводчика. Через несколько мгновений явился Потоберидзе, одетый в форму немецкого офицера. Он вытянулся в струнку перед Обергандером и отчеканил:

— Слушаю вас, экселенц!

Излишне подчеркнутая услужливость и старательность переводчика не нравились генералу. Но придраться он ни к чему не мог. Сано нес службу исправно. Что ж, может быть, это и естественно. Старается выслужиться. «Посмотрим, посмотрим...»

— Вот что, Потоберидзе. Сейчас приведут задержанного русского парашютиста. У него рация. Ха! Утверждает, что направлен для связи с партизанами. Нашел простачков! Нам давно известно, что партизаны имеют регулярную связь с Москвой. На кой черт им нужен еще радист! Нет, здесь что-то не то. Несомненно, его послали для связи с каким-нибудь агентом русских. Это надо выяснить. Прошу вас подготовиться к допросу.

Обергандер испытующе смотрит на Потоберидзе. Тот всем своим видом выражает готовность выполнить указание.

Но знал бы только этот фашистский генерал Обергандер, что творилось в душе «потомка грузинских князей». «Почему так подозрителен генерал? Уж не уловил ли он какую-то связь между выброской радиста и пребыванием его, Сано Потоберидзе, здесь, в логове врага? Если так, то что делать? Прежде всего ничем внешне не выражать своей тревоги и беспокойства. Иначе этот волк Обергандер сразу угадает неладное».

Так размышлял советский разведчик Потоберидзе, стоя навытяжку перед генералом.

— Что же вы стоите? Идите!

— Слушаюсь, экселенц!

* * *

...В кабинете генерала сидел молодой человек в ватнике, исподлобья поглядывал по сторонам настороженными синими глазами. Взгляд Потоберидзе скрестился с взглядом пленника. Сано презрительно сощурился и

посмотрел на генерала. Но сколько стоило ему усилий, чтобы сдержать мгновенный порыв тревоги, не выдать ничем, что он знает сидящего перед ним человека. И какого человека! Близкого друга, младшего лейтенанта государственной безопасности Володю Онищенко, того самого Володю, веселого, жизнерадостного парня, уполномоченного особого отдела полка, в котором Потоберидзе был начальником войсковой разведки.

Взгляд Володи, который уловил при входе Потоберидзе, был ясен, как приказ. Он как бы говорил: «Что поделаешь, попался. Уж такой я невезучий. Теперь конец. Но я думаю не только о себе. Жаль, что и говорить. Но важно и другое: ты вошел в доверие к врагу, и это здорово. Держись, ничем не выдавай себя».

Генерал начал задавать вопросы. Потоберидзе хладнокровно и сухо переводил каждое слово, с явным неодобрением посматривая на строптивого парашютиста.

Допрос не дал ничего нового. Радист по-прежнему утверждал, что по заданию командования шел на связь с партизанами. Однако места явки и пароль ни за что не хотел сказать. Как ни бился Обергандер, то угрожая ужасами пыток и смерти, то обещая жизнь, пленник стоял на своем.

— Ну, ладно,— устало сказал Обергандер.— Сейчас посмотрим, каков он на самом деле герой.

— Посмотрите, посмотрите!— твердо сказал Володя. В его голосе звенел металл.— Я приготовился к смерти, генерал.

— Да-а. Этот больше ничего не скажет,— задумчиво, как бы про себя, проговорил Потоберидзе.

Обергандер некоторое время молча смотрел на парашютиста. Потом махнул рукой.

— Уведите!

Когда эсэсовцы увели Онищенко, Обергандер тщательно протер очки, долго что-то мучительно обдумывал, потом обратился к Потоберидзе:

— Таких врагов я уважаю, Сано... Достойные враги! Но не понимаю их. За что борется этот мальчик, за что он идет на смерть. Не понимаю... Загадка, эти русские. Вы-то их знаете?

— Я не русский, экселенц. Но русские — это действительно загадка.

— Иметь дело с загадочным врагом, Сано,— это все равно что сражаться с невидимками... А теперь вы свободны... Когда будете нужны, я вас позову.

Потоберидзе, чувствуя на своей спине взгляд генерала, вышел из кабинета в зал, где сновало множество эсэсовских офицеров. Он радушно раскланялся с ними, а на душе было темно и хотелось горько плакать о русском парне Володе Онищенко.

К концу дня Обергандер снова вызвал Потоберидзе к себе.

— Не хотите ли прогуляться за город?

— Как вам будет угодно, экселенц.

— Да, мне угодно... Предстоит неплохое развлечение... Великолепное зрелище!

...Легковая автомашина миновала сосновый перелесок и остановилась на опушке. Здесь под охраной эсэсовцев люди копали землю. Из глубокой ямы на поверхность взлетали комья земли. Только один человек не работал. Он стоял на краю ямы и смотрел куда-то вдаль, на восток. Потоберидзе узнал в нем Володю Онищенко и сразу все понял. Людей привели на расстрел. Генерал распахнул дверцу автомашины.

— Пошли... Сейчас начнется представление...

Обергандер и Потоберидзе подошли к почти готовой яме. Генерал остановился напротив Онищенко:

— Почему не трудитесь вместе с коллективом?— Слово «коллектив» генерал произнес с нескрываемым презрением.— Ведь не на хозяев работаете, а на себя! Это нехорошо, молодой человек, смотреть, как другие работают на вас. Нехорошо...

Обергандер засмеялся. Всмотрелся в Володю, надеясь увидеть на его лице следы страха. Но Онищенко все так же молча смотрел вдаль, не обращая никакого внимания на Обергандера. Тот зло хлопнул по кобуре и приказал офицеру:

— Начинайте!

Солдаты стали выгонять людей из ямы. Те карабкались наверх, цепляясь за сырую осыпающуюся землю. Солдаты построили людей цепочкой. Володю поставили с самого края шеренги.

— Выше головы, друзья!— раздался звонкий голос Володи.— Выше головы!..

И согбенные фигуры выпрямились. Взоры людей устремились ввысь, куда-то поверх выстроившихся напротив фашистских солдат.

— Начинайте!— махнул рукой Обергандер.

Раздался залп... Упал, сполз в яму тот, кто стоял первым...

Второй залп. Рухнул, как подкошенный, другой...

«По одиночке расстреливают, сволочи»,— подумал с ненавистью Потоберидзе. Хотелось выхватить пистолет и выстрелить в упор в этого холеного генерала. Но надо было держаться. Сано чувствовал на себе любопытный взгляд Обергандера. Он знал, что тот устраивает ему еще один экзамен. Напрягая последние силы, Сано старался казаться равнодушным ко всему происходящему.

А залпы следовали один за другим. Обергандер встал напротив Онищенко и не сводил с него взгляда.

— Айн... цвай... драй...— считал он залпы.

Володя смотрел в глаза Обергандера, не мигая. Генерал искал в его взоре хотя бы малейший признак ужаса. Но не находил ничего, кроме презрения.

— Ну!— Обергандер выхватил пистолет.— Смерть и большевикам закрывает глаза!

Раздался выстрел, и Володя упал...

Только поздней ночью отпустил генерал Обергандер переводчика Потоберидзе. И когда Сано добрался до квартиры, силы покинули его. Сано бросился на кровать, зарывая в подушку горячую воспаленную голову. Его трясло, будто в лихорадке. Мысли путались. Сано стал забываться в тяжелом тревожном сне... И вдруг больно сжалось сердце. Сознание вернуло его к страшной реальности. Что дальше делать? Как связаться с центром? Ведь без связи он не опасен для врага. Но теперь не время думать об этом. Сейчас надо уснуть, отдохнуть. Утром Обергандер наверняка встретит его своим пронизывающим недоверчивым взглядом. Нельзя давать генералу и малейшего повода подозревать, что его переводчик провел бессонную ночь.

Но утром Обергандер не мог анализировать состояние своего переводчика. Впервые за долгую жизнь он просидел всю ночь напролет в окружении бутылок с французскими винами. Раньше он презирал таких людей, которые топили в стакане безволие и малодушие,

не умея управлять своими чувствами. А теперь генерал сам походил на них, не в состоянии побороть, заглушить в себе страх.

За пустыми бутылками и застал Обергандера пришедший утром Потоберидзе. Он был подтянут и элегантен, как обычно. Окинув взглядом генеральский кабинет, Сано моментально оценил обстановку и сразу успокоился, увидев свое превосходство над противником.

— Доброе утро, экселенц!— звонким голосом отчеканил вошедший, делая вид, что состояние генерала его ничуть не поразило.

— Да, да. Утро, утро, Сано. Садитесь,— вялым, приглушенным голосом проговорил Обергандер, указывая рукой на стоявшее возле столика пустое кресло. И уже с какой-то завистью, взглянув на переводчика, продолжал:— А вы отлично выглядите!

— Я всегда себя хорошо чувствую, когда вижу, что слабеют силы противника. Вчера вы дали мне возможность убедиться в этом еще раз.

— Вчерашний расстрел — это капля в море,— по-своему истолковав слова Потоберидзе, продолжал Обергандер.— Нужно массовое уничтожение русских. Я один из тех, на кого фюрер возложил эту миссию. Начинать, Сано, надо с партизан. Они, как назойливые мухи, мешают нашему командованию, особенно на железнодорожных коммуникациях. В этом вы нам и поможете. Черт побери! Кто, как не вы, должен знать психологию советских людей. Поезжайте в лагеря. Подберите из пленных несколько русских, таких же, как вы,— ненавидящих Советы. И тогда я осуществлю свои планы. Ведь эту ночь я не только пил вино... Вы поняли меня?

— Так точно, экселенц!— на этот раз действительно радостным голосом воскликнул Потоберидзе.

— Вот и хорошо. Пока будут готовить документы, можете отдыхать. А завтра в дорогу. Сегодня я больше не задерживаю вас.

Потоберидзе поднялся, поклонился генералу и направился к выходу.

ВОЕННОПЛЕННЫЙ № 1002

Высокий, чуть сутуловатый эсэсовский офицер внимательно рассматривал документы Потоберидзе. Личный переводчик Обергандера вызывал у немца неприязненные чувства. Он привык видеть советских людей за колючей проволокой. А этот, сидевший перед ним с надменным видом и в форме немецкого офицера, имел неограниченные полномочия от очень высокопоставленного лица. Последнее обстоятельство и смущало и раздражало эсэсовца настолько, что он не выдержал и спросил:

— Чем это вы заслужили такое доверие?

Сано почувствовал, что ответ во многом предопределит его дальнейшие отношения с лагерной администрацией.

— Я считаю, господин комендант,— он умышленно не назвал его чин,— ваш вопрос выходящим за рамки моего поручения. У меня скромные обязанности, к которым я и хотел бы немедленно приступить. Для этого мне необходимо, в первую очередь, познакомиться с картотекой на военнопленных.

Комендант побагровел, однако сдержал себя, решив не обострять отношений с гостем. Черт его знает, какие отношения у переводчика со своим генералом. А обширные и влиятельные связи Обергандера коменданту были хорошо известны.

Шли к концу четвертые сутки пребывания Потоберидзе в лагере. В то время как мысли целиком были поглощены предстоящим делом, душа Сано не могла найти покоя. Еще не сгладились переживания от потери друга, как прибавились новые, от всего увиденного в лагере. Но самые мучительные страдания приносило презрение, уничтожающие взгляды своих соотечественников, томящихся в неволе. Конечно, в их представлении Сано был хуже немцев. Фашисты — просто враги, а он — изменник, предатель. И как ни горько было на душе, но Сано не имел права выдавать свои переживания.

Военнопленный Николай Иванов, значившийся в лагере просто под номером 1002, упорно не хотел отвечать на вопросы и даже смотреть на переводчика

Обергандера, принимая его за самого последнего негодяя.

А для Потоберидзе откровенный разговор с этим человеком сейчас был нужнее всего. Сано уже навел кое-какие справки о нем. Иванов оказался военным летчиком, взятым немцами в горящем самолете. В лагере он вел себя замкнуто, тихо. Лагерное начальство предполагало приблизить его к себе, поэтому до поры не трогало.

Но как, как расшевелить этого угрюмого парня? Сано подходит к нему и кладет свою широкую большую ладонь на его исхудалое жесткое плечо. Кладет, как близкий, добрый друг, стараясь передать всю теплоту своего сердца. Николай с удивлением поднял глаза на Потоберидзе. Взгляды их встретились. Долго они смотрели друг на друга. Каждый хотел понять мысли другого. Сано снимает руку с плеча Николая и тихо говорит:

— Я сам отведу вас в барак. Идемте.

И как только вышли во двор и миновали караул, Потоберидзе продолжил:

— Постарайтесь, Коля, выслушать меня и понять. В помещении я не мог откровенно говорить с вами, там нас могли подслушивать. Сейчас я скажу нечто чрезвычайно важное не только для вас и меня, а главным образом для нашей Родины...

И Сано заговорил. Заговорил страстно и убежденно. Он объяснил Коле, почему оказался у немцев и носит их форму. Рассказал о расстреле Володи Онищенко, зачем прислал его в лагерь Обергандер и как решил он перехитрить этого матерого фашистского зверя. Потом подробно проинструктировал Николая, как тот должен вести себя при встрече с Обергандером, чтобы успешно выполнить поручение Потоберидзе. В заключение Сано категорически от имени Родины запретил Николаю рассказывать кому-либо о всем услышанном.

Вечером, оставшись наедине с самим собой, Потоберидзе в который уже раз перебирал, анализировал события прошедшего дня. Сумеет ли Иванов выдержать экзамен Обергандера? От этого будет зависеть не только жизнь его, Потоберидзе, а еще очень и очень многое...

...Обергандер выехал в лагерь военнопленных тотчас же, как только получил сообщение от своего переводчика. А спустя несколько часов он уже в присутствии коменданта лагеря внимательно слушал доклад Потоберидзе.

— Этот человек,— спокойно говорил Сано,— давно обратил на себя внимание господина коменданта. На мою долю осталось немногое. Мне пришлось только завершить процесс обработки...

— Да, да!— поддакнул комендант, кивая головой, довольный похвалой Потоберидзе. А Сано продолжал обстоятельно и подробно излагать ход своей работы, стараясь при каждом удобном случае выпятить заслуги местной администрации.

Выслушав Потоберидзе, генерал приказал доставить военнопленного Иванова. Вскоре перед ним предстал совсем еще юноша, невысокого роста светловолосый человек. Некоторое время Обергандер молча смотрел на вошедшего, пронизывая его своим колючим, холодным взглядом. Потом спросил:

— Что же вас привело к желанию служить нам?

Пленный, стоя все так же смирно, начал грустным тихим голосом:

— История эта длинная... Я рассказывал ее адъютанту господина генерала. Главное в том, что чаша весов в этой войне клонится в вашу сторону, а я молод... Душой и сердцем я летчик. Мои идеи не на земле, а в воздухе. А небо принадлежит его покорителям, в числе которых хочу быть и я.

— О! Вы романтик,— вставил Обергандер.

— Возможно,— все так же спокойно продолжал Иванов.— Потому я и согласился на сделанное мне предложение.

— А почему вы не говорите о своих счетах с большевиками?— опять бросил реплику генерал.

— Потому что вам уже известно об этом. И не от меня... Не люблю плохое вспоминать. К тому же это и не счеты с большевиками... Это был страх перед ними. Я с детства мечтал о карьере летчика. Но я был сын кулака, и путь в небо тогда мне был закрыт. И чтобы стать пилотом, мне пришлось скрыть свое происхождение. С тех пор возможное разоблачение лжи всегда висело над моей головой... А теперь еще и плен...

— На что же вы рассчитываете, молодой человек?

— На вашу победу, господин генерал. Если я останусь жив к концу войны, то за мои скромные заслуги, надеюсь, великая Германия разрешит мне быть летчиком, хотя бы в транспортной авиации. Больше мне ничего не надо...

— Разрешит! Разрешит!— театрально, с пафосом воскликнул Обергандер, удовлетворенный объяснением военнопленного. Он с одобрением посмотрел на Сано, а тот слегка наклонил голову в знак признательности.

После ухода Иванова Обергандер, обратясь к присутствующим, сказал:

— Я доволен вашей работой. Редкий экземпляр фанатика. Теперь надо приступать к осуществлению второй части операции. Нужно тщательно подготовить № 1002 к побегу. А чтобы партизаны ему поверили, он из лагеря побежит не один. Подготовим ему группу пленных, большую часть которых расстреляем при побеге. Трех-четырех оставим в живых. Для большей правдоподобности. Теперь за дело, господа...

В ЛЕСУ

В тесной, прокуренной едким махорочным дымом штабной землянке было людно и шумно. Только что закончилось партсобрание широко известного в этом крае партизанского отряда «Истребитель». Коммунисты еще не успели разойтись, когда возвратился дежурный с поста боевого охранения. Прямо с порога вошедший взял под козырек и, обращаясь к сидевшему за импровизированным столом уже не молодому человеку, отрапортовал:

— Товарищ командир! На посту номер один задержаны четыре человека. Говорят, что бежали вчера ночью из лагеря военнопленных. Ищут в лесу партизан.

Командир отряда повернулся к стоявшему справа от него стройному высокому мужчине и спросил:

— А что известно начальнику нашей разведки по данному вопросу?

— По данному вопросу действительно известно, что вчера ночью из лагеря был совершен побег. Местные жители говорят, что при побеге многих перестре-

ляли. Сегодня весь день в ближайших от лагеря деревнях немцы рыскали с собаками. Сведениями о характере побега пока не располагаем...

— Сведениями о характере побега не располагаем...— повторил командир, усиленно потирая широкой ладонью свой изрезанный глубокими морщинами лоб. Потом встал, тщательно одернул гимнастерку и, обращаясь к начальнику разведки, решительно сказал:

— Пошли, Мироныч. Посмотрим, что за людей прибило к нашему лагерю.

Через некоторое время, отлично ориентируясь в привычном мраке глухой пущи, командир отряда и начальник разведки подходили к хорошо замаскированному посту, выдвинутому далеко от основной базы партизанского отряда. Здесь под охраной партизан и находились бежавшие из лагеря военнопленные.

— Кто хотел меня видеть?— спросил командир отряда, приближаясь к группе людей, сидевших на земле.

Все встали. Один, отделившись от остальных, сделал шаг вперед и четко произнес:

— Летчик Николай Иванов! У меня к вам личная просьба.— И совсем тихо добавил:— Должен сообщить сведения, предназначенные только для вас.

— Ну что ж, личные вопросы полагается обсуждать без свидетелей,— подхватил командир отряда предложенный Николаем тон.— Пойдемте со мной.

А несколькими минутами позже командир подозвал к себе начальника разведки и тихо сказал:

— Мироныч! Пленный говорит, что адъютант Обергандера — наш, советский разведчик. Он-то и организовал побег из лагеря. Просил срочно связаться с центром... Это уж по твоей части... А пока не придет ответ,— командир «Истребителей» обратился к Николаю,— придется всех вас взять под стражу. Таковы законы военного времени...

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Генерал Обергандер сидел за столом вместе со своим переводчиком Сано Потоберидзе. Стол был накрыт на две персоны. Генерал находился в отличном на-

строении. Еще бы! В Берлине был одобрен его план по ликвидации партизан. И одновременно с этим — приятное письмо из дому и ящик рейнского вина из собственного подвала. И, наконец, сигнал о том, что агент, заброшенный к партизанам, благополучно проник в их отряд. Этих поводов было достаточно для хорошего расположения духа, и генерал решил распить со своим переводчиком бутылку-другую вина. Последнее время, особенно после вербовки агента № 1002, Обергандер больше стал доверять Потоберидзе. Да и как было не доверять? Сано вел себя безукоризненно, не интересовался тем, чем не следовало, допросы вел строго. Немудрено, что, заканчивая вторую бутылку, генерал расхвастался.

— Вы слышали, Сано,— продолжал генерал,— о плане фюрера по истреблению побежденных народов? Слышали. Очень хорошо. Знайте же, что фюрер только подписал этот план, а идея...

Потоберидзе включил приемник, и в комнату полились нежные звуки. Генерал продолжал:

— Слышите, Сано? Идея плана по истреблению населения занятых территорий принадлежит мне. Это я предложил фюреру, что все сознательное взрослое население, особенно мыслящие существа, надо физически уничтожать. Великой немецкой нации нужны рабы. Понимаете, рабы. Вот что нам требуется.— Генерал долго еще говорил. Чем больше он хмелел, тем становился откровенней и циничней...

В кабинет постучались.

— Войдите,— голосом уже сильно захмелевшего человека ответил генерал.

В дверях стоял дежурный офицер гестапо.

— Господин генерал, сейчас приходил доктор из местной больницы. Им получен второй сигнал, которым изволит интересоваться ваш переводчик.

— Отлично!— Обергандер, казалось, отрезвел.— Идите! Мой переводчик сделает все остальное.— И, обращаясь к Сано Потоберидзе, добавил:— Друг мой, это 1002 прибыл на явку. Принесите мне сведения, которые я с нетерпением жду, и считайте, что «Железный крест» на вашей груди.

«Приберегите его для своей могилы, генерал»,— мысленно ответил Сано и вышел.

МЕСЯЦ СПУСТЯ

Осенний дождь хлестал по пустынной булыжной мостовой. На улице показался одинокий силуэт. Закутанный в форменный офицерский плащ, мужчина остановился у фонарного столба.

Офицер достал портсигар, не торопясь, вынул сигарету. Прикрыв зажигалку ладонями от ветра, закурил, торопливо и небрежно опустил руку с портсигаром в карман. Не заметив, что портсигар выпал на мостовую, размашисто зашагал вперед.

Наблюдавший за ним человек вышел из укрытия, быстро подошел к фонарю, поднял портсигар, крикнул:

— Господин офицер!

Офицер остановился.

— Вы обронили что-то!

Человек в плаще взял портсигар, даже не взглянув на окликнувшего его незнакомца, кивнул головой в знак благодарности и быстро пошел на веселые огни офицерского казино.

Там он уселся за отдельный столик. Медленно утирая лицо платком, осмотрелся вокруг. Потом открыл портсигар, достал сигарету, закурил, мечтательно о чем-то думая. Удостоверившись, что никто не обращает на него внимания, смял недокуренную сигарету, достал из нее бумажку. Там было написано: «Передаем указание Центра: сегодня ночью операция «Мститель» заканчивается. Необходимо прибыть к 1.00 на пятый километр по маршруту 3А. Если будет возможность, осуществите вариант № 2».

«Операция «Мститель» заканчивается»... Вот чем была вызвана внеочередная встреча с Сано Потоберидзе. Это его новый связной так умело подменил нарочно оброненный Сано портсигар... Значит, у наших есть какие-то тревожные сигналы... Вариант № 2... Трудно, но необходимо... Потоберидзе зримо представил план осуществления операции.

Бросив бумажку вместе с окурком в пылающий камин и убедившись, что они сгорели дотла, Сано вышел на улицу и направился в резиденцию Обергандера.

Генерал приканчивал очередную бутылку. За последнее время он частенько стал принимать это «лекар-

ство». Да и как было не прибегать к нему, когда вести с фронта не утешали, а последняя так тщательно подготовленная операция против партизан потерпела крах. Его недоброжелатели уже успели об этом сообщить фюреру и говорили, что тот был крайне недоволен Обергандером.

Генерал снова и снова возвращался к анализу своего провалившегося плана. Где было слабое, уязвимое место? Как могло получиться, что вместо партизан в ловушку попались его карательные отряды? А что если партизаны разгадали маневр с агентом 1002? Или, быть может, агент сам рассказал партизанам, зачем его послали немцы? А вдруг?!.. Ведь шеф гестапо рекомендовал Обергандеру держать подальше Потоберидзе от дел...

Ход мыслей генерала был прерван появлением переводчика.

— Вы очень кстати, Сано,— оживился Обергандер,— садитесь. Давайте подумаем вслух о неудачах, свалившихся на нас в последнее время.

— К вашим услугам, генерал! Но вряд ли мне посильна такая задача. Я ведь не посвящен во все детали вашего плана.

— А что вы скажете в отношении 1002?

— Мой генерал! 1002 расстрелян партизанами. Он отдал жизнь за фюрера.

— Да. Но я не видел агента мертвым, а найденные в лесу его документы и записка партизан — это еще не доказательство.

— Однако все это подтвердили верные нам люди...

— Верные люди! Верные люди! Где они? Что мы знаем о них? Вот вы тоже пришли с той стороны. Вы, Сано, верный человек?— генерал вскинул на Потоберидзе жесткий, сверлящий взгляд.

Сано не отвел взора. Долго они смотрели друг другу в глаза, потом генерал устало опустил веки, тяжело вздохнул.

— Вот почему я хотел воевать в частях генерала Власова,— сказал Сано.— Я догадывался, что при неудаче вы постараетесь сделать меня козлом отпущения. Мне пришлось кое-что предпринять на такой случай. Не забывайте, экселенц, о фрау Мюллер. А ее связи... О! Она их пустит в ход в нужный момент. Ведь

в ней течет грузинская кровь и чувство мести ей не чуждо... Впрочем, все это я говорю напрасно... Вы сами понимаете абсурдность ваших подозрений...

— Ну, ну! Я погорячился, Сано, нервы... Давайте реалистически подойдем к создавшемуся положению. Итак, что нам известно об убийстве партизанами 1002?

— Пока немного. Сегодня у меня встреча с человеком, рассказавшим о гибели 1002. Выясню подробности смерти и тогда... Может, у вас будут дополнительные инструкции на этот счет?

— Инструкции будут на месте... Едемте... Хочу видеть его лично. Вызовите шофера...

— На вызов нет времени, экселенц... Моя машина у подъезда...

— Отлично! Пошли!

Сано помог слегка покачивающемуся генералу сесть в машину.

Автомобиль мчался навстречу дождю и ветру. Водяные потоки на смотровом стекле искажали все видимое. Дома, деревья казались какими-то странными, изломанными.

— Куда мы едем?— встревоженно спросил Обергандер.— Город уже позади.

— Сейчас прибудем,— спокойно ответил Сано.— Недалеко осталось...

Заскрипели тормоза. Машина остановилась...

— Здесь!— сказал Сано.— Тот человек сейчас придет.

— Что такое?— вскрикнул генерал, заподозрив, что попал в ловушку. Генерал выхватил пистолет, направил его на Сано... Но выстрела не последовало.

— Напрасно стараетесь, ваш пистолет я разрядил...— Сано держал фашиста под дулом своего пистолета.

— Прекратите этот спектакль!— крикнул генерал.

— Это не спектакль. За тысячи замученных вами невинных людей вас ждет смерть.

— Вы шутите, Сано...

— Нет, генерал.— Потоберидзе с презрением смотрел, как от ужаса всем телом задергался генерал.

Рывком Обергандер открыл дверцу, бросился в темень. Но вслед ему сразу прозвучало два выстрела...

Сано подошел к распростертому на мокрой земле

генералу. Зашуршали кусты. Из лесу вышли трое. Это был командир партизанского отряда «Истребитель», начальник разведки и Николай Иванов.

Сано обратился к начальнику разведки, с которым последнее время поддерживал связь:

— Вариант № 2 выполнен!

— Ну и отлично!— Начальник разведки крепко пожал руку Потоберидзе, представляя ему командира партизанского отряда.— А теперь бросайте в машину свои документы и мундир. Больше они вам не понадобятся... И генерала туда же...

Через несколько минут раздался оглушительный взрыв. Генеральская машина разлетелась на куски...

— Вы «погибли» вместе с генералом,— сказал начальник разведки.— Пусть думают, что это месть партизан.

Небольшой отряд мстителей шел по глухой тропинке, направляясь в глубь леса. Впервые за много месяцев разведчик Сано Потоберидзе оказался в окружении своих, таких родных ему советских людей.

П. БЕЛАН

БЕССМЕРТЕН ПОДВИГ ГЕРОЯ

Всмотритесь, читатель, в фотопортрет этого юного лейтенанта пограничных войск. Ему всего лишь двадцать два года. Но лицо его серьезно, взгляд сосредоточен, выражает внутреннюю собранность и готовность к немедленному действию. Таким и был в жизни Федор Федорович Озмитель. Он любил и умел поработать и весело отдохнуть.

Но лучше обо всем по порядку.

Родился Федор Озмитель в 1918 году в поселке Линовицком Мартукского района Актюбинской области. Детство ему выпало нерадостное. Мальчику едва исполнилось три года, когда умер его отец. Потом был отчим, так и оставшийся чужим человеком для детей. Да и достатка в семье не было. Три зимы только и походил Федя в школу, а потом отчим сказал: «Ну будет, выучился. Ступай работать, помогай семье, я ведь тоже не трехжильный такую ораву тянуть».

А впрочем, Федор Федорович не любил вспоминать плохое. Зато как просветлялось его лицо, когда он рассказывал о своем школьном учителе Иване Петровиче Кривенко и его жене. Чудесные они были люди. Душу отдавали поселковым ребятишкам. Не только грамоте учили — на жизнь им глаза раскрывали. Это

под влиянием супругов Кривенко Федя вступил в комсомол и поступил в Актюбинское педучилище. Правда, закончить обучение не удалось. С 1937 года сам стал учительствовать в поселке колхоза имени Шевченко. Днем ребятишек учил, а вечером, в школе ликбеза,— их родителей.

Озмитель Федор Федорович, Герой Советского Союза.

В 1938 году подошел срок Федору Федоровичу призываться в армию. Служил хорошо. Поэтому в 1940 году рядовой пограничного отряда Федор Озмитель поступил в Ленинградское военное училище НКВД. В его составе он и начал войну на одном из участков Северного фронта.

Осенью 1941 года, переведенный командиром роты в одну из частей, он защищал Подмосковье. Когда же началось формирование Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), Федор Федорович одним из первых офицеров-чекистов был зачислен в ее ряды. Это была и награда за доблесть, проявленную в первых боях с врагом, и признание командирской зрелости нашего земляка. И огромная ответственность. Дело в том, что ОМСБОН должна была сыграть важную роль в нанесении чувствительных ударов по вражеским тылам, в организации партизанского движения на временно оккупированной гитлеровцами советской земле и в выполнении труднейших заданий Верховного Главнокомандования по глубинной разведке.

Бригада стала отборным соединением Советских Вооруженных Сил, состоявшим почти сплошь из коммунистов и комсомольцев Москвы, выдающихся советских спортсменов, обученных нашими славными чекистами всем приемам и методам борьбы с врагом. Это из них вышла плеяда героев-партизан, дела и имена

которых известны всему миру: Дмитрий Медведев, Кирилл Орловский, Николай Прокопюк, Лазарь Паперник. В длинном списке героев незримого фронта по праву занимает свое место и наш земляк Федор Федорович Озмитель.

В феврале 1942 года отряд «Грозный» под командованием Озмителя на лыжах перешел линию фронта и углубился в немецкие тылы. Пересек железную дорогу Смоленск — Витебск и оказался в треугольнике, двумя другими сторонами которого были магистрали Смоленск — Орша и Витебск — Орша. Именно здесь, в этом треугольнике, размещались крупные германские штабы, склады, авиабазы, а по дорогам к фронту двигались танковые колонны, эшелоны с людьми, вереницы автомашин. Гитлеровцы почти сразу обнаружили прибытие нежеланных гостей. Отряд еще не успел освоить район действий, а каратели уже обрушили на него всю силу своих ударов. Находчивость командира спасла его от разгрома в первые же дни: когда фашисты стали прочесывать окрестные леса, Озмитель вывел отряд в открытое поле и укрыл его в небольшой ложбинке. Поземка тут же занесла их следы. Ночью, когда гитлеровцы ушли, лыжники вернулись в лес, ставший на долгие недели и месяцы их родным домом.

Перехитрив карателей в дни «первого знакомства», Федор Федорович умело спланировал и осуществил ряд операций. Короткими и неизменно успешными ударами по гарнизонам полицаев он обезопасил свои базы в округе деревень Шарино, Марково Руднянского района Смоленской области и деревень Гичи, Новая Земля Дубровенского района Витебской области. С восхищением следили за действиями горстки смельчаков советские люди, томившиеся в оккупации. И потянулись к Озмителю руки помощи со всех сторон. В отряд стекались местная молодежь и пробиравшиеся из окружения и плена советские воины. Вскоре под началом Федора Федоровича было уже около ста человек. А люди все прибывали, и он переправлял их в другие партизанские отряды. Сельчане кормили и всячески поддерживали партизан. Появилась сеть надежных помощников в Ольше, Скворцах, Седневке, Киселях, Макаровке и других деревнях и селах. Непрерывно

возрастала сила ударов по врагу. Особое внимание партизаны уделяли железным дорогам. В начале мая подрывники отряда Валентин Лазарев и Григорий Демидов у станции Заолешье пустили под откос первый немецкий эшелон.

Успешно действовали в треугольнике Смоленск — Орша — Витебск и другие партизанские отряды и бригады, прибывшие из-за линии фронта, из Белоруссии и организованные на месте. Для обеспечения железнодорожных перевозок врагу пришлось построить вдоль магистралей будки и дзоты, выделить крупные силы для неподвижных постов и патрулирования. Почти все дороги и тропы, выходящие к полотну железной дороги, были взяты врагом под обстрел, но движение поездов все чаще и на все более продолжительные сроки прерывалось. Взбешенные неудачами, гитлеровцы решили одним махом разделаться с партизанами. С этой целью оперативный отдел генштаба немецкой армии и штаб группы армий «Центр» стали готовить настоящую боевую операцию против партизан. Строжайшей тайной была окружена подготовка к операции, имевшей номер «30» и кодовое наименование «Грейф». Но партизанская разведка своевременно узнала о ней. Когда командиры отрядов и бригад К. Заслонов, В. Манохин, А. Антоненко, Н. Соколов, Н. Талерко, Е. Мельников, Е. Осипов собрались, Федор Федорович рассказал о планах гитлеровцев. И партизанские командиры выработали свои контрмероприятия.

16 августа 1942 года 286-я охранная дивизия генерал-майора Рихерта, усиленная артиллерией и авиацией, начала наступление против партизан. Крупные силы карателей двигались на отряд «Грозный», находившийся в районе Любавичей у Минского шоссе. Озмитель мог просто отойти, но ускользнуть из-под удара еще не значило выиграть сражение. Тем более что за спиной стояли другие отряды и бригады партизан, и каждый час боя облегчал их положение. Федор Федорович приказал драться. Первыми огонь по врагу открыли Н. Смирнов и П. Нечаев, пустившие в ход подобранную в болоте противотанковую пушку. Ее снаряды вывели из строя не одну автомашину, побили немало гитлеровцев. Два дня сдерживал «Грозный»

атаки противника. Лишь после того как кончились патроны, Озмитель увел своих богатырей в лес.

Еще две недели гитлеровцы рыскали по лесам и селам. Они вытеснили почти всех партизан из треугольника, но лишь на короткое время. А отряд Федора Озмителя и два других, перешедших на время боев под его командование, оставались в своем районе. Оккупанты не только не смогли уничтожить их, но даже помешать их диверсиям на железных дорогах. Именно в эти дни группа партизан из отряда «Грозный» во главе с лейтенантом Грудским и подрывником П. Антиповым взорвала девятый по счету эшелон противника. Немецкий гриф («Грейф») оказался на поверку не столь уж страшной птицей.

В октябре отряд «Грозный» был отозван на Большую Землю, получив заслуженный отдых. За успешное выполнение специальных заданий командования Федора Федоровича Озмителя наградили орденом Отечественной войны II степени и дали ему отпуск. Провел он его в родном Линовицком. Правда, отпуск был настолько кратким, что радость свидания с женой и дочерью, родными и знакомыми и горечь новой разлуки слились воедино. Все-таки Федор Федорович успел побывать в колхозе имени Шевченко, в родной школе, рассказать на митинге односельчан о ходе войны, о росте могущества нашей армии, о неизбежности полного и окончательного разгрома врага.

...Май 1943 года. Минские подпольщики Марина Молокович, Александра Старикович и Мария Осипова захватили Курта Вернера, офицера связи из штаба авиации центральной группировки немцев. Разведчица Галя Финскач с группой прикрытия доставила Курта Вернера в партизанскую бригаду «дяди Коли» на озеро Палик. На первом же допросе немецкий офицер дал такие показания, что его дальнейшая судьба стала предметом особой заботы народных мстителей. Вернер сообщил, что по приказу фюрера 4 июля в районе Орла и Белгорода немецко-фашистская армия начинает свое летнее наступление с целью вернуть утраченную инициативу, чтобы вновь, теперь уже окончательно, повернуть ход войны в свою пользу.

Руководство бригады немедленно доложило Центральному штабу партизанского движения в Москве о

сообщениях Вернера и получило приказ подыскать площадку для приема самолета, который доставит немца в Москву. Выполнить этот приказ оказалось не так просто: гитлеровцы начали очередную карательную операцию против партизан Борисовско-Бегомльской зоны и бригаде пришлось часто менять места. Было не до площадки, как вспоминает заместитель командира бригады Иван Золотарь. Гитлеровцам удалось отрезать два отряда и несколько групп от основных сил бригады. Если бы немецкая контрразведка узнала о пребывании Вернера среди партизан, она могла убить его специально подосланными террористами. На помощь бригаде, которой под именем «дядя Коля» командовал товарищ Лопатин, пришла Москва: 29 мая на подкрепление был сброшен отряд парашютистов-автоматчиков в двадцать пять человек во главе со старшим лейтенантом Ф. Ф. Озмителем, а через десять-двенадцать дней — второй отряд во главе с Б. Л. Галушкиным.

Гитлеровцы между тем продолжали наседать. Отряды с боями отошли к Домжерицким болотам и 13 июня у деревни Пострежье приняли самолет с Большой Земли. Наконец Вернер был отправлен в Москву.

Так начался второй период партизанской деятельности нашего земляка. В глубоком тылу врага отряд Ф. Ф. Озмителя провел десятки боев и операций. О значении этих операций говорят скупые строки документов: подорвано двадцать семь воинских эшелонов, под обломками которых нашли свою смерть более двух тысяч гитлеровцев, уничтожено шесть танков, четырнадцать тракторов, сорок пять автомашин. Трижды взрывались мосты на автостраде Минск — Москва, и каждый раз движение по ней прерывалось на несколько суток. Взорваны и выведены из строя паровая турбина в Витебске и около двух десятков мелких промышленных предприятий и военно-хозяйственных складов противника. Но пожалуй, еще более важными были результаты другого рода деятельности отряда: разведывательные данные, систематически передававшиеся через линию фронта, и удары по линиям связи противника. Партизаны узнали, что параллельно шоссе на небольшой глубине пролегает телефонный кабель Берлин — фронт, и пятнадцать раз одновременно в

двух местах разрушали его. Читатель легко представит себе, во что превратилась жизнь немецких оккупантов на территории Белоруссии, где действовало тысяча сто восемь партизанских отрядов, насчитывавших в своих рядах триста семьдесят тысяч мужественных борцов за свободу и независимость нашей Родины. Враги бросали крупные силы для борьбы с народными мстителями.

Одна из карательных операций гитлеровцев против белорусских партизан проводилась накануне наступления Советской Армии в июне 1944 года. Предвидя это наступление, немецкое командование хотело «навести порядок» в своем тылу и предотвратить взаимодействие народных мстителей с войсками белорусских фронтов.

В начале июня фашисты окружили у озера Палик Борисовского района несколько партизанских отрядов. День за днем отбивались партизаны, но кольцо окружения становилось все уже. Надо было прорываться. Самая трудная задача в прорыве выпала на долю отряда «Грозный» и его командира коммуниста Ф. Озмителя. Объединив несколько отрядов, Федор Федорович 15 июня повел их в атаку. Удар партизан был внезапным и сильным, но гитлеровцы вскоре пришли в себя, и когда по «коридору», пробитому в боевых порядках немцев, партизаны устремились к выходу из кольца, каратели ударили по основанию прорыва. Но было уже поздно: большинство партизан выскользнуло из когтей смерти. Не успел уйти лишь командир «Грозного». На последних метрах пути вражеские пули прошили его ноги, и он упал. Партизаны хотели вынести своего друга-командира, но он приказал всем уходить, а сам остался прикрывать их отход. Еще долго партизаны слышали автоматные очереди, а потом долетел приглушенный расстоянием взрыв гранаты: Федор Федорович Озмитель не дался живым врагу. Так оборвалась жизнь этого прекрасного человека, бесстрашного воина, истинного патриота своей страны.

Похоронен Федор Федорович Озмитель в деревне Маковье Бегомльского района Минской области рядом с другими героями-партизанами, погибшими в тех тяжелых боях. Посмертно Ф. Ф. Озмителю было присвоено звание Героя Советского Союза.

Более двадцати лет прошло с тех пор, но не только Александре Гавриловне Озмитель, вдове Героя, не верится, что он погиб. Так и кажется, что он вот-вот вернется домой, в актюбинские степи, улыбнется своей неширокой, но теплой улыбкой и согреет ею всех, всех. Герои не умирают. Они живут в сердцах любящих, в сознании всего народа, за счастье которого отдали свои жизни.

Г. АКСЕЛЬРОД

ЗАГОВОР БЕЗУМНЫХ

На пологом берегу Эмбы, там, где древняя казахская река, скатившись с меловых круч Мугоджар, сворачивает на запад и, теснимая барханами, с превеликим трудом пробивается к морю, стоит мазар. Это дом мертвых. По стародавнему обычаю степняки ставят его над могилой. У мазара нет крыши. Только невысокие шершавые стены из круто замешанной глины с добавленным для крепости конским волосом. На мазаре нет надписей. Только внутри за глиняными стенами врыт серый надгробный камень и на нем выбито имя усопшего. Память народа мудро обходится с именами. Одни без лишней жалости присыплет пеплом забвения, а другие бережно хранит в вечно живущих легендах...

Нет надписей и на этом одиноком мазаре, накрытом вместо крыши бездонным небом. Гибкие стебли чия кланяются темно-рыжим глиняным стенам, высоко под облаками парят коршуны, зорко высматривая добычу, а невдалеке пылит днем и ночью дорога. Летом на этой степной дороге автомашин не меньше, чем на городской улице. Под песками и такырами Прикаспия открыты богатейшие месторождения нефти. Тянутся мимо мазара автомобильные караваны к буровым вышкам и поселкам геологов, и редкий человек, очутившись на берегу Эмбы, не знает, что там, среди серебристых зарослей чия, покоится прах Байжана Атагузиева.

Имя его навсегда связано с теми событиями, которые произошли весной 1944 года в этих пустынных молчаливых местах. Тогда, в мае сорок четвертого, в ночном небе над Эмбой кружили самолеты без опознавательных знаков, вгрызался в тишину свинцовый лай пулеметов и автоматов, в эфир неслась отчаянная дробь морзянки, а по земле погребальными полотнищами расстилались черные купола парашютов. В те дни в Москве и в Берлине с нетерпением ждали известий с берегов Эмбы, и причудливые названия здешних урочищ мелькали в боевых сводках, которые читал строго ограниченный круг лиц, потому что это были совершенно секретные сводки с тайных фронтов второй мировой войны.

Но время снимает запреты. И теперь, опираясь на свидетельства очевидцев, пользуясь сведениями, почерпнутыми из архивных следственных дел и некоторых публикаций в советской и зарубежной печати, можно повести рассказ о событиях тех уже далеких лет.

Это рассказ о беспощадной схватке чекистов с гитлеровскими агентами, о мужестве и стойкости советских патриотов, о величии подвига, совершенного во имя свободы Родины, и о бесславном конце выродков, предавших свой народ в тяжкие дни военного лихолетья.

Это рассказ о том, как потерпела сокрушительный крах коварная затея гитлеровской разведки, в которой в то время немаловажную роль играл Рейнгард Гелен, тот самый Гелен, что ныне возглавляет секретную службу ФРГ и восхваляется на все лады буржуазной прессой как непревзойденный асс разведки, затмивший сомнительную славу Канариса и Шелленберга вкупе с Алленом Даллесом, Отто Скорцени и прочими черными рыцарями плаща и кинжала. Между тем еще на заре своей шпионско-диверсионной деятельности этот «асс» был не единожды жестоко бит советской контрразведкой.

История тайной войны знает немало примеров, поразительных по своей бездарности и плачевных по конечным результатам подрывных акций. Но и среди них, пожалуй, не отыскать аналогии той бесподобной по своему беспросветному безумию авантюры, затеян-

ной в 1944 году не без участия Рейнгарда Гелена, начальника отдела «Иностранные армии Востока» генерального штаба фашистского вермахта.

* * *

Июнь в Каракумах — пора яростного солнца. Верная гибель ждет того, кто окажется в барханах без воды и без транспорта. Это очень скоро поняла пятерка нацистских диверсантов, которую в июне 1943 года сбросили с самолета в Куня-Ургенчском районе Туркменской ССР. Грузовой парашют с бочонком отнесло далеко в сторону, а в момент приземления вылетела неплотно забитая пробка. Руководитель группы по кличке Мельничук отправился в разведку, стараясь отыскать тропу к ближайшему оазису. Много дней спустя его труп, расклеванный птицами, нашли в песках. Остальные диверсанты после безуспешной попытки связаться по рации с Варшавским радиоцентром, побросали все снаряжение, едва волоча ноги добрались до поселка Куня-Ургенч и сдались первому же милиционеру.

На допросах они показали, что прошли обучение в специальной школе, расположенной в городе Люкенвальде — в шестидесяти километрах от Берлина. Здесь в обширных лагерях для советских военнопленных, разделенных по национальному признаку, фашистская разведка занималась усиленными поисками людей, поддающихся вербовке. Того, кто соглашался сотрудничать с секретными службами третьего рейха, переводили в лагерь под шифром «Офлаг III-А» и после тщательной проверки зачисляли в одну из агентурных школ. Среди доверенных лиц фашистской разведки, которые проводили вербовку, сдавшиеся диверсанты назвали Алихана Агаева. Это был, по их словам, невысокий средних лет казах, носивший форму офицера немецкой армии и никогда не расстававшийся с ременной плеткой. Она частенько гуляла по спинам военнопленных. Погоны у Агаева были с белым поперечным просветом, что свидетельствовало о его принадлежности к командному составу так называемого «Туркестанского легиона».

В поле зрения советской контрразведки Агаев попал тогда впервые. Судя по рассказам агентов из

группы Мельничука, Агаев отличался особой активностью на шпионско-диверсионном поприще, и можно было предполагать, что рано или поздно чекистам придется встретиться с ним лицом к лицу.

И эта встреча действительно состоялась...

Глубокой ночью 3 мая 1944 года начальника управления НКВД Гурьевской области Забелева поднял с постели звонок междугородной телефонной станции. Ответственный дежурный астраханского УНКВД сообщил, что по направлению к Гурьеву пролетел неизвестный самолет.

— Может быть, наш?— спросил Забелев.— Сбился с курса...

— Уточняем. Запросили военное начальство. Если узнаем что-нибудь новое, сразу же поставим вас в известность. Но вы все-таки посматривайте там у себя.

Забелев поблагодарил за совет и засобирался в управление. Звонок из Астрахани посеял тревогу. После разгрома немцев под Сталинградом фронт откатился на тысячи километров. К тому времени наши войска вышли на границу с Румынией, начиналось освобождение Белоруссии и Прибалтики, а Гурьев снова стал далеким тылом. Откуда же появился здесь воздушный «гость?» И еще надеясь, что скоро все выяснится и Астрахань подтвердит, что это, конечно, свой самолет, Забелев все-таки стал действовать так, как и подобало в данном случае.

Приехав в управление, Забелев собрал своих сотрудников, предложил им немедленно связаться с районами и попытаться с помощью местных работников отыскать людей, которые, возможно, также заметили этой ночью самолет. Буквально через несколько минут любопытное известие пришло из Гурьевского аэропорта. Авиамеханик Степанов в 2 часа 30 минут ясно различил бортовые огни неизвестной машины, уходящей в сторону Астрахани. Примерный расчет показывал, что таинственный незнакомец около часа летал над территорией Гурьевской области. А к исходу дня из Жилокосинского райотдела НКВД донесли, что жители колхозов, расположенных вверх по течению Эмбы, видели пролетавший низко над степью самолет, который резко изменил курс в районе Ак-Мечети. После вторичного разговора с Астраханью предположения о том,

что это была наша заблудившаяся машина, окончательно отпали. Ни военных, ни гражданских самолетов в ту ночь не должно было быть в небе над Северным Прикаспием.

Значит, выброшен вражеский десант? Тогда еще не было в этом твердой уверенности. Но о появлении странного самолета Гурьев уведомил все районные отделения НКВД — НКГБ и стал ждать новостей, особенно из районов, прилегающих к Эмбе, где проходила предполагаемая трасса полета незнакомца и куда были посланы оперативные работники.

Ждать пришлось недолго.

В три часа ночи 6 мая дежурный Гурьевского аэропорта сообщил в управление НКВД о новом визите неизвестного самолета. Сделав два круга над городом, он ушел в сторону моря. А еще через час на рейде в сорока-пятидесяти километрах от побережья все тот же самолет на бреющем полете прошел над пароходами «Пролетарская диктатура», «Калинин» и «Роза Люксембург» и обстрелял их из крупнокалиберного пулемета. Суда не пострадали, за исключением парохода «Роза Люксембург», который с пробитыми котлами пришлось отбуксировать в порт. Осколком легко был ранен помощник капитана «Пролетарской диктатуры». Моряки рассказывали, что корабли атаковал четырехмоторный бомбардировщик без опознавательных знаков. Но экспертиза, исследовавшая осколки пуль, без труда установила, что они немецкого производства.

Какую же цель преследовал фашистский летчик, принимая безрассудное решение о нападении на мирные корабли? Вряд ли он не понимал, что бомбардировщик, вооруженный одними пулеметами, не в состоянии причинить им сколько-нибудь значительного ущерба. А ведь это был не рядовой самолет. Он принадлежал к 200-й бомбардировочной эскадрилье, выделенной из состава гитлеровских ВВС для выполнения специфических заданий военной разведки, и, действительно, как мы увидим дальше, сбросил в Прикаспии большую группу агентов.

Мысль о том, что за штурвалом немецкого бомбардировщика оказался человек, который, сознательно рискуя собой, старался привлечь внимание чекистов к

этому необычному полету, приходится отбросить, ибо точно установлено, что на борту самолета вместе с экипажем находились... кадровые разведчики нацистской Германии.

Таким образом, этот эпизод по праву можно отнести к разряду непостижимых парадоксов в истории тайной войны. Два года немцы, не останавливаясь перед огромными затратами, в сугубо конспиративной обстановке готовили одну из своих крупнейших подрывных операций в глубоком советском тылу. И вот когда, казалось, первый этап операции прошел благополучно, вдруг самолет, доставивший агентов, в относительной близости от места их выброски атакует на бреющем полете корабли в Каспийском море и этим явно демаскирует свой сверхсекретный рейс.

А в Гурьеве немедленно воспользовались своеобразной визитной карточкой, так неожиданно упавшей с неба, и сделали правильный вывод о целях гитлеровской разведки. Теперь не оставалось и тени сомнений: надо искать диверсантов. Именно диверсантов, и скорее всего в значительном количестве, потому что для заброски агентуры, имевшей только шпионские задания, немцам не было никакой необходимости дважды в течение трех дней посылать свой тяжелый самолет.

И снова, как в дни Сталинградской битвы, все важнейшие промышленные предприятия Прикаспия были переведены на угрожаемое положение. По инициативе Гурьевского обкома партии в помощь чекистам был мобилизован партийно-советский актив. Особые меры по усилению охраны были приняты на таких объектах, как нефтепровод Каспий — Орск, нефтебаза «Ширина», электростанция Казнефтекомбината. Самую мощную на трассе нефтепровода нефтекачку № 3 и весь Макатский район взяла под наблюдение специальная группа во главе с начальником областного управления НКГБ. Как будто чекисты догадывались, что именно здесь, вблизи нефтекачки № 3, им предстоит выдержать ожесточенный бой с фашистскими наймитами.

Уже через день быстро сформированные восемь оперативных групп вели настойчивый поиск. Перед ними стояла сложная задача. Район поиска простирался на сотни километров. Это была знойная холмистая полупустыня с ослепительно голубеющими под солн-

цем солеными озерами и с едва приметными пастушьими тропами вместо дорог, с редкими малолюдными поселками животноводческих колхозов, не имевших телефонной связи, и с еще более редкими, буквально наперечет, колодцами с пресной водой. Трудно сказать, какой бы оборот приняли события, если бы не конный нарочный, который утром 12 мая на хрипящем, в хлопьях пены жеребце влетел наметом во двор Жилокосинского райотделения НКВД. Он привез записку из отдаленного Уялинского аулсовета. В записке говорилось, что бригадир колхоза имени Кирова Байжан Атагузиев просит срочно прислать милиционеров для проверки подозрительных, по его мнению, вооруженных автоматами людей, приходивших несколько часов назад к нему на ферму.

Пришли они прямо из степи, шестеро казахов в форме офицеров и сержантов Красной Армии, с орденами и медалями на гимнастерках и сказали, что ищут дезертиров.

— Ты не знаешь, аксакал, где здесь скрываются дезертиры? — спросил бригадира невысокий смуглолицый капитан.

Байжан Атагузиев в душе был поражен. Давно уже на ферме жили одни старики да женщины с ребятишками. Жили, занятые нелегким чабанским трудом, в тревожном ожидании, как и все в то суровое время, солдатских треугольничков от родных и близких. «Какие дезертиры? На фронте наши мужчины. Бьются с врагом!» — так хотел было ответить с возмущением Байжан, но сдержался и сказал спокойно:

— Да нет... Кажется, не слышно про таких...

Тогда капитан спросил, нельзя ли купить на ферме барана.

— Колхозного нельзя. А своего, пожалуй, продам.

— Сколько просишь?

— Три тысячи.

Байжан, словно бы нарочно, заломил несуразную цену. Но капитан, не торгуясь, достал из полевой сумки толстую пачку денег.

— Получай пять тысяч. Для хорошего человека нам денег не жалко.

«Кому это нам?» — чуть не спросил Байжан, но опять сдержался и с подчеркнутой жадностью стал

рассовывать деньги по карманам, вызвав удивление на лицах жителей фермы, которые раньше вроде бы не замечали в нем корыстолюбия.

— Бери, аксакал, бери,— снисходительно улыбался капитан.— Еще больше дадим, если узнаешь что-нибудь о дезертирах. Понял?

— Как не понять...

Они ушли, уводя на волосяном аркане барана. А Байжан, окруженный своими односельчанами, долго смотрел им вслед и молчал. Шестьдесят лет прожил на земле Байжан. И эта прокаленная зноем, неласковая и скудная земля была его родной землей. Здесь в молодости он батрачил у бая, а в годы гражданской войны в партизанском отряде громил белоказаков и алашордынцев, сладкоголосых и свирепых в своей звериной ненависти буржуазных националистов, которые хотели, чтобы в казахских аулах все шло по-старому, как при царе. Он многого не знал, этот седой колхозный бригадир из маленького затерянного в песках чабанского поселка. Но он был умудрен годами, и жизнь наделила его зоркостью особого склада — зоркостью сердца. И поэтому, когда странные пришельцы скрылись в барханах, он сказал одному из подростков:

— Скачи в аулсовет. Расскажи все, что видел. Скажи: чужие люди в степи!

Сообщение Байжана Атагузиева резко изменило ход поисков. Ближайшая оперативная группа на конях устремилась к ферме. Путь был не близкий — километров семьдесят. Чекисты переправились вброд на левый берег Эмбы и вскоре случайно натолкнулись на следы недавней стоянки. В лощине среди примятого типчака валялись окурки немецких сигарет, карандаш, сломанный примус...

— Наследили изрядно,— заметил сотрудник Гурьевского УНКГБ Шармай, возглавлявший опергруппу и пораженный беспечностью гитлеровских агентов.

Шармай знал, что в этой местности привал можно сделать только в урочище Саркаска, где в двадцати километрах друг от друга находились два колодца. Интуиция подсказала, что, вероятнее всего, именно там можно застать непрошеных гостей. В надвигавшихся сумерках чекисты стали прочесывать степь. У первого же колодца они обнаружили свежеотрытые пулемет-

ные ячейки, а когда, растянувшись редкой цепью, осторожно подъезжали ко второму, навстречу им ударили плотные очереди из пулеметов и автоматов.

Наступившая темнота оборвала перестрелку. Опергруппа еще долго кружила по окрестности, тщетно пытаясь снова вызвать на себя огонь и таким способом нащупать след ускользнувшей банды. Только к рассвету добрался Шармай до фермы. Здесь его ожидало неприятное известие. В эту ночь бандиты, которыми верховодил мнимый капитан, ограбили ферму. Они забрали лошадь, различные продукты и, угрожая оружием, увели с собой Байжана Атагузиева.

Шармай оставил на ферме засаду, а сам с частью своих людей немедленно отправился в погоню. Четкие следы бандитов уходили вверх по течению Эмбы. На последнем пределе сил, погоняя усталых коней, чекисты стремились сблизиться с бандой. Но тут злую шутку с ними сыграла погода. Внезапно разразился ливень, превратив солончаки в непролазные болота и начисто смыв следы. Шармай чуть не впал в отчаяние.

А той порой на ферму, где так предусмотрительно была оставлена засада, явились двое в красноармейских гимнастерках. Увидев наведенные дула винтовок, они бросили автоматы и подняли руки.

— Братцы!— плаксиво скривился один из них.— Не надо!.. Мы же с повинной...

Эти двое — Бастаубаев и Калиев — заявили, что они входят в состав особого диверсионно-террористического отряда, состоящего из четырнадцати человек. Отряд доставлен в прикаспийскую степь двумя рейсами специального самолета, вооружен автоматами, гранатами и пулеметами. Часть снаряжения закопана на базе в урочище Саркаска. На вопрос, кто командует отрядом, последовал ответ:

— Обер-лейтенант немецкой армии Алихан Агаев.

Чекистам тогда, на ферме, было недосуг выспрашивать подробности. Надо продолжать преследование банды, перекрыть пути ее возможного выхода на Ташкентскую железнодорожную магистраль, отыскать базу в Саркаска и установить там засаду. А пока они занимаются этими срочными делами, вернемся несколько назад и попытаемся осветить отдельные весьма колоритные детали биографии агента гитлеровской

секретной службы Алихана Агаева, по кличке Иранов. При этом наш рассказ будет основан не только на протоколах допросов захваченных диверсантов и некоторых документах, но и на подлинных записях дневника самого Агаева, который оказался в распоряжении советской контрразведки.

В ноябре 1941 года в боях на ближних подступах к Москве на сторону немцев перебежал командир кавалерийского взвода Агаев (на самом деле он носил иную фамилию, но для удобства изложения будем придерживаться имени, под которым этот предатель был известен в кругу нацистских шпионов). Перебежчика, минуя прифронтовые лагеря для военнопленных, направили в южногерманский город Ставнау. Отсюда Агаев обращается с письмами к верховному командованию вермахта, клятвенно уверяя в преданности «великому фюреру германского народа» и предлагая свои услуги в качестве вербовщика наемников для фашистской армии. Вот строчки из дневника: «Находясь в Ставнау, 17 февраля впервые написал письмо в Берлин, где выдвинул вопрос об организации отряда казахских джигитов и взятии этого вопроса в свои руки».

Письма долго остаются без ответа. Но в мае 1942 года Агаева неожиданно везут в Берлин. Его принимает щуплый узкогрудый немецкий офицер с мелкими невыразительными чертами лица и новенькими погонами полковника на мундире. Они еще не раз будут встречаться, но аккуратно занося в дневник свои впечатления об этих встречах, Агаев ни разу не назовет фамилию полковника. Он будет фигурировать в его записях как «шеф», «маленький полковник», «представитель верховного командования».

Кем же был сей загадочный офицер? Не так уж трудно ответить, если вспомнить, что именно весной 1942 года в генштабе вермахта произошли некоторые изменения и в кресле начальника отдела «Иностранные армии Востока» оказался Рейнгард Гелен, произведенный авансом, в счет его будущих заслуг, в чин полковника.

Как известно, первым наставником Гелена на новом поприще был шеф абвера адмирал Канарис. Это он рекомендовал Гелену превратить свой отдел в мощный шпионско-диверсионный центр и непосредственно

заняться агентурной разведкой. Гелен оказался из числа тех способных и чрезмерно честолюбивых учеников, которые всегда стремятся заткнуть за пояс своих учителей. Лукавому сухопутному адмиралу, пожалуй, и в голову не могло прийти, что скромный невзрачный полковник далеко оставит его позади в размахе подрывной работы и в применении ее самых изощренных и коварных способов. Касаясь этого периода деятельности начальника отдела «Иностранные армии Востока», известный немецкий публицист Юлиус Мадер пишет: «Гелен и его подручные собрали вокруг себя ренегатов, изменников родины и белогвардейцев. Для германской армии Гелен набрал немало уголовников, выпущенных нацистами из тюрем, расположенных на территории временно оккупированных стран. Он завербовал предателя Власова, ставшего агентом германской тайной службы. Из отбросов человеческого общества Гелен сформировал фашистские части из ненемецкой национальности и создал для их подготовки специальные учебные лагеря».

Вероятно, теперь достаточно ясно, с кем мог встречаться в Берлине Агаев, ибо после доверительных бесед с «маленьким полковником» он появился в одном из таких специальных учебных пунктов в Люкенвальде. Но перед этим Агаев побывал в лагерях для военнопленных. Посулами, откровенным шантажом и угрозами ему удалось сколотить группу, которая на первых порах входила в состав «Туркестанского легиона». К ней в качестве «политического руководителя» был приставлен зондерфюрер Граве, хромой, лет пятидесяти немец, поседевший на службе в секретных органах рейха. Занимаясь обучением своих людей, Агаев в то же время затевал интриги против президента «Туркестанского комитета», матерого фашистского агента Вали Каюм-хана, именовавшего себя «фюрером Средней Азии». Агаев считал, что этот «фюрер», опасаясь конкуренции, затирает его и не дает хода в легионе. После очередной поездки в Берлин Агаев добился от своего шефа особого задания. Он отобрал вместе с Граве наиболее подходящих легионеров и перебрался из Люкенвальда в Полтаву.

В период оккупации в Полтаве на Кирпичной улице, 1 располагалась в здании бывшего женского мона-

стыря немецкая строительная организация «Баум-колонна». Под этой вывеской маскировалась агентурная школа разведцентра «Орион», существовавшего при штабе южной армейской группировки вермахта на Восточном фронте. Здесь до декабря 1942 года банда Агаева усиленными темпами проходила полный курс шпионских наук. Занятия по радиоделу, диверсионно-разведывательной тактике и прыжкам с парашютом проводились под бдительным доглядом зондерфюрера Граве и обер-лейтенанта Гамке, личного офицера связи все того же «таинственного» полковника.

Неожиданно был назначен день заброски в советский тыл. И так же неожиданно отменен. Рядовые диверсанты терялись в догадках. На их робкие вопросы Агаев хмуро отвечал:

— Нелетная погода...

Случайно они подслушали разговор между Граве и Агаевым.

— Ты знал Бакита Байжанова? — спросил зондерфюрер.

— Знал. А что?

Граве молча поднялся из-за стола и отогнал от дверей своего кабинета не в меру любопытных диверсантов. Между тем они тоже знали Бакита Байжанова, бывшего пограничника, у которого эсэсовцы выбили из рук винтовку с расстрелянным магазином в первый же день войны. Но они не знали, что с той самой минуты, как очутился Байжанов за колючей проволокой, он страстно мечтал вырваться из фашистской неволи. Пути из плена были разные. Он избрал, пожалуй, самый трудный и рискованный.

Байжанов добровольно поступает в «Туркестанский легион», проходит обучение на офицерских курсах и становится командиром взвода. Одновременно он создает среди легионеров подпольную патриотическую организацию. Когда в сентябре 1942 года его батальон прибыл на фронт, Байжанов приказал: «По своим не стрелять!» Пока легионеры занимались строительством оборонительных сооружений, ему удалось через местных жителей связаться с партизанами. От них он регулярно получал сводки Совинформбюро, листовки, а иногда даже газеты. При невыясненных до сих пор обстоятельствах Байжанов угодил в гестапо. У него нашли советские

листовки. Он стойко перенес все пытки и никого не выдал. В первых числах декабря в гестаповской тюрьме города Богучара Байжанова казнили. Но созданная им организация жила! На тайном собрании ее участники решили послать самых верных своих товарищей в расположение передовых частей Красной Армии и доложить командованию, что легионеры на своем участке откроют фронт.

В архиве Министерства обороны СССР сохранились документы, официально подтверждающие, что во время декабрьской наступательной операции Красной Армии в районе Дона сто девяносто три легионера, в основном казахи и узбеки, восстали, повернули оружие против немцев и приняли участие в разгроме гитлеровских войск.

Восстание легионеров, всполошившее всю германскую секретную службу на Восточном фронте, навлекло подозрение и на агаевских диверсантов. Им перестали доверять. Из Полтавы их перебрасывают в Харьков, потом в пригород Киева Святошино и только в январе 1943 года отправляют под Львов с конкретным заданием: заготавливать дрова для немецких госпиталей. Соответственно заданию была и кормежка — диверсанты взвыли от голода. Агаев пытается поехать в Берлин к своему шефу. Но зондерфюрер Граве настойчиво советует ему повременить. Шефу не до Агаева. Гитлеровская Германия под похоронный перезвон церковных колоколов справляет тризну по своей шестой армии.

И тут просто нельзя не сказать о том «вкладе», который внес в Сталинградскую эпопею полковник Рейнгард Гелен. Нельзя хотя бы потому, что этот характерный эпизод его бурной биографии по вполне понятным причинам старательно замалчивается теми, кто подымает ныне на щит боннского обер-шпиона.

Широко известно заявление генерала Йодля, который, говоря о случаях провала немецкой военной разведки, признал: «Наиболее крупным явился ее неуспех в ноябре 1942 года, когда мы полностью просмотрели сосредоточение крупных сил русских на фланге 6-й армии (на Дону)». Эти горькие упреки начальника штаба оперативного руководства гитлеровской ставки можно с уверенностью отнести прежде всего в адрес Рейнгарда Гелена. В его обязанности, как руководителя отдела

генштаба «Иностранные армии Востока», входила подготовка ежедневных докладов о положении — «Ситуационберихте». Они впитывали в себя тщательно профильтрованные донесения агентуры, данные войсковых разведок и воздушных наблюдений, крупицы сведений, вырванных под пытками у пленных. С этой дьявольской стряпней в первую очередь знакомился Гитлер, а затем геленовские доклады поступали к высшим военным руководителям рейха, и на их основе уточнялись планы очередных боевых действий на Восточном фронте. И вот в своем «Ситуационберихте» от 28 октября 1942 года Гелен утверждал, что в полосе группы армий «Б» на волжском направлении «противник не намеревается в ближайшем будущем предпринимать крупные наступательные операции...»

Воздавая должное военному искусству наших командиров, сумевших обеспечить внезапность контрнаступления, пора в полный голос сказать о той роли, которую сыграла в дни битвы на Волге советская контрразведка. В те дни она добилась победы над разведцентром «Орион» южной группировки вермахта, и эта победа неотделима от общего триумфа наших войск под Сталинградом. В чрезвычайно сложных условиях чекисты быстро вылавливали вражеских лазутчиков, обеспечивали безопасность линии связи и бдительную охрану военных тайн. При каждом удобном случае они завязывали с «Орионом» радиоигру, поставляя под видом агентурных донесений специально подобранные факты, помогавшие держать врага в полнейшем неведении относительно подлинных планов советского командования. Только в октябре агентурные рации «Ориона», работавшие под контролем нашей контрразведки, передали десятки шифровок о том, что войска на передовых позициях испытывают якобы острый недостаток в боеприпасах, что в прифронтовом тылу почти не видно резервов, что госпитали переполнены и прочее. Если даже незначительная часть подобных сведений, просочившись сквозь проверочные органы «Ориона», в конечном итоге попала Рейнгарду Гелену, то тогда понятно, почему он еще в последних числах октября с такой уверенностью заявлял о невозможности крупных наступательных операций нашей армии.

Только через несколько дней, буквально накануне советского контрнаступления, в «Ситуационберихте» от 12 ноября зазвучали первые тревожные нотки. Видимо, у Гелена накопились на столе самые противоречивые данные. Разведотделы войсковых частей, возможно, доносили, что на Волге и Дону возросло число переправ, а воздушная разведка вполне могла зафиксировать в ранние утренние часы усиленное движение к переправам пехоты и танковых колонн. Но Гелен по-прежнему не хочет расставаться с мыслью о том, что Красная Армия обескровлена и у нее, мол, не хватит духу для большого наступления. И взвешивая каждое слово, выбирая наиболее осторожные выражения, он пишет:

«...Пока еще не вполне выяснилась общая картина группировки сил противника по месту, времени и масштабам. Недостаточно четко выявились возможности наступления в ближайшее время. При этой неясной картине определить общие оперативные замыслы противника в настоящее время невозможно... Для развертывания широких операций противник, по-видимому, не располагает достаточным количеством сил».

Запоздалые и все еще весьма далекие от истины догадки Гелена уже ничего не могли изменить. Утром 19 ноября под Сталинградом под тысячеголосые залпы орудий и минометов вторая мировая война повернула вспять.

Для Гелена, да и не только для него, наступили черные дни. Был траур, и радио с утра до вечера разносило над оцепеневшим рейхом скорбные мелодии Вагнера. Было расследование причин катастрофы с фельдмаршалом Паулюсом, и начальник отдела «Иностранные армии Востока» с трепетом ждал вызова на допрос в главное управление имперской безопасности.

Но о Гелене тогда как-то позабыли. Никто не потребовал от него объяснений, никто не припомнил ему строки из «Ситуационберихте», которые ввели в заблуждение всю гитлеровскую камарилью и в определенной мере способствовали разгрому отборных частей вермахта на волжских берегах.

А начальник отдела «Иностранные армии Востока», едва оправившись от испуга, видимо, захотел взять реванш. И не просто снова скрестить оружие с

чекистами на незримом фронте, а провернуть такую ошеломляющую, из ряда вон выходящую авантюру, чтобы разом забылись все его промахи и провалы, чтобы прожженные бестии Канариса, да и самого рейхсфюрера СС, кусали локти от зависти.

И с лесных делянок Львовщины срочно вызывается в Берлин Алихан Агаев.

Запаршивевших на худых пайках диверсантов опять подкармливают в Люкенвальде, заставляя освежить в памяти все, чему учили их в агентурной школе «Ориона». Перед строем легионеров немецкий полковник вручает Агаеву знамя: на зеленом фоне вытканы исламский полумесяц, стрела, наложенная на тетиву лука, и надпись арабскими буквами «Алаш». Произведенный в обер-лейтенанты Агаев объясняет своим сподручным, что этим старым символом казахских буржуазных националистов отныне будет называться их особый диверсионно-террористический отряд. Учеба длится почти восемь месяцев. Потом «Алаш» для практики отправляют в Северную Италию, где ему крепко всыпали партизаны. В апреле 1944 года тех, кого еще раньше готовили для засылки в советский тыл, везут в город Кранц близ Кенигсберга. Здесь их переодевают в форму военнослужащих Красной Армии, снабжают оружием, взрывчаткой, фиктивными документами и перебрасывают в Бухарест. По пути они делают остановку на своей постоянной базе в Люкенвальде. Хозяева устраивают для диверсантов прощальный банкет. На нем присутствуют зондерфюрер Граве, обер-лейтенант Гамке и какие-то представители из Берлина в штатском. Агаев, перебрав шнапса, произносит хвастливую речь:

— Дело, порученное верховным германским командованием, мы выполним с честью. Я знатный адаевец и сумею поднять весь свой род адай на борьбу с Советами.

В этих диких словах главаря банды, как ни странно, и заключалась главная и единственная цель, с которой весной 1944 года отправили отряд «Алаш» в глубинные районы Советского Союза. Пойманные чекистами рядовые диверсанты в один голос на следствии заявили, что им не указывали конкретных объектов диверсий. Они должны были под руководством

Агаева, ориентируясь на остатки притаившихся байских элементов, поднять в Казахстане широкое антисоветское восстание и затем... соединиться с немецко-фашистской армией! В одной из листовок, предназначенных для распространения в аулах, говорилось: «Друзья! Германская армия спешит к вам на помощь, она продвигается вперед, заняла важные промышленно-хозяйственные пункты СССР...» На кого была рассчитана эта писанина, неизвестно. Во всяком случае, в 1944 году гитлеровские вояки продвигались совсем в обратном направлении.

В ослепленном ненавистью мозгу Агаева, возможно, витали безумные видения, и он действительно верил, что достаточно ему появиться в казахской степи вместе со своими «есаулами», как толпы джигитов сбегутся под зеленое алашское знамя. Непонятно другое: как могли поверить в эту бредовую идею его хозяева. А ведь поверили! Недаром же они так щедро, сверх всякой меры вооружили агаевскую банду. На пятнадцать человек приходилось тридцать шесть единиц оружия, от пистолетов до пулеметов с запасными стволами, десятки коробок кристаллического и эластичного тола, четыре электровзрывательных устройства, сто сорок зажигательных шашек, три рации (одна дальнего и две ближнего радиуса действия), более семисот тысяч рублей советских денег, сумка с ампулами различных ядов, около трех тысяч листовок и даже походная типография с печатным станком, шрифтами, запасом бумаги, краски и готовыми клише антисоветских карикатур.

Приехав в Бухарест, диверсанты поселились в двухэтажном особняке, что стоял в живой изгороди акаций в полукилометре от военного аэродрома Банази. Над входной дверью поблескивала белая эмалированная пластинка с надписью: «Вилла Габбель». Агаев распорядился, чтобы никто не смел отлучаться с виллы, а сам целыми днями пропадал на аэродроме. Как-то под вечер вместе с ним на виллу пришли трое в немецкой армейской форме без погон. Они внимательно, словно запоминая, вглядывались в лица диверсантов, и один из пришедших, полный рыжеватый казах, насмешливо бросил:

— Эй, земляки! Что носы повесили?

Настроение у них и вправду было неважное. Они понимали, что теперь-то наверняка предстоит отправка в советский тыл, и поэтому изрядно трусили, заглушая страх шнапсом. Сидя за ужином, Муса Куттубаев вдруг саданул кулаком по столу:

— Все одно пропадать! Лучше уж явиться сразу к властям. Может быть, простят...

Его испуганно толкнули в бок: замолчи, мол, Агаев услышит. Но Муса с хмельной удалью кричал:

— Ну и пусть! Все равно всем нам крышка!

Утром Агаев построил диверсантов во дворе виллы и велел Куттубаеву выйти из строя. С недоброй, темной улыбочкой он спросил:

— Значит, хочешь к большевикам перекинуться? Отвечай!

Муса молчал, обреченно уронив голову. Через минуту он упал с простреленной грудью. Пряча пистолет, Агаев сказал:

— Видели? Так я поступлю с каждым, кто попытается покинуть ряды «Алаша».

Отряд разделили на две группы. С первой в самолет погрузился Агаев, а со второй — его заместитель Бесиналиев. В обоих рейсах на борту четырехмоторного бомбардировщика находились зондерфюрер Граве, обер-лейтенант Гамке и лейтенант Паулюс, который обучал в Люкенвальде диверсантов прыжкам с парашютом. Он остался недоволен своими учениками. Всех, за исключением Агаева, пришлось силой выталкивать из самолета. Вернувшись в Бухарест, Граве и Гамке прочитали первую шифровку: «Обе группы благополучно соединились в районе Саркаска. При посадке поврежден приемник большой рации. Следующий сеанс связи после 25 мая. Иранов». Обер-лейтенант Гамке поспешил в Берлин, чтобы сообщить шефу о результатах заброски. И, докладывая, он, конечно, умолчал о том, что на обратном пути не смог удержаться от соблазна и разрешил командиру самолета обстрелять на Гурьевском рейде мирные беззащитные корабли.

Почти неделю пробыл Агаев в урочище, не решаясь оторваться от базы. Только 11 мая, прихватив пятерых диверсантов, он отправился на ближайшую колхозную ферму. Ему не так уж хотелось отведать свежей баранины, как узнать, не скрываются ли здесь, в барханной

глуши, дезертиры, которых можно вовлечь в отряд «Алаш». Но на другой же день после, казалось бы, невинного разговора с бригадиром он увидел редкую цепочку вооруженных конников и ужаснулся, догадываясь об истинной цели их появления в Саркаске.

— Это нас выдал тот старик с фермы!— объяснил Агаев и приказал открыть огонь.

Под покровом ночи диверсанты оторвались от чекистов. Убегая, они ограбили ферму и, зверски избив, увезли с собой Байжана Атагузиева.

Ливень настиг Агаева в урочище Жана-Секе — неширокой с отлогими краями впадине, задохнувшейся в горьком запахе полыни. Верховой ветер разогнал тучи, и косматое солнце снова палило землю. Диверсанты, промокшие до нитки, лежали на траве и молча глядели, как Агаев ведет к гребню урочища Байжана. Они не слыхали, что сказал Агаев и что ответил ему старик в разорванной сатиновой рубашке и с руками, туго стянутыми веревкой. В слепящем мареве на гребне будто врубились две черные фигуры. Видно было, как старик плюнул в глаза Агаеву, а тот медленно поднял пистолет. И степь отозвалась на звук выстрела коротким и гневным эхом.

Вечером с привала бежали Бастаубаев и Калиев. Разъяренный главарь отобрал у рядовых диверсантов документы, усилил на ночевку охрану, назначая на посты преданных ему людей. На третью ночь скрылись в барханах пятеро, а потом еще двое. Они бежали от Агаева, словно от чумы. Бежали, не рассчитывая особенно на прощение, потому что это были не наивные люди, затянутые обманом в сети фашистской разведки, а матерые головорезы. Среди них были сыновья крупных баев, уголовник-рецидивист, старший полицейский из концлагеря в городе Сувалки, истязавший заключенных, и даже бывший палач из гестаповской тюрьмы. Но они все-таки бежали, влекомые крохотной надеждой. А с Агаевым, и это они отлично понимали, их неотвратимо ждала только смерть.

Теснимый оперативными группами, Агаев петлял по урочищам, стараясь прорваться то в горы Алатау, то к линии железной дороги. Вместе с ним остались два его заместителя — Бесиналиев и Баташев, старший радист Закиров и адъютант Днищев. Утром 20 мая в

песках, на подходе к нефтекачке № 3, чекисты зажали в кольцо командную верхушку диверсантов.

Один из оперативных работников, пригнувшись к бархану, крикнул:

— Сдавайтесь, Агаев! Вы окружены!

В ответ резанули длинной очередью из автомата. Чекист тщательно прицелился и первым же выстрелом сразил автоматчика. Через полчаса все закончилось. У чекистов был легко ранен лишь боец военизированной охраны нефтекачки. А в барханах, присыпанные песком, валялись пять трупов...

Из полевой сумки Агаева извлекли несколько тетрадных листочков. Начальник оперативной группы УНКГБ Лопатко мельком взглянул на них и не поверил своим глазам. Он тут же высказал Шармаю смелое предположение.

Шармай недоверчиво покачал головой:

— Ну, знаете! Такого еще не бывало. Да и быть не может! Что они — совсем с ума посходили?

Но Лопатко оказался прав. Эти листочки, пожалуй, были самым ценным трофеем чекистов. Вряд ли когда-нибудь станет известным, почему Агаев таскал их в своей сумке и перед вылетом из Бухареста не отдал Гамке. Да это теперь и не имеет значения. Драгоценные листочки, аккуратно размноженные, долго оставались очень важными документами советской контрразведки. Ведь на них рукою Агаева были записаны имена, фамилии, год и место рождения агентов, лично завербованных им для фашистской разведки!

Вскоре опознали того, кто скрывался под фамилией Агаев. Это был некий Амирхан Тлеумагамбетов, служивший в начале тридцатых годов агрономом в Жилокосинском райземотделе. Вспомнили, что в молодости он околачивался в белокошемных байских юртах и был из породы тех пакостных людишек, которых в свое время в русских селах называли метким словом — подкулачник.

Но последняя страница в истории этой безумной авантюры еще не была дописана. Среди пойманных девяти диверсантов оказался радист Махмудов. Ему были известны код, пароль и переговорная таблица большой рации. Приближался день, когда Агаев обещал связаться с берлинским радиоцентром. Диверсан-

ты рассказывали, что главарь хвастался, будто бы по первой же его просьбе в советский тыл забросят остальных людей из отряда «Алаш». Тогда родилась мысль завязать с шефом Агаева радиоигру.

В конце мая вызвали Берлин. В эфир ушла шифровка: «Все благополучно. Приемник исправили. Жду обещанного. Иранов». Через два часа поступил ответ: «Посылаем гостей. Разложите костры в квадрате 20—43».

Точно в указанный срок в квадрате, расположенном в районе степной реки Сагыз, появились в ночном небе бортовые огни немецкого самолета. Вспыхнули костры. В окопах с пулеметами и автоматами замерли чекисты, ожидая, что вот сейчас им придется встретиться с основными силами агаевской банды. Но на берега Сагыза приземлилась только тройка парашютистов. Ошалело озираясь по сторонам, парашютисты подняли руки и торопливо объяснили, что к отряду «Алаш» не имеют прямого отношения. И тут выяснились любопытные подробности. Эти трое оказались теми «земляками», которые приходили к диверсантам на «Виллу Габбель». Они являлись тайными сотрудниками гестапо и должны были следить за ходом восстания, поднятого Агаевым. Видимо, и в главном управлении имперской безопасности не сомневались в успехе затеянного заговора и пытались заблаговременно подключить к нему своих агентов.

...Тихое безветренное утро выдалось в тот день, когда хоронили Байжана Атагузиева. После запоздалых весенних ливней ходко пошли в рост травы, и в урочищах среди типчака и белых прядей ковыля полыхали золотистые огоньки тюльпанов. В горестном молчании люди предавали земле прах Байжана Атагузиева. И над его скрытой охапками тюльпанов могилой, где через семь дней аульные женщины по обычаю предков возведут глиняные стены мазара, ударил залп.

С воинскими почестями хоронили старого колхозного бригадира. Три раза разносило эхо над всей окрестной степью звуки залпов, потому что в тот час на пологом берегу казахской реки Эмбы хоронили человека, который пал, сраженный вражеской пулей, пал как солдат, защищая свою родную советскую землю.

А. АБУЗАРОВ

В ПОГОНЕ ЗА ПРИЗРАКОМ

Еще за пределами Казахстана, находясь в длительной командировке, я узнал, что немцы в мае 1944 года выбросили группу парашютистов на берега Эмбы.

Для людей, не знакомых с историей тех мест Гурьевской области, такой шаг гитлеровской разведки казался странным. На самом деле, зачем понадобилось гитлеровским генералам забрасывать в глубокий тыл, в полупустынную местность своих людей? Как разведчики они не могли принести большой пользы фашистскому командованию. Их сведения в лучшем случае пролили бы свет на работу республик Средней Азии в поставке людских и материальных резервов фронту. До того ли тогда было немцам? Как диверсанты парашютисты тоже ничего существенного сделать не могли. Что же привлекло внимание фашистской разведки к берегам Эмбы?

Об обстоятельствах, послуживших толчком для возникновения авантюры с заброской парашютистов, я и хочу рассказать.

В двадцатых и первой половине тридцатых годов я работал в районах Гурьевской области и в самом Гурьеве. Еще в 1927—1928 годах, с началом конфискации имущества баев-полуфеодалов, в отдельных аулсоветах Гурьевской области стали появляться вооруженные бандитские группы. Они грабили кооперативы, мирных жителей, убивали активистов.

Баи и духовенство поддерживали бандитов и морально и материально, рассматривая их как готовое вооруженное ядро для использования на случай открытого выступления против Советской власти.

Нам, практическим работникам ОГПУ, было предложено окружным комитетом партии в самый короткий срок разгромить эти банды.

В Новобогатинском районе в первом же столкновении с коммунистическим оперативным отрядом был убит главарь банды, крупный скотокрад Амангали, и несколько человек сдалось в плен. Однако основная часть банды во главе с беглым преступником Муканом скрылась в песках и долгое время себя не проявляла. В начале 1928 года она вновь появилась на территории Таскудукского аулсовета. На разведку туда направили меня. Хорошо зная расположение аулов и их жителей, я вскоре установил численность банды, ее вооружение и вероятные места укрытия. Узнал также, что Мукан в два месяца раз посещает родственника, проживающего на стыке Таскудукского и Кзылкудукского аулов. Очередной приезд его ожидается такого-то числа. Маршрут, которым Мукан обычно направлялся к своему родственнику, оставался тот же.

Пользуясь этими данными, уполномоченный ОГПУ Иван Ипполитович Чапурин ночью прибыл с отрядом в аул и устроил засаду. Как и предполагалось, на рассвете сюда же приехал с группой вооруженных бандитов Мукан. Оставив своих конников недалеко от аула, главарь банды, вооруженный карабином, зашел в кибитку. По сигналу Чапурина охрана Мукана была окружена и без выстрела обезоружена. Чапурин бросился к кибитке, чтобы захватить Мукана, но тот, услышав шум, выскочил из кибитки и, прячась за кучами навоза и разбросанными везде предметами, стал отступать вдоль двора, пытаясь взять на мушку Чапурина. Чекист, искусно используя укрытие, не отставал от бандита. Так они обошли вокруг двора. Улучив момент, Мукан выстрелил. В ту же секунду прогремел выстрел Чапурина. У Ивана Чапурина пробило пулей фуражку, а бандит был убит наповал: пуля попала ему в лоб.

Для ликвидации банды Кудускерея Кенжахметова в Кзыл-Кугинском районе в разведку выехало нас уже

двое: Имангалий Саналиевич Ефименко и я. Имангалий, украинский мальчик, оставшийся без отца и матери, еще в детстве был усыновлен и воспитан казахом Саналием. Толковый чекист, обаятельный и отзывчивый человек, Имангалий пользовался уважением как у казахов, так и у русских.

Мы быстро установили, что в песках в сорока пятипятидесяти километрах от поселка Кзыл-Куги проживает жена главаря банды и семьи других бандитов. Местные жители нам помогли узнать время приезда бандитов к семьям.

Ликвидация банды была поручена отряду Чапурина. До Кзыл-Куги отряд ехал на автомашинах, а здесь в ту же ночь пересел на лошадей и двинулся в пески, чтобы до рассвета укрыться в засадах.

Примерно в полдень появился вблизи засады главарь банды Мусагалий с несколькими вооруженными людьми. Сам он сразу не поехал в аул, направил сначала разведку.

Попав в окружение бойцов отряда, бандиты без выстрела сдались и сдали оружие. Один из задержанных по предложению Чапурина дал Мусагалию условный сигнал, и тот направился в аул.

В этот момент наш боец произвел преждевременный выстрел. Мусагалий, круто повернув лошадей, стал уходить. Началась погоня. На протяжении двадцати километров разрыв между Мусагалием и преследователями не сокращался, а потом что-то у него случилось с лошадьми. Главарь банды стал отстреливаться и вскоре был убит.

На подавление банды Курмаш Кащанова, убившей нескольких активистов в Жилокосинском районе, выехали мы с Чапуриным и большой комотряд, сформированный в Гурьеве. Целый месяц шли по следу банды, пока не сблизились. Начались бои. В неоднократных стычках и перестрелках нам все же удалось перебить большую часть банды. Главарь с небольшой вооруженной группой бежал в Туркмению, откуда намеревался уйти за границу. Однако сделать это ему не удалось. Вблизи границы бандитов окружил оперативный отряд Темиргалиева. Курмаш во время перестрелки был убит.

Первое задание окружного комитета партии мы

выполнили довольно быстро. Мелкие банды в то время у нас не вызывали особого беспокойства.

Тревога появилась, когда бандитские группы стали возникать в Жилокосинском и Мангистауском районах, где проживали адаевцы. Сами по себе люди этого казахского рода душевные, простые, гостеприимные.

Беда адаевцев заключалась в том, что в то время среди них было слишком велико влияние баев и мулл, которым бедняки слепо верили.

Кочевой образ жизни, межродовые войны и столкновения с туркменами на протяжении долгой истории сделали адаевцев смелыми, воинственными, выносливыми.

Еще во время гражданской войны джигиты этого рода, отличные наездники, успешно нападали на подразделения белой армии генерала Толстова и отбирали у них оружие. Были у адаевцев не только винтовки, но и пулеметы.

Некоторые баи из рода адай сумели бежать в Иран и слали оттуда боеприпасы, английские карабины. И теперь адаевцы, руководимые баями и муллами, представляли немалую опасность.

Помню, как-то Чапурин, Ефименко, Фетисов и я много говорили об этом между собой. Вскоре наши опасения подтвердились.

Александр Ильич Фетисов давно занимался этим районом, изучал людей, вскрыл повстанческую организацию среди них, часть главарей арестовал. Зная хорошо, с какой настойчивостью и непримиримостью баи и муллы ведут работу против Советской власти, он еще в Айбасе Новобогатинского района, где я принимал у него оперативный отряд, говорил, что на Мангышлаке должны развернуться большие события и едва ли там легко нам будет справиться с поручениями окружного комитета партии.

Вскоре вспыхнуло вооруженное выступление в Мангистауском, Жилокосинском районах и некоторых районах Актюбинской области. Мятежники ворвались в районный центр Форт-Александровск, захватили тюрьму, разгромили советские учреждения, убили нескольких коммунистов и советских работников. Пытались захватить почту и телеграф, районное отделение ОГПУ и крепость, но сделать им это не удалось. Все

эти пункты обороняли небольшие оперативные отряды из чекистов, коммунистов, комсомольцев и местного актива. Оборону почты и телеграфа возглавлял Иман-галий Ефименко, крепости — бывший чекист начальник милиции Кравцов, райотделения ОГПУ — Жуков.

С помощью наших подоспевших отрядов повстанцев удалось не только разбить и выгнать из города, но и рассеять.

Потом началась длительная борьба по очищению районов от бандитов. В столкновении с бандитами в районе промысла Бусага был убит чекист Фетисов. Именем его позже были названы одна из улиц Гурьева, залив и промысел Бусага.

События в Айбасе и на Мангышлаке приняли настолько широкий размах, что для ликвидации мятежа, кроме отрядов Фетисова, Ефименко, Чапурина, Абузарова, Пчелина, Арсланова, Гродненского, Письменного и других, потребовались воинские подразделения.

Все это было в 1930—1931 годах. Со времени трагедии, которую пережили многие адаевцы в результате слепого доверия баям и муллам, прошло без малого тринадцать лет. Народ понял за это время, что собой представляют обманщики и провокаторы, твердо осознал, что не по пути ему с предателями родины. Адаевцы сплотились вокруг Коммунистической партии и Советской власти, которую стали считать своей, родной.

Гитлеровцы, видимо, знали об истории, в которую когда-то баи и муллы втянули адаевцев, и решили попытать счастья.

Положение в июне 1944 года у немцев было скверное. Приходилось хвататься за соломинку. Немецким фашистам очень хотелось поднять восстание в глубоком тылу Советского Союза, чтобы оттянуть с фронта хоть какую-то часть войск. Но это была несбыточная мечта. Увлеченные кем-то подброшенным планом, фашистские разведчики погнались за призраком.

В апреле 1948 года я вернулся в родной Казахстан. Захотелось проверить, прав ли я был в своих догадках. Разыскал в архиве материалы, из которых явствовало, что все парашютисты были завербованы немцами из числа активистов так называемого «Туркестанского легиона». Главарь их Алихан Агаев, произведен-

ный немцами в обер-лейтенанты, на прощальном банкете перед Ольцишем, Шломсомсом, зондерфюрером Граве и обер-лейтенантом Гамке, подчиненными одного из главарей гитлеровской разведки Рейнгарда Гелена, произнес такую речь:

— Дело, порученное верховным германским командованием, мы выполним с честью. Я знатный адаевец и сумею поднять весь свой род адай на борьбу с Советами.

Просчитался Гелен, поверив бредовым мечтам честолюбивого изменника родины. Просчитался и «знатный адаевец». Ослепленный своей ненавистью к советской власти, он ничего не понял в тех процессах, которые совершенно преобразовали сознание его земляков за годы, прошедшие после гражданской войны. Призрак ушедшего навсегда прошлого не давал покоя предателю и ничтожному авантюристу Агаеву, бывшему когда-то жалким прихлебателем у баев и мулл.

А бедняки из рода адай стали честными советскими тружениками, истинными патриотами. И они помогли чекистам уничтожить банду изменников, заброшенную гитлеровцами в Гурьевскую область.

И. ЧАПУРИН

В ПЕСКАХ У КОЛОДЦА

Ранним июньским утром в порту Баутино с самоходной баржи «Исфагань» высадился кавалерийский дивизион войск ОГПУ и вооруженный отряд из восьмидесяти коммунистов города Гурьева.

Командовал дивизионом товарищ Сырма, а отрядом — автор этих строк.

Для выполнения особых работ и поручений к нашему воинскому подразделению был прикомандирован Александр Ильич Фетисов, занимавший в то время в Гурьеве должность начальника городского отделения ОГПУ.

Это был очень интересный человек, хороший товарищ, преданный своему делу коммунист. Физически крепкий, закаленный. Грамотному, толковому чекисту не раз поручались сложные задания.

В Гурьев Фетисов прибыл в 1928 году и сразу же включился в подготовку конфискации имущества баев-полуфеодалов. В поездках по своим хлопотливым делам он вдоль и поперек исколесил Денгизский и Новобогатинский районы; бывал и в Мангистауском. Во время этой работы он хорошо изучил тайных и явных врагов Советской власти.

---

* Иван Ипполитович Чапурин стал чекистом еще в 1920 году. После ухода на пенсию проживал в г. Гурьеве. До последнего дня работал. Умер 10 апреля 1965 г. Воспоминания, написанные им для партархива, и очерк «В песках у колодца» — его последние работы.

Фетисов Александр Ильич (справа) и Попов Владимир Иванович.

Зная язык и быт казахского народа, Фетисов быстро ориентировался в обстановке. Назначенный в Форт-Шевченко уполномоченным ОГПУ по Мангистаускому району, Фетисов вскрыл глубоко законспирированную контрреволюционную организацию. Во главе ее стояли бай Тубанияз Алниязов и бывший царский жандарм Унгалбаев. Сговорившись с муллами, ишанами и баями Каракалпакии и Туркмении, они готовили крупное восстание для отторжения бывшего Адаевского округа, Каракалпакии и Туркмении от СССР и создания так называемого Хорезмского буржуазного государства под эгидой капиталистической Англии.

Кое-кого из заговорщиков удалось арестовать, но уцелевшие антисоветчики подняли восстание. На его подавление мы теперь и направлялись.

В порту Баутино объединенный отряд не задержался, сразу же организовав преследование бандитов.

Вскоре прибыли к колодцам Каракум — Бусага. Здесь нам стало известно, что примерно в сорока-пятидесяти километрах, у степных колодцев, скапливаются отряды вооруженных адаевцев, которые имеют намерение напасть на наш отряд и уничтожить его. Для проверки этих сведений командир дивизиона выслал разведку на грузовой автомашине. Вернувшись, разведчики доложили, что уже в десятке километров отсюда они встретили много вооруженных всадников, двигающихся к стоянке нашего отряда.

Командир дивизиона дал мне приказание с отрядом коммунистов занять возвышенность, на которой виднелись намогильные глиняные сооружения. Высота господствовала над остальной местностью. Посадив отряд на три автомашины, я двинулся к высотам. В последний момент в кузов передней машины, где находился и я, вскочил Фетисов с винтовкой в руках.

— Будем вместе,— сказал он.

Я упрашивал его остаться при дивизионе, но он категорически отказался. Фетисов был человеком решительным, и спорить с ним не имело смысла.

Примерно в трехстах метрах от могил бандиты обстреляли наши автомашины частым винтовочным огнем. Оказалось, что возвышенность была уже занята бандитами. Я приказал бойцам покинуть машины и повел их в наступление.

Фетисов первый бросился в атаку. Сильный огонь заставил нас, однако, рассыпаться в цепь и залечь. Наступать мы стали мелкими группами под прикрытием пулемета и огня остальных бойцов. Когда приблизились к надгробиям на двести метров, отряд неожиданно попал под огонь с правого фланга. Неподалеку от нас проходил крутой овраг, не отмеченный на карте, по нему-то бандиты и зашли к нам во фланг.

Почти одновременно с левого фланга показались большие группы конников. Они шли в направлении кавалерийского дивизиона, стремясь отрезать нам путь отступления к колодцам.

Пулеметчик сосредоточил огонь по засевшим в овраге бандитам. Под его прикрытием мы стали отходить к колодцам. Когда пулеметчик перенес огонь на левый фланг, по коннице, обстрел нашей цепи из оврага усилился. В этот момент делавший перебежку Фетисов был сражен разрывной пулей. Пуля перебила ему позвоночник и несколькими осколками вышла в левом боку.

Первым к Фетисову подбежал молодой сотрудник Гурьевского окротдела ОГПУ Владимир Иванович Попов, а затем и я. Фетисов был уже без сознания и не мог двигаться. Сердце, однако, еще билось.

Вместе с Поповым и подоспевшими бойцами мы перенесли Фетисова за бугры, где находились автомашины, положили его в кузов. Трое стрелков и пулемет-

чик коммунист Демин решили прорваться в дивизион. Там был наш врач Н. И. Андреев, который мог оказать Фетисову необходимую помощь.

Замкнувшая кольцо окружения конница повстанцев преградила путь Демину. Его пулемет все время бил по бандитам. Водитель, искусно управляя автомашиной, настигал конников, и они падали под метким пулеметным огнем.

Наконец кольцо окружения было прорвано, конница рассеялась и отступила.

Пули со стороны оврага и могил нам уже не причиняли вреда, и мы, спокойно погрузившись в машины, также направились на соединение с дивизионом. Нас ждала тяжелая весть: Фетисов умер. Тут же, у колодца, под песчаным курганом, мы его и похоронили.

Бандиты не оставляли попыток захватить нас и уничтожить. Окружив отряд плотным кольцом, они предприняли несколько атак. Однако каждый раз сами отступали, теряя убитых и раненых.

Только поздней ночью бандиты отошли, расположившись в двух-трех километрах от нашей позиции.

На второй день с рассветом бандиты вновь обложили нас со всех сторон и повели яростные атаки. Но за ночь мы укрепили позиции, вырыли окопы и успешно отбивали все атаки. Тем не менее наше положение осложнилось: кончались боеприпасы. Это заставило нас пойти на риск. В конном строю, двумя взводами, мы решили атаковать возвышенность, где, по нашим данным, находилось командование бандитов.

Отчаянная вылазка под командованием политрука дивизиона Клигмана увенчалась успехом. Политрук и командир взвода Джанчураев, несмотря на то что первый был ранен в ногу, а под Джанчураевым убита лошадь, зарубили в окопе упорно сопротивлявшегося главаря банды и двух его приближенных. Бойцы также порубили шашками не менее тридцати бандитов. Уцелевшие бросились к своим коноводам и в панике отступили. Через некоторое время вся банда, лишившись главарей, поспешно отошла на юг.

Позднее наш объединенный отряд по приказу Москвы отошел к заливу Киндерли, куда из города Баку нам были высланы боеприпасы и продовольствие. Борь-

ба с повстанцами возобновилась и велась до тех пор, пока с бандитами не было покончено навсегда.

... Смерть Фетисова огорчила всех, кто его знал. А знали и любили его многие. После разгрома бандитов боевые друзья Фетисова дали последний прощальный салют над могилой храброго воина-коммуниста. Позже я узнал, что Фетисов — уроженец города Семипалатинска, из рабочей семьи, сам до революции работал по найму. В гражданскую войну отец и сын Фетисовы сражались с белогвардейщиной.

В ОГПУ Фетисов пришел в 1926 году из партийных органов.

В. КОЖЕВНИКОВ,
С. МАЦУЛЕНКО

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

В Лукомский лес с группой чекистов Андрей Чернов был заброшен самолетом. Трое суток он скрывался в густом ельнике. Изучал обстановку, ждал. Ему было точно известно: колонна пленных советских бойцов и командиров должна проследовать именно этим путем. До Борисова, где находился лагерь военнопленных, было не так уж далеко. Но время шло, и Чернов начал тревожиться, как-то ему удастся выполнить свое первое боевое задание в тылу врага. Еще там, на Большой Земле, при подготовке к операции, ему сказали:

— Нужно во что бы то ни стало проникнуть в лагерь военнопленных. По сведениям, там вербуют людей для Борисовской разведшколы. Постарайтесь попасть в это гнездо шпионажа. Нам важно знать, куда немцы направляют своих агентов, с какой целью. Задача трудная, чрезвычайно рискованная. Будьте осторожны.

На исходе четвертого дня Чернов направился прямо в село к крайней избе, покрытой черепицей. Он знал, что здесь живет местный полицай. Андрей встретил его возле палисадника. Тот держал в руке лопату. Возле него лежала крупная дворняжка. Собака злобно зарычала и рванулась к Андрею. Хозяин удержал ее.

— Здравствуйте,— нарочно робко сказал Чернов.— Нельзя ли у вас переночевать и что-нибудь перекусить.

— Кто таков?— бородатый мужик смотрел на Чернова исподлобья.

Андрей рассказал, что он штабной писарь, выходит из окружения, растерял в лесу товарищей и теперь пробирается к своим. Трое суток лесной жизни да неделя специального режима перед отлетом сделали свое дело: осунувшийся, помятый, в изодранных обмотках, заляпанных грязью, он показался полицаю одним их тех, кто действительно выходил из окружения.

— А куда винтовку сховал?

— А зачем она мне? Какой я теперь солдат? Один в поле не воин.— Андрей имел при себе только ложку, фиктивную красноармейскую книжку да пустой замызганный кисет.

«На ловца и зверь бежит»,— подумал полицай и, проверив документы Чернова, вслух произнес:

— Ну что ж, солдатик, заходи, коли не хитришь.

Пока они ужинали, в деревню вошла колонна пленных.

— Шнель! Шнель!— грубо кричали конвоиры, подталкивая отстающих автоматами.

Увидев в окно немецких автоматчиков, Андрей изобразил на лице испуг, вскочил с места.

— Стой, вояка, не суматошься,— полицай достал револьвер.— Ты своих хотел побачить? Выходи!

— На месте разберемся,— брезгливо бросил немецкий офицер по-русски, когда полицай подвел к нему Андрея.

К вечеру колонна прибыла в лагерь. Пленных загнали в барак, а Чернова сразу же допросили. Два эсэсовца через переводчика задавали вопросы. Андрей отвечал четко, но неторопливо. Он хорошо запомнил напутствие комиссара: не торопиться говорить, торопиться слушать. Знание немецкого языка помогло ему. И пока переводчик говорил, он успевал обдумывать ответы. Заранее отработанная легенда оправдала себя: Андрей сразу понял это по замечаниям эсэсовцев. Он сделал вид, что ничего не понимает по-немецки, и продолжал смотреть на них вопросительно.

Спустя неделю Чернова как «бывшего штабного писаря» вызвал комендант лагеря. В кабинете находился еще один пленный — приземистый парень лет двадцати пяти, с пугливым взглядом и жидкими белесыми волосами. По сравнению с ним смуглый кудреватый Андрей выглядел молодцом.

Разговор с ними вел не комендант, а незнакомый Чернову немецкий майор, полный, румяный, как спелое яблоко, с белыми холеными руками и маленькими колючими глазками. Он чисто говорил по-русски. Вопросы задавал умело. Его больше всего интересовало делопроизводство и особенности учета кадров в Красной Армии.

Андрей догадывался, что от разговора с этим хитрым немцем зависит его дальнейшая судьба. Он ставил на карту весь запас знаний, полученных при подготовке к операции. Впрочем, он внимательно следил и за ответами своего напарника. Белобрысый был настоящим штабистом. Слушая сильно заикающегося от волнения белобрысого, Андрей успевал схватить смысл вопросов и сформулировать свои ответы во время этого своеобразного экзамена.

— Беру обоих,— наконец заявил толстяк коменданту.

Вместе с пугливым парнем Андрей был взят на работу в бюро по изготовлению документов Борисовской разведшколы. Обоим сразу присвоили клички: Чернову — «Сизов», его напарнику — «Баранов».

В первую ночь на новом месте Андрей долго не мог заснуть. Давало себя знать нервное напряжение. Но главное было не в этом. Его беспокоил завтрашний день. Ведь именно завтра для него начнется настоящая работа разведчика.

... Прошел месяц, а от Андрея все еще не было вестей. На чекистской базе в Лукомском лесу не знали, что с ним, где он: в лагере военнопленных или в разведшколе и жив ли вообще. Каждую неделю связной, обосновавшийся в Борисове под видом часового мастера, сообщал одно и то же: «Часы стоят». Это означало: известий нет. Командир группы стал беспокоиться за судьбу Чернова. По согласованию с центром он решил ввести в игру еще одного человека. Выбор пал на официантку офицерского казино в поселке Печи, где располагалась немецкая разведшкола. Другого пути установить связь с Андреем, если он действительно там, не было. Поселок находился в шести километрах от города, тщательно охранялся эсэсовцами и проникнуть туда, не имея специального разрешения, невозможно. Да и каждый новый человек мог вызвать у

немцев подозрение. Они хорошо знали местных жителей. Тоня Колчина жила в поселке вместе с матерью и пятилетней дочуркой. Муж ее погиб в первые дни войны. Немцы знали об этом, но не трогали ее. Они взяли ее в казино, надеясь, что, имея ребенка, она не станет рисковать и связываться с партизанами. Но никто не подозревал, что эта хрупкая молодая женщина уже с первых дней оккупации выполняла задания партизанского отряда.

От своей подруги, которая торговала овощами на городском рынке, Тоня получила новое задание. Теперь она каждый день присматривалась к посетителям казино. Многих из них она знала давно, некоторых видела впервые. Но ни один из них не походил на человека, внешность которого ей описали. «Здесь ли он вообще?» — беспокоилась Тоня. Ведь почти все сотрудники школы наведывались в казино, а Чернов ни разу не появлялся. Правда, в школе есть своя столовая для курсантов. Но вход туда посторонним категорически запрещен. А расспрашивать знакомых офицеров — значит навлечь на себя подозрение.

Между тем Андрей сам давно искал возможности встретиться с «часовых дел мастером». Но попасть в город пока не удавалось. Его новый шеф Гонзери по кличке «профессор» под страхом смерти запретил отлучаться из гарнизона. Оставалось одно: терпеливо ждать подходящего случая и быстрее войти в доверие к Гонзери.

Первые две недели Чернов с напарником работали с утра до позднего вечера. Через их руки прошли сотни разнообразных документов. Здесь были и красноармейские книжки, изъятые у пленных и убитых советских бойцов, и фиктивные бланки всевозможных воинских справок, и удостоверения личности, и поддельные печати, и фальшивые паспорта, и анкеты на агентов немецкой разведки, заброшенных в тыл Красной Армии. Все это было аккуратно занесено в картотеку, составленную по инициативе Андрея.

За усердие «профессор» похвалил их. Он ежедневно заходил в бюро. Появлялся внезапно, бесшумно, словно кошка, и напарник Чернова в первое время даже вздрагивал от неожиданности.

— Ты что, голубчик, трепыхаешься, как пуганая

ворона?— спросил однажды Гонзери.— Или на руку не чист?

Баранов после того стал заикаться еще больше.

— Вот п-паразит, так и н-норовит нас п-п-подстеречь,— сердито сказал он после ухода Гонзери.

Андрей промолчал. Он еще плохо знал напарника. С первого дня Баранов держался замкнуто. Чернов не раз пытался заговорить с ним, но безуспешно. Тот или отмахивался, или отвечал односложно, или смотрел на Андрея загадочным взглядом, в котором сквозили не то испуг, не то подозрительность, не то затаенная печаль. «Кто он? Не провокатор ли?»— терялся в догадках Андрей. Но, столкнувшись с настоящими провокаторами, он вскоре отбросил эту мысль.

Как-то в столовой за ужином к ним подсели два сотрудника.

— Приятного аппетита,— вежливо улыбаясь, сказал один из них по-немецки.

Андрей удивленно взглянул на Баранова. Тот молча пожал плечами, продолжая есть.

— Простите,— сказал второй по-русски.— Мы думали, что вы немцы. Значит, мой друг ошибся. Весьма рад его заблуждению. Среди этой немчуры,— он покосился на гитлеровцев, сидевших в углу зала,— приятно встретить соотечественников. Можно, так сказать, по душам поговорить. А то мы, откровенно скажу,— и чуть придвинулся к Андрею,— изголодались по русской речи.

Чернов несколько раз видел их в столовой, но не знал, чем они занимаются в школе. Однажды Гонзери назвал их «охотниками». Такие клички носили агенты, которых немцы забрасывали к партизанам. «Они, конечно, не могли не знать, кто мы»,— подумал Чернов, бросив быстрый взгляд на Баранова. Ему хотелось определить реакцию своего напарника на эту болтовню. Но тот еще ниже склонился над тарелкой. Видно, Баранов сам боялся провокации.

На другое утро Чернов с деланным возмущением рассказал Гонзери об «охотниках».

— «Охотниками» я займусь сам,— сказал тот.— А вам с Барановым разрешаю посещать казино, но только по воскресеньям. Туда заходят наши курсанты. Послушайте, о чем они болтают там.

Чернов получил пропуск и в первое же воскресенье направился в казино вместе с Барановым. «Так лучше,— думал он.— Присутствие напарника может как-то обезопасить от задуманного «профессором» подвоха. Да и белобрысого пора прощупать».

Они вошли в казино в самый разгар веселья. Вовсю гремела радиола. Немцы развлекались кто как мог. Андрей с Барановым уселись за крайним столиком в углу, напротив буфета. Клиентов обслуживали две официантки. Одна — молодая с приятным лицом и русыми косами, скрученными в узел на затылке. Другая — средних лет, полная, с грубоватыми чертами лица. Немцы в шутку называли ее «Мадонной», а первую —«фрау Тоня».

Колчина разговаривала с немцами игриво, ее украинская речь, разбавленная русскими, немецкими и белорусскими словами, вызывала беззлобный смех. Когда она подошла к столу, Андрей заметил, как в ее утомленных глазах вспыхнул и тут же погас радостный огонек.

— Що вы хочете, щоб я подала?— вежливо спросила она.

Приняв заказ, Тоня бросила испытующий взгляд на угрюмого Баранова и молча удалилась за стойку буфета.

Андрей прислушался к разговору двух курсантов, сидевших справа. Один вполголоса рассказывал другому, как его завербовали.

— И вот с тех пор я «граф Шумилов», иностранец-белорусс и по профессии шпион.

Снова подошла Тоня. Андрей пытался заговорить, но она только улыбалась. Присутствие напарника настораживало ее.

По дороге к зданию школы Баранов вдруг стал словоохотливым. То ли выпитое вино подействовало, то ли внутри давно накипело, но чувство страха, так долго державшее его в плену подозрительности, исчезло.

— Б-больше ноги моей зде-десь не б-будет,— с раздражением сказал он.— Я не могу г-глядеть на этих п-пьяных ск-котов. Да и раб-ботать на них мне п-противно. Так хочется на-насолить им. Ск-кажи мне, Сизов, д-долго ли мы еще б-будем т-так мучиться?

Вокруг никого не было. Из казино все еще доносились звуки музыки. Опасность быть подслушанными не угрожала. И Андрей решил прямо, без обиняков, сказать, чем, по его мнению, они могли бы «насолить» немцам. Баранов слушал внимательно.

— Я д-давно хотел п-предложить тебе т-то же самое,— ответил он.

— Итак, по рукам?— сказал Андрей.— С завтрашнего дня документы готовим с легким изъяном: из двух — один с браком. Относиться друг к другу станем хуже. Пусть «профессор» думает, что мы не сошлись характерами. Это облегчит нашу работу.

И уже с понедельника в красноармейских книжках и удостоверениях личности, которые выдавались агентам перед заброской в тыл Красной Армии, начал появляться «брачок»: незаметное с первого взгляда искажение номера воинской части, слишком отчетливый, не такой, как в подлинных документах, оттиск печатей, ошибки в адресах госпиталей.

А в следующее воскресенье Андрей снова пошел в казино. На этот раз один. Немцев было немного.

Чернов сел за тот же крайний стол, что и в первый раз. Раскрыв меню, он долго изучал его и заодно прислушивался к немцам.

— Скажите, пожалуйста, сколько времени? Мои часы стоят.

Андрей поднял голову. Возле него стояла Тоня.

— Вам привет от часовых дел мастера.

— Счастливые часов не наблюдают,— ответил Чернов, глядя на Тоню с удивлением. Он никак не ожидал услышать здесь, в этом казино, знакомый пароль.

— Що б вы хотилы зьисты?— улыбнулась она.

— Сосиски можно?— спросил он и торопливо вполголоса добавил:— Работаю у «профессора». Пока все гладко.— Он опять повысил голос: — Чашку кофе. Один коктейль.

Связь заработала. Теперь Тоне каждое воскресенье можно передавать сводки: кто из агентов и куда заброшен, приметы и клички, на чье имя и какие выданы ему документы...

Гонзери доверил Чернову проверочные беседы с отдельными агентами. Это позволяло изучать немецких разведчиков не только по документам. Одни механи-

чески, равнодушно повторяли заученные записи в фальшивках, другие отвечали четко, уверенно — видно, опытные шпионы. Третьи, их было немного, смотрели на Чернова враждебно. Андрей чувствовал, что они ненавидят его. Рослый агент по кличке «Темный» даже назвал его предателем.

«Этим стоит заняться»,— подумал Андрей, а вслух произнес:

— Ты что, снова в лагерь захотел попасть? Одно мое слово, и шеф живо тебя упрячет.

«Темный» криво усмехнулся и вышел из кабинета.

— А вд-друг это очередная хитрость шефа?— тихо спросил Баранов.

Чернов и сам понимал, что Гонзери мог специально подставить ему своего человека. «Как поступить в этом случае? Выдать «Темного»? А что если этот верзила действительно ненавидит немцев? Нужно с ним еще раз встретиться»,— решил Андрей.

В тот же день он рассказал Гонзери о результатах проверочной беседы и как бы между прочим спросил:

— Как поступать с теми, кто ведет себя нагло?

— Не обращай внимания. Они только перед вами хорохорятся. Важно, чтобы парни назубок знали свою новую биографию.

Записи в документах обычно были немногословными. Запомнить один или два десятка слов — дело нетрудное. Чернов решил передавать Тоне содержание только этих записей. По одной фальшивке каждый раз.

В назначенное время он явился в казино. Андрей сразу оценил находчивость Тони: радиола звучала на полную мощность. Немцы о чем-то болтали, но их голоса заглушала музыка. Свободных столиков было много. Чтобы не вызывать подозрений, Андрей выбрал новое место. Он знал, что за ним могут следить.

Подошла Тоня и, как обычно, приветливо поздоровалась. Посматривая в меню, Чернов сказал:

— Слушайте внимательно и запоминайте: удостоверение личности, серия... номер... Капитан Белых Степан Андреевич. Заброшен в Москву в июне. Кличка «Монах».

Андрей рассмеялся и снова повторил данные.

Тоня принесла ужин по своему выбору.

— Вам привет от командира,— сказала она, ставя на стол закуску и пиво.— Вспоминают про вас. Жинка и дочка ваши живы и здоровы.

Андрей возвращался из казино в приподнятом настроении. Шел не спеша. Под сапогами похрустывал первый снег. Небо было звездное и казалось мирным, спокойным, даже задумчивым. Из-за темного леса выплывала яркая приветливая луна, озаряя поселок серебристым светом, отчего сумрак вокруг становился прозрачным.

Навстречу в обнимку шла парочка. Когда они поравнялись, Андрей узнал «Темного». Тот был пьян, от него несло самогоном. Увидев Чернова, он на мгновение опешил, затем грубо отстранил девицу.

— А-а, гад, попался,— зарычал «Темный», надвигаясь на Чернова.— Теперь я тебя проучу. Ты думаешь, я дурак, не соображаю, что ты за птица? На фашистов работаешь?— в его руках блеснул нож.

Андрей отпрянул в сторону, но «Темный» поймал его за локоть. Резкий удар в челюсть, и верзила грохнулся на землю.

На другой день «Темный» бесследно исчез, как исчезали многие агенты, не оправдавшие доверия «профессора». Среди местного населения у Гонзери были свои люди. К ним относилась и та девица, которую Чернов встретил вместе с «Темным».

После этого случая Гонзери все реже и реже появлялся в бюро. Ему казалось, что два месяца — достаточный срок для проверки лояльности Чернова и Баранова. Их недружелюбные отношения между собой он принимал за чистую монету.

— Где взаимная неприязнь, там и взаимный контроль. Лучшего и не придумаешь,— сказал он преподавателю радиодела, своему единственному другу.

В начале ноября, когда немецкие войска стояли в Сталинграде, почти у самой Волги, многих сотрудников школы наградили. Медаль «За храбрость и заслуги» получил и Чернов. Вручая ему награду, Гонзери перед строем курсантов сказал с пафосом:

— Сизов незаменимый работник. Он безгранично предан нашему великому делу, и его честность не вызывает у меня ни малейших сомнений. Он отдает все силы для победы германской армии. К документам, из-

готовленным Сизовым, не только большевики, но и сам черт не придерется. Действуйте энергично и смело!

Гонзери задумал убить сразу двух зайцев: своей похвалой вызвать у Баранова предательскую зависть, у Чернова — лакейскую угодливость.

Но Баранов не страдал честолюбием. Он разгадал «дипломатию» Гонзери.

— Ты не п-переживай,— сказал он Чернову.— Я ведь все п-понимаю. П-пока шеф д-дремлет, нужно спешить.

И они спешили. Завели две записные книжки, в которые наклеивали фотокарточки немецких агентов, засланных в тыл Красной Армии. Затем по памяти восстанавливали клички шпионов. Из журнала учета выписывали основные данные на них: подлинные фамилии, год и место рождения, вымышленные фамилии, на которые оформлялись фиктивные документы с указанием воинской части, военного звания и должности агента.

Все это делалось в строгой тайне, урывками. Для безопасности Чернов и Баранов поочередно, под видом перекура, дежурили в коридоре.

Андрей беспокоился лишь об одном: где хранить записные книжки. Шкатулка для ненужных бланков, куда он временно прятал «продукцию», могла в любой момент заинтересовать «профессора».

Как-то вечером во время работы внимание Чернова привлекла настольная лампа с толстой деревянной стойкой прямоугольной формы.

— Видишь?— тихо сказал он, показывая Баранову на лампу.

Работа закипела. Каждый день в послеобеденное время они поочередно возились с лампой, расширяя гнездо внутри стойки. Чтобы не стучать, пользовались только перочинным ножом. Через неделю тайник был готов. В него свободно вмещались две записные книжки.

Об этом Андрей решил сообщить в центр через Тоню. Когда он вошел в казино, его обдало пьяным угаром. Немцы преждевременно праздновали победу под Сталинградом. Среди них находилось много курсантов. Всюду раздавались безумные выкрики.

«Ликуете, черти?— усмехнулся Чернов.— Ничего. Будет и на нашей улице праздник».

— Эй, Сизов, садись с нами,— крикнул высокий блондин по кличке «Белый».

Андрей знал, что тот только что вернулся с задания. За столом сидели еще один курсант и рыжая девица с оголенными плечами. Отказываться от предложения было неудобно, и Чернов подсел к ним. От всей этой троицы разило водочным перегаром. «Белый» наполнил бокалы.

— Выпьем, Сизов, за победу!— торжествующе пробасил он.— Не стесняйся. Сегодня я угощаю.— Он сделал щедрый жест рукой.— «Профессор» всучил мне кучу денег.

— С удовольствием,— сказал Андрей.

— Сизов, дружище, ты знаешь, как меня щедро отблагодарили.— Язык у «Белого» начал заплетаться.— Я принес шефу оттуда такую депешу, что он будет век мне признателен. Только благодаря моим донесениям немцы разбомбили вдребезги советскую батарею под этим проклятым Воронежем.

«Из этого типа нужно выудить все, пока он пьян»,— решил Андрей и, улыбнувшись, спросил:

— Опять туда собираешься?

— Нет, хватит с меня. Пусть другие лезут под пули. Теперь я имею право целую неделю кутить вот с этой куклой.— «Белый» бесцеремонно обнял девицу за плечи.— А потом подамся в Борисов. Шеф поручил мне переловить там всех партизанских лазутчиков. В следующее воскресенье они у меня поплачут кровавыми слезами.

Подошла Тоня и поставила на стол новую бутылку водки.

— Тонечка, красотка!— «Белый» ухватил ее за локоть.— Заказывай. Любой подарок в городе достану. Я сегодня самый богатый человек.

Колчина избавилась от него шуткой и, забрав посуду, медленно удалилась. Спустя минуту она появилась за стойкой буфета. Андрей поднялся и, сделав вид, что захмелел, пошатывающейся походкой направился к буфету.

— Девушка, приготовьте, пожалуйста, коктейль для моих друзей.

Пока Тоня наполняла фужеры, Андрей закурил и, пуская ей дым в лицо, тихо сказал:

— В ночь на воскресенье готовится облава в городе. Моего собутыльника нужно обезвредить.— Он повысил голос: — Быстрей, дорогуша, наливай. Мои друзья не любят ждать,— и шепотом добавил: — Запомни его: кличка «Белый», фамилия Светланов.

Взяв поднос с фужерами, Чернов тем же нетвердым шагом вернулся на место.

Прошла неделя, другая, а Тоня как в воду канула. «Что с ней? Где она? Не попалась ли?» — беспокоился Чернов. Нужно что-то предпринимать, а что — он не знал.

Предчувствуя недоброе, Андрей снова пошел в казино. На этот раз избрал обеденное время, надеясь днем узнать о Тоне. На небольшой площади, возле магазина, толпились люди. Они о чем-то возбужденно говорили. Подойдя ближе, Андрей вздрогнул. На перекладине между столбами висела молодая женщина. На ее обнаженной груди лист фанеры с надписью: «Повешена за преступную связь с партизанами».

— Ироды проклятые,— тихо всхлипнула старушка и зашагала прочь.

С тяжелым чувством Чернов вошел в казино. Ни на кого не глядя, он сел за свободный стол, машинально взял меню и долго его рассматривал.

Знакомая украинская речь вернула Андрея к действительности. Он поднял голову, улыбнулся. Перед ним стояла Тоня. Ее лицо после болезни было бледно, но глаза светились радостью. От нее он узнал все новости. Облава в городе провалилась, «Белый» обезврежен, но в отместку за неудачу гестаповцы арестовали десять местных жителей якобы за связь с партизанами. Одну из жертв специально привезли в поселок и повесили здесь для устрашения.

Приближался Новый год. Обстановка на фронте обострилась. Тоня передала Чернову, что немцы под Сталинградом окружены. В гарнизоне царило напряжение. Все чего-то ждали. «Профессор» нервничал. В разговоре с Андреем высказал недовольство составом разведчиков, подготовленных школой. На новогоднем ужине он обрушился на курсантов с ругательствами.

— Я знаю каждого из вас,— кричал шеф.— Знаю, чем вы дышите и что думаете. Среди вас завелись большевистские агитаторы. Они мутят вам головы всякой ерундой. Я желаю знать, кто они? Кто эти сволочи, собачьи твари?

Андрей догадывался, что шефа беспокоят провалы агентов, и опасался новой вспышки его подозрительности.

В конце января «профессор» вызвал Чернова к себе. Не успел Андрей войти в кабинет, как Гонзери набросился на него:

— Это ты большевистский агент? Ты, собачий ублюдок? Мне теперь ясно, почему наши парни проваливаются. Ты портишь им документы. Вот живой свидетель,— и он указал на человека в форме советского танкиста, что сидел спиной к окну.— Он чуть не попался в лапы к чекистам!

Андрей взглянул на незнакомца. В прищуренных глазах «танкиста» играла злая усмешка. «Одно из двух,— подумал Чернов,— либо Гонзери берет на пушку, либо этот тип действительно нашел какой-то брак в красноармейской книжке».

— Если вы, господин майор, верите басням всякого агента, то прошу меня уволить. Моя преданность вам хорошо известна. Вы же сами представляли меня к награде.— Андрей решил наступать, он говорил чуть возбужденно, с нескрываемой обидой в голосе.— Не моя вина, что кое-кто из этих дураков попался. Причина, очевидно, в другом.

— Это мы сейчас проверим,— сердито сказал «профессор», но уже без крика.— Принесите сюда десяток красноармейских книжек. Вот по этому списку. Даю пять минут.

Андрей быстро отобрал десять указанных в списке книжек. Среди них оказалось семь новых, недавно оформленных, и три использованных, с которыми агенты благополучно вернулись обратно. Все книжки были с легким изъяном. На одних в графе «воинское звание» вместо «красноармеец» стояло «рядовой», в других искажены номера воинских частей, а на трех последних резко выделялись оттиски печатей.

«Неужели шеф догадался?— тревога охватила Чернова.— Нет, не может быть. Он же в наших тонкостях

не смыслит. Так почему он дал список именно на этих агентов? Что придумать, если танкист разоблачит?» Впервые за все время работы здесь Андрей почувствовал реальную угрозу провала. Холодный пот выступил у него на лбу. О себе он думал меньше всего. Он знал, на что шел. Его тревожила судьба записных книжек. Столько сил вложить в них, и вдруг все впустую. С этим Андрей не мог смириться. «Как передать их Тоне в случае ареста? Как назло, шеф услал куда-то Баранова. Бежать самому? Но Гонзери наверняка предусмотрел и этот вариант. Охрана может задержать. Тогда все пропало. Да и подло уходить одному без напарника». Единственную надежду на спасение Чернов возлагал на три красноармейские книжки, которые уже побывали за линией фронта.

«Будь что будет,— решил он.— В крайнем случае возьму все на себя. Быть может, Баранову удастся бежать».

«Танкист» внимательно рассматривал каждую книжку. Вытащил свою, стал сверять записи. От нетерпения у него дрожали пальцы.

— Ты что, с перепоя или цыплят воровал?— с раздражением заметил «профессор».

— Вот одна, вот другая, а вот третья,— злорадствовал «танкист», откладывая в сторону книжки. Это были те самые, на которые рассчитывал Чернов.

У Андрея сразу отлегло от сердца. Изъяны в других документах не вызывали подозрений.

— Какие же погрешности ты нашел в этих книжках?— спросил он как можно спокойнее.

— Печать провальная.

— Сам ты провальный,— вспылил Чернов.— Да знаешь ли ты, что все эти книжки испытания выдержали? Их владельцы живы, невредимы и вино пьют в казино. А ты, видать, сдрейфил при первом же невинном вопросе.

Расчет Андрея удался. Гонзери сменил гнев на милость.

...От Колчиной поступили радостные вести. Она сообщила Чернову, что пять немецких агентов пойманы. Помогли его сведения.

Приближалась весна. Андрей чувствовал, что немцы готовят новое наступление. Работы в бюро прибави-

лось. Теперь каждую неделю в тыл Красной Армии забрасывались агенты. «Куда, зачем? Что задумали немцы?» Андрей стал чаще обедать с преподавателями школы, надеясь узнать что-либо от них. Иногда ужинал в казино в компании немецких офицеров. Но обрывки разговоров не давали необходимых сведений.

А дни бежали. Командир группы через Тоню намекнул ему о возвращении. Чернов и сам понимал, что его пребывание в школе затянулось. Подозрительность Гонзери обострилась. Он стал чаще наведываться в бюро, лично проверять оформленные документы. Но Андрею хотелось добыть еще и сведения о военных планах гитлеровского командования.

В начале апреля из Минска приехал представитель германской военной разведки. Вместе с ним прибыло пять агентов, окончивших немецкую разведшколу в Варшаве. Приезд новых шпионов держался в строгой тайне. Для них отвели просторный дом, расположенный на другом конце поселка.

Целую неделю тайные гости находились под наблюдением «профессора». Он поручил Андрею срочно изготовить для них документы.

— Когда будут готовы, покажите мне.

По строгому тону шефа Чернов понял, что готовится к заброске за линию фронта какая-то особая группа. Он не стал рисковать; все пять фиктивных удостоверений личности были сделаны без дефектов.

— Прима, прима!— удовлетворенно сказал Гонзери.— А теперь идем со мной к варшавским питомцам. Объяснишь им все тонкости штабной кухни и структуру ваших армейских штабов. Но предупреждаю: все, что увидишь и услышишь, похорони, как в могилу.

Андрей насторожился. Предстоящая встреча могла пролить свет на коварные замыслы врага. В то же время Чернов ясно сознавал всю сложность задачи, поставленной ему шефом. Нужно быть настоящим штабистом, чтобы уметь искусно разбавлять ложь правдой. Как назло, и с Барановым не пришлось предварительно поговорить.

Но встреча не оправдала ни опасений, ни надежд Андрея. В присутствии высокого гостя из Минска варшавские «питомцы» вели себя, как школьники на экзаменах. Полуправдивые объяснения Чернова они

воспринимали без малейшего сомнения. Даже надменный полковник абвера остался доволен беседой.

— На сегодня хватит,— сказал он по-немецки, передавая Гонзери папку.— Анкеты на этих сохраните,— он указал глазами на агентов, стоявших в стороне в почтительной позе,— а карту уничтожьте.

На обратном пути Гонзери предложил полковнику поужинать в казино. Тот согласился. Андрей решил последовать за ними. Его заинтересовала карта. «Наверняка план новой операции. Нужно во что бы то ни стало узнать. Упустить такую возможность глупо. Лишь бы Тоня оказалась на месте».

У входа в казино Гонзери неожиданно оглянулся, словно вспомнил что-то.

— Сизов, возьми папку и возвращайся.— Он понимал, что в хмельном угаре можно забыть секретные документы. И отдал их Чернову.— Держи у себя до завтра. За сохранность отвечаешь головой. А в казино другой раз сходишь.

В бюро карта сразу же подверглась тщательному изучению. На ней была нанесена дислокация частей Красной Армии от Ельца до Воронежа. Андрей тут же снял с карты кальку и спрятал копию в тайник.

«Профессор» пришел на другое утро. Он был не в духе. Под глазами, красными от бессонной ночи, набрякли мешки. Проверив содержимое папки, он собрался уйти, но, взглянув на Баранова, спросил:

— Ты что уставился на меня? Сказать что-нибудь хочешь? Говори.

— Нет, ничего. Т-так п-просто.

— Хитришь, парень. По глазам вижу. Меня не проведешь.— Гонзери снова достал карту и, подойдя к окну, внимательно рассмотрел ее.

— Копию сняли? Признавайтесь.

— Зачем она нам?— Андрей недоуменно смотрел на шефа, а в душе проклинал напарника.

— Это вас нужно спросить. Вот следы от нажима карандаша.

— О каких следах вы говорите? Я ничего не вижу.

— Не притворяйся. Говори, куда спрятал копию?

— Что с вами, господин майор? Если мне не верите, спросите у Баранова.

— Возможно, г-где-нибудь раньше с нее к-копировали.

— Успели сговориться? Не выйдет!— Гонзери сел за стол, достал пистолет.— Считаю до десяти: раз, два...

Андрей понял: шеф берет на испуг. Под дулом пистолета у Баранова могут сдать нервы. Нужно опередить.

— Господин майор, зачем так горячиться? Вы напрасно нас подозреваете. Ведь карта же не первой свежести. Баранов прав. Она, наверное, побывала во многих руках, прежде чем к вам поступила.

— Хорошо.— Гонзери действительно не помнил, были на ней подозрительные следы или нет, а спрашивать об этом полковника — себя опорочить.— Но предупреждаю: если найдется копия, вздерну обоих,— он сделал красноречивый жест рукой.— А пока сдайте мне ваши пропуска. И не вздумайте улизнуть.

Вскоре пришли два «ревизора». Они тщательно осмотрели все, вплоть до личных вещей Чернова и Баранова. Одна лишь настольная лампа не вызвала подозрений.

«Надо немедленно уходить,— решил наутро Андрей.— Уходить вместе с Барановым. Задание, по существу, выполнено».

Но уход неожиданно пришлось отложить. Утром «профессор» направил Баранова вместе с преподавателем радиодела в Минск за «канцелярскими принадлежностями», то есть за новыми бланками документов. Скоро пришло известие, что машина с посыльными Гонзери попала под бомбежку советских самолетов и все пассажиры погибли.

Вечером Чернов отправился в казино. На этот раз он пришел не с пустыми руками. В карманах лежали поддельные печати, в пилотке за подкладкой — секретная карта, а за голенищами сапог были упрятаны аккуратно завернутые в непромокаемую бумагу записные книжки с фотокарточками и основными данными на агентов, засланных в советский тыл.

Спустя час Андрей и Тоня встретились за поселком, на опушке леса.

Они шли молча. Тоня изредка останавливалась, чтобы сориентироваться в сумрачном лесу. Пока она уточняла дорогу, Андрей прислушивался к лесным шорохам, держа наготове пистолет. Он опасался погони. Ведь от немецкого гарнизона они ушли недалеко. Эсэсовцы могут обнаружить его исчезновение. Тогда от овчарок не уйдешь.

Темнота застала их на краю глубокого оврага. Не успел Андрей осмотреться, как внезапный луч карманного фонаря ударил ему в лицо. В то же мгновение чья-то сильная рука выбила у него пистолет, и хриплый голос скомандовал:

— Хальт!— И в луче света блеснуло дуло автомата.

«Все, конец!»— решил Андрей, поднимая руки. Рядом в той же позе застыла от страха Тоня. Пока их обыскивали, Андрей настороженно разглядывал этих словно выросших из-под земли людей, пытаясь определить, кто они: свои или враги? «Одежда гражданская, почему говорят по-немецки? Может, те самые «охотники», которых немцы еще накануне направили к партизанам?»

— Что, голубчики, попались?— сказал человек, обыскивающий Андрея.

— Смотри, фрица поймали,— сказал другой, осветив Чернова с головы до ног.— Да еще с невестой. Должно быть, прямо со свадьбы.

— Петров, хватит болтать,— сердито сказал третий, что стоял чуть в стороне, держа наготове автомат.— На базе разберемся. Связать им руки!

Слово «база» и простое, без грубостей обращение немного успокоили Андрея. Так могли поступать только партизаны. Он покорно подчинился, не проронив ни слова. Их побег был настолько поспешным, что Тоня не успела предупредить командира партизанского отряда. А на базе знали ее немногие, только те, кто поддерживал с ней связь в городе.

Спустя час группа прибыла на место. Когда Андрея ввели в командирскую землянку, он не поверил глазам. Перед человеком с густыми черными усами, в котором он по описанию Колчиной сразу признал командира, стояли знакомые два «охотника» со связанными руками.

— Что, знакомых увидел?— спокойно сказал усатый, заметив удивленный взгляд Андрея.— Знать, одного поля ягоды?

— Верно, Николай Трофимович, знакомые, только мы с разных огородов,— в тон командиру ответил Андрей.— Это же отпетые бандиты. Я сам готовил им фальшивые документы. Только не знал, в какой партизанский отряд немцы решили их забросить.

— Не верьте ему, он провокатор,— взорвался один из них, тот, что был пониже ростом.— Он заодно с немцами, и нас, паразит, хотел заарканить. Но мы его враз раскусили. Не на тех напал. Святая правда, командир, предатель он, изменник, фашистский выродок...

— Стой, не шуми, здесь не балаган,— оборвал его Николай Трофимович. И, подозрительно осмотрев Андрея с ног до головы, спросил:

— Откуда вы, приятель, знаете меня?

— Колчина сообщила,— спокойно ответил Андрей.— Ее вы, очевидно, помните? Ваши ребята задержали ее вместе со мной в лесу. А кто я,— он показал глазами на «охотников»,— прошу без свидетелей. У меня есть к вам личный разговор.

— Ну что ж, выкладывай,— сказал Николай Трофимович, когда они остались вдвоем.

...В полночь Андрей уже летел в Москву. Как только самолет пересек линию фронта, он облегченно вздохнул.

С. ВИКТОРОВ,
Е. СОЛОВЬЕВ

СКОЛЬКО ВЕРЕВОЧКЕ НИ ВИТЬСЯ...

I

В приемную Комитета государственной безопасности при Совете Министров Казахской ССР вошел высокий широкоплечий мужчина. Его гладко зачесанные назад темные волосы густо серебрила у висков седина. Устало опустившись на стул, посетитель вынул из кармана носовой платок, медленно вытер выступившие на лбу капли пота.

— Я слушаю вас,— сказал дежурный, прервав затянувшееся молчание.

Посетитель глубоко вздохнул, словно перед прыжком в воду, и начал свой рассказ:

— Во время Отечественной войны я был в плену. Там меня завербовала немецкая разведка. Окончив разведывательно-диверсионную школу, я выполнял шпионские задания. После окончания войны был осужден за совершенные преступления. Отбыл наказание и теперь с семьей проживаю здесь, в Алма-Ате.

— Что же привело вас в Комитет?

— Вчера в городе я встретил человека, который вместе со мной обучался в немецкой разведывательно-диверсионной школе. Мне известно, что он в свое время был направлен для выполнения шпионских заданий против Советского Союза.

— Где вы его встретили?

— Видите ли, наша встреча произошла при довольно странных обстоятельствах. На одном здешнем

заводе я столкнулся с человеком, лицо которого показалось мне знакомым. Я бы и прошел мимо. Но, увидев меня, он слишком поспешно повернул к проходной. И тут я вспомнил, кто это. «Лапин! Евгений!» — окликнул я.

Посетитель, спросив разрешение, закурил и продолжал:

— Так вот... Лапин быстро взял себя в руки и сказал, что тоже узнал меня, но не был твердо уверен в этом, так как я сильно изменился. Я рассказал, что отбыл наказание за принадлежность к немецкой разведке. Лапин снова заволновался и, понизив до шепота голос, спросил: «А обо мне ты говорил что-нибудь на допросах?»

Я сказал, что не говорил. «Вот что, Вася,— повеселев и хлопнув меня по плечу, сказал Лапин.— Приходи-ка ко мне домой. Посидим за рюмочкой, потолкуем». И быстро вышел через проходную с завода. Машинально я двинулся вслед за ним. «Скажите, кто этот человек?» — спросил я у вахтера. «Как кто? — удивился он.— Это же наш главный конструктор Иван Гаврилович Баталов...»

II

Писать биографию Гавриила Игнатьевича Карнаухова — все равно что очищать протухшее яйцо. Снаружи бы вроде ничего: гладко, бело. А облупи скорлупу — мерзость...

Словом, родился он 20 апреля 1920 года в семье честных и работящих крестьян из тихого рязанского села Панкино.

В 1929 году Гавриил осиротел. Но не забыла его Советская власть, не оставила в нужде. Поместили мальчика в детский дом. Десять лет одевали, кормили, учили его там. Не было, конечно, материнской ласки и отцовской заботы, но ведь и нужды у парня не было. Получал все, что и другие воспитанники детдома. И отличался от остальных только хмурым, замкнутым характером. Все больше в сторонке отсиживался. И молчал. Трусоват был, в ребячьих потасовках не участвовал. Да и за кого ему было драться — друзьями не обзавелся.

Кончил десятилетку без блеска, но все же поступил в Ленинградское артиллерийское училище. Казалось, биография складывается нормально.

Но вот началась война с гитлеровской Германией. Для всей нашей страны беда великая. И весь советский народ поднялся на защиту Родины. Ребята моложе Гавриила из последних классов школы рвались добровольцами на фронт. А Карнаухов — курсант военного училища, артиллерист. Его святой долг бить врага. Он и подчинился долгу — пошел воевать, раз послали, инициативы не проявлял. Доверили Гавриилу командовать разведвзводом артиллерийского полка. И в первом же бою дрогнул, струсил Карнаухов, не выполнил приказ старшего офицера.

Любопытно, что родная его сестра Ольга, давно потерявшая Гавриила из виду, много лет спустя характеризовала брата как «человека чрезвычайно хитрого». «А такие люди, как он,— заметила Ольга Игнатьевна,— и на войне не погибают».

Сестра оказалась права. Карнаухов не погиб. Миновали его немецкие пули. Миновали и пули советских солдат, когда он, забыв честь и совесть, бежал темной октябрьской ночью от стен Ленинграда.

...Хлеба стояли неубранными. Рослые, густые. Даже ветер не в силах был пробиться через эту плотную стену. Гавриил, тяжело дыша, торопко полз, прикрытый лениво переливающимся бурым прибоем перестоявшихся колосьев. Потом по-заячьи петлял по набрякшему влагой ночному лесу: стерегся погони.

Гитлеровцы не очень-то обласкали поначалу перебежчика. Пришлось Гавриилу покормить вшей в лагерях для военнопленных.

А мысли, неотступные, тяжелые, не давали спать. «Неужели просчитался, неужели осечка?»

Гавриил готов был, не задумываясь, палить, рушить, убивать, лишь бы сохранить себя, свой живот.

И он сделал это. Пошел на крайнюю степень предательства — в карательный отряд «СД».

«В дальнейшем я честно служил немцам...» — так и пишет Карнаухов, твердо, недрогнувшей рукой.

...Этот карательный отряд формировался в Гатчине для борьбы с партизанами. Возглавлял его немецкий майор Краус. Карнаухов начинал здесь рядовым.

Юлил перед Краусом, выслуживался изо всех сил. Его заметили, назначили командиром отделения. Предатель почувствовал себя увереннее и еще больше старался заслужить похвалу начальства.

«Боевое крещение» каратели получили летом 1942 года. Вместе с регулярными немецко-фашистскими частями они вступили в бой с советскими подразделениями, попавшими в окружение восточнее Пскова. Но жизнью своей Карнаухов дорожил, поэтому не ломился вперед. Он предпочитал стрелять в своих соотечественников из-за укрытия. Спокойно. Прицеливаясь. Без промаха. Сам он об этом вспоминает с удивительной скромностью: «В этом бою участвовал также и я, имея на вооружении боевую винтовку».

В конце лета 1942 года отряд был переведен в Белоруссию. Прямо с колес бросили карателей на окружение партизанского отряда в районе Минска. Но боя не было. Партизанам удалось выйти из кольца, а Карнаухов со своей бандой захватил склад с продовольствием. Нажрались до отвала. Понравилось...

Лиха беда начало. И покатился бывший русский парень Гавриил Карнаухов все ниже, теряя остатки совести.

Нельзя без гнева читать документы о том, что творили каратели майора Крауса в Белоруссии. Они спалили Будничи, Барки, Чучевичи, Пасеки, десятки других сел и хуторов, уничтожили сотни советских патриотов, не щадили детей, стариков, партизанских жен. Грабили, насиловали, убивали, пытали.

Как черная смерть, носился по дорогам Белоруссии взвод, которым командовал человек в грязно-серой немецкой форме. На его груди уже болталась медная медаль «С мечами за храбрость». Случилось ему ворваться в село Светелки. Бандиты вытащили из домов всех, кто не успел уйти в лес, и малых и старых. Согнали их на край села в школьный двор. Тем временем другая группа начала «чистить» дома. Нагрузили сани, подъехали к школе. Навстречу взводному бросилась изможденная, рано поседевшая женщина:

— Зачем последнее у детей берешь?

— Партизанка?!

Схватил женщину за волосы, швырнул ее на землю, ударил по лицу тяжелым сапогом, потом застрелил.

Но как ни выслуживался Карнаухов-каратель, а изменник Родины — не большое приобретение даже для фашистов. И гитлеровцы употребляли их на самой грязной работе.

Так, в марте 1943 года Карнаухов оказался в немецком пересыльном лагере военнопленных. Здесь страдали честные советские люди, безоружные, но не сдавшиеся, ослабевшие от голода и издевательств, но сильные духом, своей любовью к Родине. В лагере находился и овеянный легендой советский патриот Дмитрий Михайлович Карбышев. Генерал-лейтенант инженерных войск, видный ученый, профессор, Карбышев прошел сквозь все ужасы фашистского застенка. Гитлеровцы пустили в ход посулы и угрозы, лесть и плеть. Но этот невысокий, жизнерадостный, удивительной моральной силы человек не склонил головы. Какую мучительную смерть принял генерал Карбышев морозной ночью в феврале 1945 года, знает ныне весь мир. А тогда, в 43-м, он жил и боролся.

... Восстание пятисот русских в лагере! Они поднялись все, как один, и с голыми руками бросились на палачей, на колючую проволоку, через которую был пропущен электрический ток. Десятки пали, сотни прорвались. Это были соратники, ученики Дмитрия Михайловича Карбышева.

Видел же все это Карнаухов. Мало того: сам Дмитрий Михайлович Карбышев, встретив его случайно в лагере, говорил с ним, надеясь пробудить в нем совесть и память о родной земле.

Но Карнаухову надо было другое. «В апреле немцы торжественно отмечали день рождения Гитлера,— рассказывает Карнаухов на допросе.— Будучи в лагере, я сообщил им, что родился в один день с Гитлером. Немцы стали хвалить меня за это признание и устроили в честь меня банкет с выпивкой и хорошей закуской. После этого случая немцы относились ко мне хорошо, с доверием, и вскоре, примерно в мае — июне 1943 года, в числе других преданных немцам лиц я был направлен в район города Пскова, где был зачислен на службу в так называемую «Русскую освободительную армию» (РОА). Здесь я обучался в офицерской школе до осени 1943 года, а затем выехал во Францию, где также обучался в офицерской школе РОА».

Так предатель снова «всплыл». На поверхности болота, где барахталась международная нечисть, служившая Гитлеру,— уголовники, профессиональные убийцы и другие подонки — показалась и его голова. Голова подпоручика РОА.

А в начале 1944 года судьба свела предателя с гауптманом Гансом Уттовом. Этот фашистский офицер руководил школой военных разведчиков в Нойендорфе.

Несколько месяцев Карнаухов с прилежанием первоклассника изучал шпионскую науку, пополнял и без того солидный запас своих познаний в поджогах, убийствах, взрывах и других атрибутах ремесла диверсанта.

Сначала Карнаухов готовился к заданию вместе с неким Роговым. Но тот однажды неосторожно проговорился, что намерен порвать с прошлым, явиться на советскую территорию к властям с повинной. Карнаухов насторожился, стал, как вспоминает Рогов, относиться к нему с холодком. А когда через несколько дней Рогов повздорил с одним немцем, Карнаухов зашел к этому гитлеровцу и о чем-то с ним разговаривал. В тот же вечер Рогова бросили в концлагерь.

Летом 1944 года после окончания школы Карнаухов уже с другим, «благонадежным», напарником — изменником Родины Вороновым был выброшен на парашюте в тыл Советской Армии в районе Ровно. Эти двое собирали для немецко-фашистского командования сведения о расположении советских войск, строительстве аэродромов, а также о действиях знаменитого партизанского отряда Героя Советского Союза Д. Н. Медведева.

За выполнение этого задания Карнаухов получил от фашистов еще одну медаль и был произведен в чин унтер-офицера немецкой армии.

А в начале 1945 года пришла вожделенная третья медаль. О том, как это случилось, Карнаухов рассказывает сам:

«Третью медаль я, по существу, сам выпросил у немцев.

... Во время моего нахождения на службе в РОА в городе Линце в Австрии... лица, называвшие себя казаками, получали немецкие паспорта, то есть вступали в германское подданство. Я также имел желание по-

лучить немецкий паспорт, однако мне не выдавали его, так как я не являлся казаком. Тогда я написал немцам письмо, в котором указал, что имею заслуги, что, рискуя своей жизнью, выполнял их задания, забрасывался в тыл Советской Армии. Я жаловался на то, что, несмотря на имеющиеся у меня заслуги, мне не выдают немецкого паспорта.

В ответ на мое письмо я получил небольшую посылку, в которой мне была прислана еще одна медаль и удостоверение к ней. Кроме того, в посылке была бутылка водки и табак...»

Согласно евангельской легенде, Иуда получил за предательство тридцать сребреников. Иуда Карнаухов не выклянчил ни одного сребреника. За три медяшки, за три медных медали продал он фашистам свою душу, предавал свой народ, Родину.

III

Баталов приехал в Алма-Ату поздней осенью. Моросил дождь. Поеживаясь от холода, Иван Гаврилович долго петлял по улицам незнакомого города, разыскивал по адресу родителей одного из сослуживцев.

Они жили на тихой улице в добротном деревянном доме, огороженном высоким забором. Встретили приветливо. Долго расспрашивали о здоровье сына. Выпили за его благополучие и радушно пригласили Ивана Гавриловича остановиться на первых порах у них.

Несколько дней Баталов не выходил из дома, наслаждаясь теплом и домашним уютом, от которого отвык за долгие годы странствований. Но надо было думать о работе. Специальности он не имел, к физическому труду не привык и не представлял, каким делом станет заниматься. Ходил по улицам и читал таблички с названиями учреждений. Однажды он остановился перед входом в художественную мастерскую. Вспомнил, что в детстве любил рисовать.

В мастерской задержался ненадолго: выяснилось, что таланта и умения не хватает. Вскоре пристроился в одну из школ преподавателем физкультуры.

Появились знакомства. Приятель, занимавший видный пост на одном из алма-атинских заводов, за выпивкой предложил:

— Иди-ка ты, Иван Гаврилович, к нам. Довольно тебе прозябать на этой самой физ-культ-уре. Не по тебе это.

— Может быть, ты предложишь мне таскать болванки или стать к станку?— иронически спросил Баталов.

— Зачем болванки?— удивился приятель.— Конечно, пост главного инженера я не могу тебе сразу предложить. Но поработаешь, например, техником в конструкторском отделе, а там видно будет...

Прошло несколько лет. Баталов «сделал карьеру». Он стал главным конструктором завода. Как-то все само собой образовалось. Получил квартиру. Обзавелся семьей...

Все шло как по маслу до того злополучного дня, когда у заводской проходной он лицом к лицу встретился с человеком, который знал почти все...

Прошла неделя, другая. Потом месяц, второй, третий... Не приходили те, которых Баталов ждал с животным страхом. Не появлялся и тот человек. Постепенно Иван Гаврилович успокоился. Решил, что все обошлось.

IV

Кропотливо, внимательно, чтобы не оговорить невинного человека, органы государственной безопасности нитку за ниткой распутывали сложный клубок.

Поздним вечером, когда затих город, в кабинет подполковника вошел капитан.

— Как обстоят дела с Баталовым?— спросил подполковник.

— Проверка закончена. Заявитель сообщил нам правильные данные. Оказывается, органы государственной безопасности уже давно разыскивают агента германской разведки Евгения Лапина. Мы предположили, что это не настоящая фамилия агента, а кличка. И вот нашелся человек, который присутствовал при вербовке Лапина.

— И что же?

— Он заявил, что Лапин — кличка человека, который при вербовке немецкой разведкой в марте 1944 года назвал себя Лоцмановым Иваном Феоктистовичем.

— Вы проверили Лоцманова?

— Да. Оказалось, что он также разыскивается как активный каратель.

Нам удалось установить, что настоящий Лапин Евгений Федорович проживал в селе Панкино Пронского района Рязанской области и что он умер еще в 1940 году.

— Следовательно...

— Мы могли только предполагать, что Баталов при поступлении в разведшколу присвоил себе в качестве псевдонима фамилию умершего односельчанина.

— Кто же все-таки этот Баталов?

— Сначала мы считали, что это его настоящая фамилия. Ведь у него на руках имеется свидетельство о рождении, полученное из Пронского загса. Но одно обстоятельство дало основание усомниться в подлинности фамилии. Ранее я докладывал вам, что в анкетах для райвоенкомата Баталов указывал об окончании им в 1941 году Ленинградского артиллерийского училища. Мы запросили училище и получили ответ, что в списках курсантов, обучавшихся в 1939—1941 годах, Баталов Иван Гаврилович не значится. Тогда мы направили работника в Пронский район. Он установил, что Баталов Иван Гаврилович действительно проживал в селе Панкино. В 1941 году был призван в Советскую Армию и служил в танковых войсках. У живущей в этом селе родственницы Баталова — Екатерины Семеновны — имеется официальное извещение о том, что лейтенант Иван Гаврилович Баталов в январе 1943 года погиб в бою под Сталинградом. Когда Екатерине Семеновне показали фотокарточку Баталова, проживающего в Алма-Ате, она твердо заявила, что этого человека не знает. В подтверждение она тут же нашла и передала фотокарточку погибшего офицера Баталова. Сходства, разумеется, никакого.

— Поскольку алма-атинский Баталов,— продолжал свой доклад капитан,— указывает в анкетах и автобиографии на окончание в 1939 году Большесельской средней школы Пронского района, мы разыскали бывшую учительницу Анну Фроловну Карцову. Она подтвердила, что Иван Баталов был ее учеником. Когда же ей предъявили фотокарточку, учительница определенно заявила, что это не Баталов, а Гавриил Карна-

ухов, который также учился в Большесельской школе.

— А Лоцманов и Лапин? — спросил подполковник.

— Это уже было проще. С помощью опознания мы установили, что в фашистском карательном отряде «СД» Карнаухов служил под вымышленной фамилией Лоцманова, в немецкой разведшколе — под кличкой Евгений Лапин. А после окончания войны Карнаухов пробрался в Мюнхен, попал в американский лагерь репатриантов. Там он назвался Иваном Баталовым и под этой фамилией был отправлен в Советский Союз.

* * *

Правосудие свершилось. Изменник Родины получил по заслугам. Таков логический конец предательства. И можно, как говорится, ставить точку.

Но рассказ будет неполным, если не попытаться ответить на вопрос: как могло случиться, что рядом с нами долгие годы скрывался враг? Ходил по нашим улицам. Работал на нашем заводе.

Когда Карнаухов прибыл в Алма-Ату, он стал добывать себе документы, подтверждающие право на фамилию Баталова. Послал заявление в Пронский райзагс Рязанской области, чтобы прислали ему дубликат свидетельства о рождении. Работников загса не смутило, что заявитель неправильно указал имя и отчество своих родителей, и документ был выслан без задержки.

Карнаухов действительно окончил среднюю школу. Но ему нужен был аттестат на имя Баталова. Один из родственников жены (кстати, ни жена, ни дети Карнаухова не знали, что он не тот человек, за которого себя выдает) свел его со своим приятелем — заведующим Лениногорским гороно Рыжовым. Карнаухов рассказал ему жалобную историю, как во время войны потерял документ об окончании десятилетки. Рыжов расчувствовался и обещал помочь ему в беде. Так через некоторое время у Карнаухова-Баталова появилась справка, в которой указано, что Баталов И. Г. в 1946 году окончил среднюю школу № 8 в Лениногорске.

И, наконец, последнее. Мы читали одну из давнишних анкет, заполненную Карнауховым на заводе. Почему же руководителей завода не насторожила эта малограмотная стряпня? Как могли они принять на

работу в конструкторский отдел человека, не имевшего ни специального образования, ни практического опыта?

Больше того, буквально на блюдечке с синей каемочкой поднесли Карнаухову приказ о назначении его главным конструктором. Это было настолько сногсшибательно, что видавший виды Карнаухов, «скромно» потупившись, заметил, отвечая на поздравления:

— Ведь у меня только среднее образование.

— Ничего,— успокоил его директор.— Не боги горшки обжигают...

А ведь конструкторское бюро — сердце завода и в нем не горшки обжигают. Кто знает, сколько времени еще благополучно сидел бы на заводе Карнаухов, если б не случилась эта роковая для него встреча вблизи проходной. Но, как говорят, сколько веревочке ни виться, а концу быть.

Е. СОЛОВЬЕВ

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

Появившись в совхозе, он незаметно влился в трудовой коллектив. Работы не сторонился. Аккуратно выполнял любое дело. И только потом люди вспомнили, что, в сущности, совершенно ничего не знали о нем — ни откуда он приехал, ни зачем. Был он замкнутым и неразговорчивым человеком. Даже тетка Марфа, у которой он проживал на квартире, не могла похвастаться осведомленностью о его прошлом.

А началось все с обычного заказного письма с повесткой из райвоенкомата. И хоть совхозный почтальон Хадича знала всех своих клиентов в лицо, для солидности и порядка обязательно требовала паспорт. Веселая и жизнерадостная Хадича оставляла впечатление легкомысленной девушки, не способной на что-либо серьезное. Но именно она оказалась самым бдительным человеком в совхозе.

— Товарищ Стрелецкий! — окликнула девушка шедшего по улице человека и соскочила с велосипеда.

— Чего тебе?

— Вам письмо, танцуйте!

— Не от кого мне получать письма!

Стрелецкий хмуро посмотрел на почтальона и, повернувшись, широко зашагал дальше.

— Стойте... стойте!— уже серьезно закричала девушка, догоняя получателя.— Вам действительно письмо.

— Ну так давай, не дури.

— Письмо заказное. Предъявите паспорт.

— Это еще зачем?

— А может, вы не тот человек...— Хадича не договорила, увидев, как вдруг побледнел Стрелецкий.

— Что ты сказала?

— Я говорю, может, вы не тот человек, кому письмо адресовано,— прощебетала Хадича, не подавая виду, что заметила растерянность собеседника.

Пристально глядя в глаза почтальона, Стрелецкий полез в глубокий внутренний карман пиджака и вынул что-то, завернутое в носовой платок. Аккуратно развернул: пачка денег, военный билет, паспорт. Не выпуская из рук, раскрыл документ и придвинул его к глазам девушки. И если обычно Хадиче было достаточно бросить на документ мимолетный взгляд, то теперь какое-то предчувствие заставило ее посмотреть на протянутый паспорт более внимательно.

— Вот и все,— через мгновение с улыбкой сказала Хадича.— Распишитесь в извещении и получите ваше письмо.

Вскоре цветастое платье совхозного почтальона замелькало за деревьями аллеи, ведущей на молочную ферму. Теперь Хадича не смеялась, ее лицо было задумчиво и серьезно.

«Может быть, я ошибаюсь,— думала девушка, снова и снова восстанавливая в памяти раскрытый паспорт Стрелецкого.— Нет, что-то в нем не так. Цифры года рождения вроде бы подправлены. И сам он как-то странно себя вел... Что же делать? Сообщить в управление совхоза? Нет, разболтают... Милиция далеко — в райцентре...»

Вдруг вспомнила. Да, да, она видела сегодня приехавшего в совхоз работника КГБ Ниязова. Надо его найти и все рассказать.

... Подполковник Миланов сел за приставной столик напротив капитана Ниязова.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Экспертиза подтвердила подозрения почтальона Кадыровой. В паспорте Стрелецкого есть подделки,— голос капитана звучал ровно.— Исправлены год рождения и срок действия паспорта. Подчистки произведе-

ны глубоко. Экспертам не удалось восстановить стертый текст...

— А вы его установили?

— Конечно!— с воодушевлением сказал Ниязов.— В паспорте Стрелецкого год рождения 1923 заменен на 1905-й, а десятигодичный срок годности исправлен на бессрочный.

— Вот как?

— Дело в том, что он не тот человек, за которого себя выдает.

— Паспорт фиктивный?

— Нет. 19 июня 1958 года Ялтинским горотделом милиции этот паспорт был выдан гражданину Стрелецкому Георгию Викторовичу, 1923 года рождения. В Ялте он живет и теперь...

— Каким же образом у этого человека оказался паспорт Стрелецкого?

— Мне стало известно, товарищ подполковник, что настоящий Стрелецкий, находясь в мае 1960 года в служебной командировке в городе Сухуми, утерял паспорт и другие личные документы. Взамен утерянного он получил новый паспорт.

— Выяснили, кто этот человек, скрывающийся под фамилией Стрелецкого?

— Да, выяснил!

... И вот человек с чужой фамилией сидит перед следователем. Его тяжелый взгляд устремлен в окно...

— Назовите вашу фамилию, имя и отчество!— строго обратился к нему следователь.

Хотелось сказать правду. Освободиться от тяжкого груза, давившего на него долгие годы...

Но теплилась еще надежда: не все знают, не смогут разоблачить. Надо бороться до конца...

— В паспорте написана моя фамилия...

— Но паспорт-то не ваш?— следователь неожиданно улыбнулся. Его лицо светилось доброжелательством, и это обезоруживало, не давало сосредоточиться.

— Мой паспорт,— упрямо сказал арестованный.

— Ваш так ваш,— легко согласился следователь.— Тогда, может быть, вам знакома фамилия Бойко?

Сжалось сердце. Сдают нервы. Трудно уже скрыть волнение, а еще труднее отвечать на вопросы. Но молчанием не отделаешься. Лихорадочно скачут мысли.

— Не знаю никакого Бойко! — и сам почувствовал в голосе фальшь. Понял: дальше лгать не сможет.

Лицо следователя стало строгим. Он видел душевную борьбу сидевшего перед ним человека, уловил в его голосе нерешительность. Чрезвычайно официальным тоном спросил:

— Намерены ли вы, гражданин Юренко Михаил Иванович, говорить, наконец, правду?

Арестованный вздрогнул и, с трудом двигая побелевшими губами, проговорил:

— Да, все расскажу.

...Почти всю жизнь его преследовал страх. Впервые он охватил его в те далекие годы, когда на Кубани только отгремели классовые бои, а в большой станице Апшеронской установилось относительное спокойствие.

Десятилетний мальчик лишь смутно понимал значение происходящего. И слово «война», не сходившее с уст жителей станицы, и частая смена власти, сопровождавшаяся бесконечной стрельбой, и сотни жертв белогвардейского террора — все это волновало не только взрослых, но и детей.

Наконец в станице твердо установилась советская власть. А его отец, белогвардейский есаул, скрывался в специально вырытом для него подполье. И тревога жила в доме. Однажды ночью Михаила разбудили выстрелы. Стреляли в соседней комнате: это отец отбивался от окруживших дом чекистов. Забившись в угол, мальчик наблюдал, как арестовывали отца. Больше никогда его не видел.

Шли годы. Матери трудно было прокормить троих детей. И Михаилу рано пришлось начать работать.

На производстве был не последним, хорошо зарабатывал, а когда стал бригадиром леспромхоза, обзавелся семьей. Казалось, не было оснований для тревог. Но воспоминания об отце часто наполняли тоской и безотчетным страхом все его существо... Потом война, армия, фронт. Снова тревоги и страх, теперь уже за свою жизнь. Оказавшись в окружении, дезертировал из части и пробрался в оккупированный фашистами Апшеронск.

Однажды встретил на улице пожилого человека. Не сразу узнал Михаил в фашистском офицере старожила

станицы Степана Подоляку. Поравнявшись с ним, Михаил снял шапку, отвесил почтительный поклон.

— Здравствуйте, дядя Степан. Не узнаете?

Подоляка долго вглядывался в него и, узнав, расплылся в улыбке.

— Приветствую вас, господин Юренко,— напыщенно заговорил начальник полиции.— Жаль, не дожил до этих времен ваш батюшка, мой большой друг...

Юренко покраснел. Радостно забилось сердце. Видано ли — его называют господином, считают значительным человеком.

— Но теперь и для вас, господин Юренко, открыты дороги,— продолжал Подоляка, будто угадав его мысли. И, близко придвинувшись к нему, сказал доверительно: — Ваше место в полиции. Надо мстить за отца...

Недолго думая, Юренко стал полицейским. Он охотился на партизан, участвовал в арестах советских людей. Отбирал у населения имущество и продовольствие.

Упоенный своими успехами, Михаил не замечал укоризненных взглядов жены и детей, не понимавших причин его усердия. Только старуха мать в глубине души догадывалась, какие чувства обуревают сына.

Вскоре наступила развязка. Под ударами советских войск «великая армия» стремительно отступала на запад. Вместе с оккупантами бежал и Юренко. Бежал, объятый страхом, бросив все, что связывало его с родной землей.

За свое «спасение» надо было платить, и, надев форму войск «СС», он боролся против партизан, но уже на югославской земле.

Там же застал его и конец войны. Он был отправлен на Родину. И чем ближе подъезжал к границе, тем тревожнее становилось на душе...

Из протокола допроса арестованного Юренко М. И.

«**Вопрос:** Чем вы занимались после возвращения в СССР?

Ответ: Боясь ответственности за службу в фашистской полиции, по прибытии в СССР я бежал со сборного пункта репатриированных советских граждан и находился на нелегальном положении до настоящего ареста.

Длительное время я скрывался в Краснодарском крае — в Хадыженских и Апшеронских лесах, жил в землянках и шалашах, питался лесными ягодами и дикими фруктами. Однажды я встретил в лесу молодую женщину — Клавдию Попову. Чтобы объяснить мой дикий вид и пребывание в лесу, назвав себя Виктором Михайловичем Бойко, я рассказал ей вымышленную историю, будто, прибыв после демобилизации домой, узнал, что жена вышла замуж за другого. Убитый горем и не имея родственников, решил уйти от людей в лес. Я разжалобил женщину, и она приютила меня в своем доме, где я находился только в ночное время, а днем укрывался в лесу.

Наступила зима. Не имея никаких документов, мне нельзя было больше оставаться у Поповой. Я решил посетить своего довоенного знакомого и стал пробираться в Нефтегорский район.

Мне пришлось снова укрыться в лесной землянке. Но жизнь там была невыносимой, и я вернулся к своей сожительнице Поповой.

Через несколько дней на квартиру к Поповой с проверкой документов пришли сотрудники милиции. Высадив раму, я выскочил из окна и на попутной машине выехал в Апшеронск, где на одни сутки остановился у своего знакомого Ткачева. Взял у него продукты питания и ушел в лес.

Через некоторое время я пробрался в город Армавир, где посетил квартиру Рябушкиной — жены моего сослуживца по полиции, сбежавшего вместе с фашистами на Запад. Еще дважды меня задерживали, но мне удавалось бежать.

В конце 1948 года в Абхазской АССР я получил паспорт на имя Гулинского Ивана Даниловича, а также свидетельство об освобождении от воинской обязанности.

По этим документам я скрывался одиннадцать лет на Украине и в Ростовской области, Краснодарском крае и в Грузии.

В конце 1959 года, боясь быть разоблаченным, я уничтожил документы на имя Гулинского, купил краденый паспорт и трудовую книжку на имя Стрелецкого, в которых изменил год рождения, срок действия паспорта и приклеил свою фотокарточку.

После этого я решил уехать подальше и местом своего укрытия выбрал отдаленный совхоз в Алма-Атинской области...»

— Вот и все,— тяжело дыша, сказал Юренко.— Теперь судите меня.

Следователь неторопливо перелистал протокол допроса, поставил в конце подпись и, взглянув на Юренко, спокойно сказал:

— Судить вас, конечно, будут. Как злостного нарушителя паспортного режима.

— Паспортный режим — это не страшно, а вот служба в полиции...

— Служба в полиции, пособничество врагу — это тяжкое преступление, но Советское правительство давно простило вас.

— Как вы сказали?..

— Я сказал, что вы будете привлечены к уголовной ответственности только за подделку документов и нарушение паспортного режима.

— Нет... Не шутите так... Это жестоко...— прошептал Юренко.

Тогда следователь зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны.

Юренко, спрятав лицо в ладони, зарыдал.

Ему было о чем плакать, было о чем сожалеть. Лучшие годы он потратил на бесцельное скитание, лихорадочные поиски убежища, вечно преследуемый страхом. Жил без друзей, без семьи, без родного дома. Лишь изредка, украдкой он смотрел на своих детей и жену, не подозревавших, что их отец, которого они считали погибшим, словно вор, прячется от людских взоров.

Тяжко его преступление перед Родиной. И он сам покарал себя за совершенное.

Но следователю не было жаль сидящего перед ним человека. Ведь это трусость завела Юренко так далеко. А трусость может вызывать только презрение.

Ю. КИСЛОВСКИЙ

НА СВЯЩЕННЫХ РУБЕЖАХ

Фронтовая хроника

Прошло более двадцати лет, как кончилась война. Но мы не забываем о том долгом и многотрудном пути, который прошли советские люди с 22 июня 1941 года до Дня Победы.

Время запахало траншеи, ослабило боль утрат, но оно никогда не сотрет из памяти народа героического подвига советских воинов, которые, не щадя своей крови и жизни, дрались с врагом.

Благородные освободительные цели войны — за честь, свободу и независимость Отчизны — рождали тысячи и тысячи героев, которые, презирая смерть, шли на самопожертвование во имя победы коммунизма.

И первыми среди них были пограничники.

Как ни силен был удар, ни на одном участке границы не дрогнули воины-чекисты. Они смело приняли бой, стойко отражали вражеские атаки.

«Как львы, дрались советские пограничники, принявшие на себя первый удар подлого врага»,— сообщалось в передовой газеты «Правда» от 24 июня 1941 года.

Родина верила в беззаветную стойкость своих мужественных сынов. И они с честью оправдали ее надежды, ее доверие.

С пением «Интернационала» до последнего патрона дралась горстка храбрецов во главе с коммунистом

лейтенантом Мориным. Одиннадцать суток оборонялась героическая застава Алексея Лопатина. Погибли, но не сдались врагу легендарные защитники Брестской крепости.

В числе героев воинов-чекистов были казахстанцы пограничники М. К. Меркулов, Г. Ф. Кирдищев, Л. И. Вагин, В. С. Лихотворик, С. Баитов, Х. Халиуллин, А. Ф. Бусалов и многие другие.

О их жизни и подвигах и рассказывается в этой краткой фронтовой хронике.

ВЕРНОСТЬ ПРИСЯГЕ

Ежегодно 1 июля сотни людей собираются на могиле героя-пограничника Андрея Федоровича Бусалова, чтобы возложить цветы и еще раз почтить память верного сына Родины.

Ровесник Октября, Андрей Бусалов родился в степном селении Дорогинка Акмолинской губернии. Рано оставшись без родителей, он познал нерадостное детство и трудности жизни. Но благодаря заботе односельчан Андрей окончил семь классов и был направлен воспитателем в Сындыктавский детский дом.

Уже в школьные годы он был хорошим общественником и отличным спортсменом. Андрей любил труд и с удовольствием обрабатывал школьный огород, ухаживал за скотом.

И очень любил читать, особенно произведения русских классиков: Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. С. Тургенева.

В учебе и труде формировался его характер, взгляды на жизнь и взаимоотношения с товарищами.

... После одного из молодежных вечеров А. Бусалов вместе с одноклассниками возвращался из школы домой. Поднялась сильная метель. Многие растерялись, а младшие школьники, ехавшие на санях, начали замерзать. Андрей уговорил их выбраться из саней и идти пешком. На ходу ребята согрелись, и все благополучно добрались домой.

После призыва на военную службу Андрей быстро сдружился с новым коллективом. Общительный по натуре, душевный и живой, он завоевал авторитет у своих товарищей и пользовался всеобщим уважением.

Военная судьба забросила казахстанца на север. Он участвовал в войне с белофиннами, а потом продолжал служить на границе в тех же краях.

Бусалов Андрей Федорович, сержант.

Вскоре его назначили командиром и избрали членом комсомольского бюро пограничной заставы. Но как бы Бусалов ни был занят, он ни на один день не забывал о родных местах.

В письме от 16 июня 1940 года он писал: «Думал в этом месяце побывать у вас в гостях, но, наверно, не придется. Сама обстановка говорит, что в отпуск ехать нельзя. Сами видите по газетам, что война идет во всю ширь вокруг нас. Но мы — нет, не воюем, пока нас не тронут, а затронут, мы им голову оторвем».

Над Европой сгущались тучи войны, развязанной фашистами. Наступил час испытаний.

Ожесточенные сражения развернулись на северных подступах к Ленинграду.

30 июня 1941 года на одну из соседних застав пограничного отряда, где служил А. Бусалов, напало около восьмисот финских солдат и офицеров. Застава, приняв неравный бой, вынуждена была отойти.

На помощь обороняющимся подошло пулеметное отделение А. Бусалова. Захватчики были отогнаны. Перегруппировав силы и подтянув резервы, они вновь перешли в наступление, однако не смогли подвинуться ни на шаг. Оправившись от первого испуга, враги стали накапливаться в лощине. Бусалов разгадал их маневр и быстро переменил позицию.

Тогда противник открыл огонь по расчету пулемета. Ранило подносчика патронов. Вражеская пуля задела и А. Бусалова. Бой продолжался. Отчаянно

дрались бойцы. Несмотря на ранение, Бусалов не покинул поля боя. Понеся большой урон, противник откатился назад.

Взбешенные неудачей фашисты сосредоточили на позиции бесстрашного советского пограничника огонь четырех станковых пулеметов и перешли в атаку.

Бойцы мужественно сражались, отбивая атаку за атакой. Редели их ряды, многие были ранены. Третье ранение получил А. Бусалов. Товарищи предложили заменить его, но пограничник заявил:

— Пока я жив, мое место здесь!

Верный воинской присяге, сержант Бусалов сражался до последнего дыхания.

Метким огнем пулемета герой-пограничник уничтожил свыше сотни вражеских солдат и офицеров.

Советское правительство высоко оценило подвиг героя: сержант Андрей Федорович Бусалов посмертно награжден орденом Красного Знамени, а застава, на которой он служил, носит его имя. У входа в здание мемориальная доска. В ленинской комнате портрет героя и большой стенд, рассказывающий о его подвиге.

Над аккуратно заправленной солдатской кроватью в комнате отдыха заставы висит табличка: «Сержант Бусалов, 1917 года рождения. Пал смертью храбрых при защите государственной границы СССР в 1941 году».

ДОРОГОЙ ПОДВИГА

Когда пытаешься проследить жизненный путь полковника в отставке Героя Советского Союза Владимира Степановича Лихотворика, невольно вспоминаешь героическую историю нашей страны. Вся жизнь Владимира Степановича связана с охраной советской границы. Когда его сверстники строили заводы и города, проводили коллективизацию, он охранял границу на Амуре, принимал участие в борьбе с белогвардейскими отрядами на Китайско-Восточной железной дороге, вел борьбу с бандитами в Казахстане.

Сын украинского народа понимал, что чем крепче держит он винтовку в руках, тем надежнее закрыты от врага наши рубежи.

Началась Великая Отечественная война. Привыкший к суровой боевой службе на границе капитан В. С. Лихотворик отправился туда, где решалась судьба Родины. Тысячи километров прошел офицер-пограничник по дорогам войны, участвовал во многих боях, освобождал родную землю от немецких захватчиков.

Однополчане видели в нем отважного и неустрашимого человека, умелого командира и заботливого товарища.

Во многих сложных ситуациях случалось оказываться В. С. Лихотворику.

... Это было зимой 1942 года, когда наши части вели бои за город Холм.

Батальон под командованием капитана Лихотворика ворвался в город. Завязались жестокие уличные бои. Штурмовые группы батальона с трудом продвигались вперед. На пути стояло сильно укрепленное кирпичное здание. Попытка с ходу овладеть им не увенчалась успехом: противник вел сосредоточенный огонь. Тогда комбат возглавил одну из штурмовых групп и повел ее в бой. Воодушевленные примером командира бойцы стремительно атаковали врага. После нескольких часов боя дом был взят. Используя этот успех, батальон продолжал наступление и выполнил поставленную задачу.

... Год 1944. Стрелковый полк под командованием полковника Лихотворика освобождал польскую землю. Бойцам полка предстояло первым форсировать Вислу. Надо было занять плацдарм на правом берегу Вислы и обеспечить переправу дивизии.

Рано утром бойцы передового батальона форсировали реку. Первым на берег ступил командир полка. Он повел пехотинцев в атаку на гитлеровские укрепления.

Плацдарм был взят. Но фашисты открыли артиллерийский огонь и вслед за тем перешли в атаку. На советских бойцов враг направил до сорока танков.

Командир полка, несмотря на тяжелое ранение, продолжал руководить боем. Он приказал командиру артбатареи капитану Смирнову бить по фашистским танкам прямой наводкой. В ход пошли и гранаты.

Наблюдая за полем боя, Лихотворик видел, как на казаха Кайдара Жактубекова, громыхая, надвинулся

«тигр». Солдат скрылся в траншее, но когда танк прошел вперед, он бросил противотанковую гранату. Языки пламени охватили вражескую машину.

Весь день шел бой. Более тридцати танков врага пылали. А когда над Вислой сгустились сумерки, дивизия начала переправу.

... Кончилась война, но Владимир Степанович остался в строю. Свой опыт он передает молодому поколению, которое тянется к нему за советом и помощью.

Особенно часто у Владимира Степановича бывают школьники. Они с вниманием слушают рассказы ветерана, героя Великой Отечественной войны.

Есть о чем вспоминать В. С. Лихотворику: он всю жизнь был на переднем крае, всю жизнь в походе.

ОГОНЬ НА СЕБЯ

Незадолго до Великой Отечественной войны Матвей Кузьмич Меркулов окончил пограничное училище и был направлен охранять государственную границу в Казахстане.

В ноябре 1942 года М. К. Меркулов, начальник пограничной заставы Казахского округа, был направлен на фронт, где командовал ротой, а затем батальоном.

Отважно сражался с немецко-фашистскими захватчиками пограничник. Особенно памятны бои на реках Нарев и Висла.

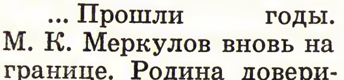
В феврале 1945 года батальон майора Меркулова получил приказ форсировать Вислу и захватить плацдарм на ее западном берегу. Едва батальон начал переправу, как противник открыл ураганный огонь из пушек и минометов. Но благодаря умелому руководству командира батальон захватил плацдарм на западном берегу реки в районе Грауденц. Преодолевая яростное сопротивление врага, батальон продвинулся вперед. Захватив дамбу, М. К. Меркулов превратил ее в опорный пункт и обеспечил наведение моста через Вислу.

Более пяти суток вели бой отважные воины, ежедневно отражая по восемь-десять атак противника. Под прикрытием сильного артиллерийского и минометного огня противнику удалось ворваться на дамбу. Завя-

зался рукопашный бой. В ход пошли гранаты. С каждой минутой обстановка накалялась. Ряды героев таяли. Когда оставалось не более двадцати бойцов, майор Меркулов вызвал огонь советской артиллерии на себя. На боевые порядки фашистов обрушился шквал огня и металла. И враги откатились. Чудом оставшаяся в живых горстка советских воинов во главе со своим командиром преследовала их. А на рассвете была наведена переправа через Вислу. Наши части перешли в наступление.

Меркулов Матвей Кузьмич, генерал-майор, Герой Советского Союза.

... Прошли годы. М. К. Меркулов вновь на границе. Родина доверила ему охрану границ бескрайних просторов Казахстана и Западной Сибири. Много забот у Героя Советского Союза генерал-майора М. К. Меркулова. В решении задач, стоящих перед пограничниками, ему помогает огромный жизненный и боевой опыт.

ВЕРНЫЙ СЫН НАРОДА

Долгое время ничего не было известно о подвиге и последних днях верного сына казахского народа Хаби Халиуллина.

Уроженец села Акоба Уральской области, он до призыва на военную службу вложил немало труда в строительство новой жизни в Казахстане. Вначале у себя на родине, а затем в Алма-Ате Хаби Халиуллин проходил закалку на комсомольской работе. И куда бы ни посылала его партия, он с честью справлялся с поставленной задачей.

В начале 30-х годов он был призван в пограничные войска Среднеазиатского пограничного округа.

Как наиболее подготовленного, его назначили командиром отделения, а спустя некоторое время — на комсомольскую работу. Здесь ярко проявились способности пытливого юноши, умелого организатора и страстного пропагандиста ленинских идей.

В числе лучших политработников Х. Халиуллин был направлен в Петергофскую пограничную школу на курсы младших политруков, которую он окончил с отличием. И в числе немногих лучших был представлен к присвоению звания политрука. По возвращении к прежнему месту службы он возглавил комсомольскую работу пограничного округа.

Умело сочетая военную службу с общественной работой среди местного населения, Х. Халиуллин заслужил высокое доверие трудящихся: избиратели Мургабского округа Таджикской ССР единодушно проголосовали за кандидата в депутаты Верховного Совета СССР Х. Халиуллина.

В 1939 году он поступает в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. В аттестации за 1941 год командование академии отмечало хорошую успеваемость Х. Халиуллина по всем предметам. Отдельным пунктом указывалось, что как депутат Верховного Совета он проводит постоянную работу со своими избирателями, активно участвует в партийных мероприятиях, отличается силой воли, энергичным характером и настойчивостью.

Когда началась Великая Отечественная война, Х. Халиуллин ушел на фронт. В архивных делах не сохранилось данных о том, на какую работу он был направлен и в какой части служил. Сокурсник по академии, ныне полковник в отставке, сотрудник Музея пограничных войск в Москве В. Т. Кукин рассказывает, что Халиуллин получил назначение в политотдел армии.

...Май 1942 года. Бои под Харьковом. Пограничному полку было приказано занять промежуточный рубеж и прикрыть отход наших частей на левый берег Северного Донца.

Трудно предполагать, почему Х. Халиуллин оказался в этом пограничном полку. По-видимому, он

прибыл к пограничникам из штаба армии и остался вместе с ними прикрывать отход.

Несколько подразделений полка заняли оборону близ украинского села Протопоповки. Руководил боем Х. Халиуллин.

Очевидцы рассказывают: село Протопоповка трижды переходило из рук в руки. Все вокруг превратилось в руины. Но пограничники стойко сдерживали натиск превосходящих сил врага. Они не отступили. Фашисты обрушили на горстку героев огонь артиллерии и бомбовые удары.

...Семнадцать лет спустя, в 1959 году, были найдены останки Хаби Халиуллина. Их удалось обнаружить по депутатскому значку № 526, принадлежавшему нашему славному земляку.

Так стало известно о гибели героя-пограничника, долгие годы считавшегося пропавшим без вести.

Благодарные жители украинского села Протопоповки построили обелиск с мемориальной доской, на которой высечены слова: «Здесь похоронен депутат Верховного Совета СССР первого созыва Халиуллин Хаби, который погиб 28 мая 1942 года в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками при освобождении с. Протопоповки».

Именем воина-пограничника названа сельская средняя школа и пионерский отряд.

Решением Алма-Атинского горисполкома одной из улиц столицы республики присвоено имя Хаби Халиуллина.

НА ФРОНТОВОЙ ДОРОГЕ

В первые дни войны на западном направлении гитлеровцы сосредоточили наиболее сильную группировку войск. Здесь наши воины вели тяжелые бои с врагом.

Неподалеку от местечка Слоним по дороге ехал на телеге пограничник-казахстанец Иван Илларионович Мергалев. Он возвращался в часть после выполнения задания. По этой же дороге отходили в тыл наши раненые бойцы. Они шли очень медленно и наступавшие гитлеровцы могли захватить их в плен. И. Мергалев усадил на свою повозку раненых и отправил в тыл,

Мергалев Иван Илларионович, ефрейтор.

сам же взял ручной пулемет, винтовку, гранаты и остался прикрывать их отход.

Он подпустил фашистские цепи на очень близкое расстояние и забросал их гранатами. Гитлеровцы, не предполагавшие, что в засаде всего один советский боец, кинулись бежать. Мергалев начал расстреливать из ручного пулемета удиравших фашистов. Одиннадцать вражеских солдат упали мертвыми. Воспользовавшись растерянностью гитлеровцев, Мергалев отошел с занятой позиции... В последующем он присоединился к пограничному батальону, с которым и прошел всю войну.

Так, рискуя собственной жизнью, пограничник Мергалев спас раненых бойцов. Он не считал это подвигом. Он только выполнил свой воинский долг.

А спасенные Мергалевым раненые на всю жизнь сохранили о нем благодарную память.

Еще в феврале 1942 года «Комсомольская правда» напечатала их письмо. В письме говорилось: «Дорогие товарищи! Мы пишем из глубокого тыла врага, где нам пришлось остаться. Мы были ранены и отстали от своей части. Уверены, что это письмо дойдет до вас. Нам хочется рассказать о подвиге неизвестного героя-пограничника. Пусть знают о нем все советские люди».

Далее, рассказав, как их спас И. Мергалев, бойцы писали: «Не знаем, какая судьба постигла героя-пограничника, но мы на всю жизнь запомнили его. Защищая свою Родину и нас, раненых, он принял неравный бой.

Вечная слава и вечная благодарность пограничи-

ку И. Мергалеву! Возможно, есть люди, которые знают этого героя, пусть напишут о нем».

Долгое время не было известно, где проживает И. И. Мергалев и жив ли он.

Несколько лет продолжались поиски героя. Недавно полковнику в отставке В. Платонову удалось установить, что бывший пограничник живет сейчас в городе Лудзе Латвийской ССР.

Когда Ивана Илларионовича попросили рассказать о совершенном подвиге, он смутился. «Ведь я не совершил чего-либо выдающегося,— сказал он.— Воевал, как все, и сделал то, что сделал бы каждый советский человек».

ИХ БЫЛО ВОСЕМНАДЦАТЬ

В первые дни войны из частей Казахского пограничного округа формировались кавалерийские и стрелковые полки и направлялись на различные участки фронта.

Воины-казахстанцы отважно сражались под Ленинградом и Москвой, под Сталинградом и на Курской дуге.

Это было летом 1943 года на одном из участков Брянского фронта. Шел тяжелый бой. Стрелковый батальон пограничников трижды штурмовал вражеские позиции и, несмотря на упорное сопротивление, прорвал оборону противника. Фашисты не выдержали и начали поспешно отходить.

Подвиг мужества совершили здесь пограничники-казахстанцы во главе с лейтенантом А. Д. Романовским. В разгар боя лейтенант Романовский получил задачу отразить контратаку немцев, направленную во фланг батальону, и обеспечить нашим частям успешное наступление. Заняв оборону на высоте недалеко от населенного пункта, пограничники обрушили на наступающего врага лавину огня. Не раз лейтенант Романовский поднимал пограничников в атаку. Но кончились боеприпасы, и многие уже были ранены и убиты.

«Приготовить гранаты к бою!» — приказал Романовский.

Над высотой раздался взрыв...

Через несколько дней, когда немцы были отброше-

ны, в затоптанной ржи вокруг восемнадцати погибших героев было найдено около ста трупов фашистских солдат и офицеров. Никто из бойцов Романовского не нарушил приказа, не отошел. Коммунист Романовский и его бойцы сражались до последнего патрона.

Воспитанник Краснознаменной части Казахского пограничного округа А. Д. Романовский был представлен к званию Героя Советского Союза.

ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ

Это произошло 13 июля 1944 года на подступах к Вильнюсу.

Окруженные немецкие части предпринимали отчаянные попытки вырваться из кольца и прорвать нашу оборону, но встречали отпор. Прорвавшихся солдат противника уничтожали и захватывали в плен пограничники, охранявшие тыл действующей армии 3-го Белорусского фронта.

Завершив бой с вражеской группой, просочившейся через наши боевые порядки, пограничная застава под командованием младшего лейтенанта Гавриила Федотовича Кирдищева прикрывала рубеж у деревни Пустовка.

Начальник заставы выставил посты. Издали доносились глухие звуки боя.

В предрассветных сумерках замелькали тени в немецких мундирах.

По приказу младшего лейтенанта Г. Кирдищева личный состав занял места на заранее подготовленных огневых позициях. Немцы, вооруженные до зубов, хлынули из высокой и густой ржи. Фашистская рота пыталась прорваться к линии фронта. Но на ее пути встали пограничники. Более трехсот гитлеровцев, вооруженных пулеметами и автоматами, перешли в атаку. То есть на каждого пограничника приходилось десять фашистов. Обстановка создалась трудная. Предстоял тяжелый и длительный бой, но его надо было во что бы то ни стало выиграть.

Начальник заставы личным примером воодушевлял бойцов, своевременно появлялся на участках, где складывалась наиболее трудная обстановка, водил в атаку пограничников и бесстрашно сражался сам.

Несколько часов длился бой. В горячей схватке пограничники уничтожили более ста гитлеровцев и пятьдесят взяли в плен.

В решающую минуту боя был тяжело ранен младший лейтенант Г. Ф. Кирдищев, но не оставил своего поста до тех пор, пока фашисты не были разгромлены. По пути в госпиталь герой-пограничник скончался.

Родина высоко оценила боевые действия заставы. За умелое руководство боем и личную храбрость младшему лейтенанту Кирдищеву Гавриилу Федотовичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Свято чтут память Кирдищева в части, где он служил. Они гордятся подвигом однополчанина и поддерживают постоянную связь с родными героя, проживающими в селе Приозерном Целинного края.

Молодые воины в письме к Елене Ивановне, матери героя, писали: «Обещаем Вам неустанно крепить оборону Родины, бдительно хранить ее рубежи, быть такими же бесстрашными, как Ваш сын...»

Пограничники с честью справляются с возложенными на них задачами, умножая боевые традиции старших товарищей,— бдительно стоят на страже священных рубежей нашей Родины.

ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

...Война. Это слово, как гром средь ясного неба, прозвучало в эфире 22 июня 1941 года.

Пограничник Баитов, проходивший службу в Зайсанском пограничном отряде, попросился на фронт. Командование удовлетворило его просьбу.

В первой же схватке с врагами коммунист-пограничник проявил себя храбрым воином. Оценив его достоинства, коммунисты избрали С. Баитова парторгом роты.

В разгар боев рота получила приказ о наступлении. Парторг собрал коммунистов. «Наша рота первой идет на прорыв,— говорил Баитов.— Наступление должно быть внезапным и решительным. Мы, коммунисты, обязаны обеспечить успех атаки».

Когда рота развернулась в атаку, фашисты открыли ураганный огонь. Особенно мешал продвижению

пограничников огонь из кирпичного здания, превращенного фашистами в опорный пункт.

Во время схватки был убит командир. Рота замедлила движение. Старшина Баитов принял на себя командование и поднял бойцов в атаку.

«Вперед, бойцы-пограничники! За Родину! Коммунисты, за мной!» — крикнул он и рванулся вперед. Бойцы, воодушевленные парторгом, бились с врагом, как настоящие богатыри. Баитов первым ворвался во вражеские траншеи и в схватке уничтожил тринадцать гитлеровцев.

Фашисты были выбиты с позиций. Но из-за здания выползли восемь танков с черными крестами на бортах. Метким огнем их встретили бронебойщики. Ярким факелом вспыхнул один, за ним загорелись другие два. Оставалось еще пять танков, и они продолжали ползти, изрыгая огонь. Со связкой гранат Баитов бросился под гусеницы вражеской машины и уничтожил ее. Его примеру последовали другие бойцы. Это решило исход боя. Атака гитлеровцев захлебнулась.

4 ноября 1943 года в письме с фронта казахстанцы писали, что Семен Баитов пал смертью храбрых. «Почитайте, расскажите всем пограничникам о героической гибели нашего товарища. Пусть каждый из вас воспитывает в себе неутомимого борца и мстит фашистским извергам за все их злодеяния, причиненные советскому народу».

...Прошли годы. В торжественной тишине застыли ровные ряды юных друзей пограничников. Пионерская застава проводит боевой расчет:

— Застава, смирно! Герой Советского Союза старшина Семен Баитов!

— Герой Советского Союза старшина Семен Баитов пал смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины — Союза Советских Социалистических республик...

ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ

В 1939 году в пограничные войска пришел энергичный комсомолец из Петропавловска Северо-Казахстанской области Рашид Касымович Хабибуллин. После окончания школы сержантского состава он был назна-

чен командиром пулеметного отделения на одиннадцатую заставу Брестского пограничного отряда.

Хабибуллин Рашид Касымович, младший сержант.

На рассвете 22 июня фашисты обрушили на заставу ураганный огонь. Расчет станкового пулемета под командой младшего сержанта Хабибуллина получил задачу занять позицию у дороги западнее деревни Аркадия и не пропускать фашистов через Буг. Командир расчета умело выбрал место для пулемета, и когда гитлеровцы на надувных лодках начали переправляться, открыл огонь.

Десятки солдат и офицеров врага убиты. Переправа сорвана. В течение дня фашисты снова пытались форсировать реку в том месте, но безуспешно.

Противник обрушил на пограничников артиллерийский и минометный огонь. Но пулемет был точно заколдован. Тогда гитлеровцы форсировали реку южнее и стали окружать пулеметный расчет. Однако стоило фашистам приблизиться к заставе, и станковый пулемет встречал их огнем. Так и не удалось гитлеровцам замкнуть кольцо окружения. Только с появлением в тылу заставы танков пограничники начали отходить в лес.

Отход прикрывал младший сержант Хабибуллин со своими бойцами. Долго длился бой. Тяжело раненного командира отделения фашисты захватили в плен и бросили в лагерь в местечке Бяла Подляска. Но и в лагере он не сдался. Группа пограничников решила организовать побег. Среди инициаторов был и младший сержант Хабибуллин. В темную августовскую ночь пленные перебили охрану и вырвались из лагеря. Первой штурмовала ворота группа Хабибуллина.

В этой схватке он был тяжело ранен в живот и вновь взят гитлеровцами.

После жестоких пыток еще живого героя фашисты зарыли в землю. Так погиб воин-чекист Р. К. Хабибуллин. Он похоронен в Бяла Подляске, где на мраморной доске на братской могиле высечены слова: «В память о 40 тысячах советских военнопленных, замученных гитлеровскими захватчиками».

ВПЕРЕДИ РОДНАЯ ГРАНИЦА

Среди тех, кто сейчас охраняет границу в Казахстане, немало участников героической битвы на Курской дуге, героев форсирования Днепра и взятия Берлина. Один из них — полковник А. Шебанков — рассказывает о том, как дрались пограничники.

На весь фронт прогремела в те дни слава батальона, которым командовал майор Бобров. Бойцы этого батальона, несмотря на яростные атаки «тигров» и «пантер», не отступили. За этот бой майор Бобров был награжден орденом Ленина.

Исключительное мужество проявили пограничники при форсировании Днепра. Они скрытно и бесшумно достигли противоположного берега, прочно удерживали плацдарм и обеспечили переправу частей дивизии.

Многие воины-пограничники сложили здесь головы. За мужество и героизм в бою пограничник Чаловский был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Большим событием для пограничников был выход на советскую границу, где многие из них здесь принимали первый бой. Был среди наступавших и полковник Бершадский, который когда-то здесь служил комендантом участка.

Освобождение территории на границе было праздником для всех воинов. Казахстанец гвардии капитан Мильнер в письме с фронта 28 июля 1944 года писал: «...Итак, вчера мы заняли крупный стратегический узел и вышли на государственную границу. Вот она, родная граница, отвоеванная навсегда. Идем вперед. Привет казахстанцам».

* * *

Воины-чекисты с честью пронесли высокое звание пограничника, приумножая боевые традиции защитников рубежей нашей Родины.

Гвозди бы делать
из этих людей.
Не было б в мире
крепче гвоздей.

Эти стихи замечательного советского поэта Н. С. Тихонова с полным правом могут служить характеристикой советских пограничников — и тех, которые приняли на себя первый удар гитлеровских войск, и тех, кто хранил и хранит наши священные рубежи в мирные дни.

СОДЕРЖАНИЕ

Незримый фронт. Алма-Ата, «Казахстан», 1967.
312 с.

НЕЗРИМЫЙ ФРОНТ

Спец. редактор *Х. Б. Шокалаков.*

Редактор *В. Яковлева.* Техн. редактор *М. Злобин.*
Худож. редактор *В. Ткаченко.* Обложка худож. *Н. Гаева.*
Корректор *Л. Мусенко.*

Сдано в набор 10/VIII 1967 г. Подписано к печати 20/X 1967 г.
Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$—9,75 = 16,38 п. л. (16,0 уч.-изд. л.).
Тираж 300 000 экз. УГ02742. Цена 62 коп.
Издательство «Казахстан», г. Алма-Ата, ул. Кирова, 122.

Заказ № 625. Типография № 2 Главполиграфпрома Госкомитета Совета Министров Казахской ССР по печати, г. Алма-Ата, ул. Карла Маркса, 63.

62 к.

НЕЗРИМЫЙ ФРОНТ